

The background of the cover is a complex, three-dimensional geometric pattern composed of numerous small, irregular cubes and rectangular blocks. The color palette is a gradient of blues and purples, ranging from deep, dark indigo and navy blue to lighter, more vibrant shades of blue and purple. The lighting creates strong highlights and shadows, giving the structure a sense of depth and movement, as if the blocks are floating or shifting in space.

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ЭКСТРЕМИЗМУ, ТЕРРОРИЗМУ,
НЕТЕРПИМОСТИ:
РОЛЬ ПРАВА В ПРЕОДОЛЕНИИ
ПРОЯВЛЕНИЙ АГРЕССИИ В ОБЩЕСТВЕ**

**Санкт-Петербург
2023**

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ЭКСТРЕМИЗМУ, ТЕРРОРИЗМУ, НЕТЕРПИМОСТИ:
РОЛЬ ПРАВА В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОЯВЛЕНИЙ
АГРЕССИИ В ОБЩЕСТВЕ**

Коллективная монография

Санкт-Петербург
2023

УДК 341.48/49

ББК 67.91

П83

Рецензенты:

Пашенцев Дмитрий Алексеевич (Россия, Москва), профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
Алешина Александра Владимировна (Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент;

П83

Противодействие экстремизму, терроризму, нетерпимости: роль права в преодолении проявлений агрессии в обществе : коллективная монография / Под ред. В.Ю. Сморгуновой, А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2023. – 223 с. – Системные требования: Windows 7/8/10; Adobe Reader. – https://asterion.ru/db/temp/Protivodeist_extremizmu_terrorizmu_neterpimosti_2023.pdf — Текст : электронный.

ISBN 978-5-00188-449-1

В монографии публикуются научные статьи участников Международной научно-практической конференции «Противодействие экстремизму, терроризму, нетерпимости: роль права в преодолении проявлений агрессии в обществе» (Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 г.), представляющих Россию, Беларусь и Таджикистан. В работе освещаются вопросы противодействия экстремизму, терроризму, нетерпимости, а также роль права в преодолении проявлений агрессии в обществе.

Издание предназначено для преподавателей, аспирантов, магистров и практиков, интересующихся проблемами противодействия экстремизму, терроризму, нетерпимости на национальном и международном уровнях.

ISBN 978-5-00188-449-1

© Коллектив авторов, 2022-2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
------------------	---

ГЛАВА I. АГРЕССИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН, СПОСОБОВ ПРОЯВЛЕНИЯ И СРЕДСТВ ПРЕОДОЛЕНИЯ

§ 1. Основные направления изучения правовых аспектов противодействия различным формам проявления агрессии в молодёжной среде на современном этапе (<i>В.Ю. Сморгунова</i>).....	6
§ 2. Ценности современного мира и сильное государство (<i>Г.Г. Бернацкий</i>)	12
§ 3. Насилие в праве: постклассическое измерение (<i>И.Л. Честнов</i>)	18
§ 4. Безопасность и опасность как факторы конструирования политико-правового пространства (<i>И.Б. Ломакина</i>)	27
§ 5. Предпосылки формирования установок на агрессивное поведение в общественном правосознании современной России (<i>О.Н. Мигущенко</i>)	36
§ 6. Здоровый образ жизни и преодоление агрессии: философский и правовой аспект (<i>А.Б. Новиков, Н.А. Рагозина</i>)	49
§ 7. Правовая деалиенация как средство преодоления социальной агрессии (<i>А.В. Скоробогатов</i>).....	53
§ 8. Терроризм как социальная травма: правовое измерение (<i>А.А. Дорская, А.Ю. Дорский</i>).....	65

ГЛАВА II. ФОРМЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ И ИХ ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

§ 1. Борьба с дискриминацией и нетерпимостью – условие устойчивого развития современного государства (<i>Т.М. Киселёва</i>)	72
§ 2. Волеизъявление субъекта правотворчества как детерминант фрустрации и агрессии (<i>Т.Б. Крупнова</i>)	82

§ 3. Экстремизм и терроризм как средства сдерживания и подрыва национального суверенитета (С.У. Дикаев, Д.М. Дикаева).....	88
§ 4. Влияние этнической нетерпимости на распространение этнического терроризма (З.Ш. Матчанова).....	113
§ 5. Направления, методы и особенности использования терроризма и кибертерроризма против стабильности центральноазиатских обществ и меры противодействия (С.А. Раджабов).....	119
§ 6. Информационный терроризм: эффективны ли конвенции по борьбе с киберпреступностью? (В.П. Талимончик)	127

ГЛАВА III. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ АГРЕССИИ В ОБЩЕСТВЕ

§ 1. Правовые механизмы преодоления агрессии в обществе: взгляд французской политико-правовой доктрины второй половины XIX века (С.В. Бочкарев).....	140
§ 2. Правовые средства противодействия терроризму: проблемы эффективности (В.В. Лукьянов)	145
§ 3. Противодействие терроризму и вопросы реализации института обстоятельств, исключающих преступность деяния (А.В. Никуленко).....	161
§ 4. Правовое и организационное обеспечение противодействия экстремизму в молодежной среде (О.С. Рыбакова)	170
§ 5. Характерные особенности оптимизации института альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации) при разрешении налоговых споров в Российской Федерации (А.В. Шахматов, В.В. Фирсов).....	192
БИБЛИОГРАФИЯ	197
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ	220

ПРЕДИСЛОВИЕ

12 ноября 2021 г. на юридическом факультете Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена состоялась Международная научно-практическая конференция «Противодействие экстремизму, терроризму, нетерпимости: роль права в преодолении проявлений агрессии в обществе», на которой участники из разных стран обсуждали различные формы проявления агрессии, которые существовали на протяжении веков или появились в последнее время, а также правовые средства противодействия им.

Одним из итогов диалога стала данная монография, авторами которой стали представители трёх стран – России, Беларуси и Таджикистана. Авторы исходили из широкого определения агрессии (от латинского «agressio» – атака), связанного с деструктивным поведением, которое противоречит нормам и правилам сосуществования людей в обществе и наносит ущерб объектам нападения, который может выражаться в разных формах¹. Такой подход является необходимым, исходя из междисциплинарности понятия агрессии, которое должно изучаться с учётом достижений различных наук².

Особенностью монографического исследования стало то, что проблемы правового противодействия экстремизму, терроризму, нетерпимости рассматриваются с теоретических, историко-правовых, конституционно-правовых, уголовно-правовых, криминологических и международно-правовых позиций.

Несмотря на то, что экстремизм, терроризм, нетерпимость имеют собственные юридические характеристики, они могут рассматриваться вместе, поскольку создают угрозу национальной безопасности каждой страны, а также мировому правопорядку. Именно поэтому необходима не только продуманная нормативно-правовая база на международном и внутригосударственном уровнях, но система профилактики распространения данных явлений. Роль права как универсального социального регулятора в этом процессе очень велика, поэтому в монографии внимание уделяется не только изучению отдельных проявлений экстремизма, терроризма и нетерпимости, но механизмам противодействия таким агрессивным проявлениям в жизни общества.

¹ Гайдук А.О. Агрессия и формы ее проявления в современном обществе // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2020. № 2. С. 180.

² Дорская А.А. Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт. Монография. СПб.: Астерион, 2019. 160.

ГЛАВА I

АГРЕССИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН, СПОСОБОВ ПРОЯВЛЕНИЯ И СРЕДСТВ ПРЕОДОЛЕНИЯ

§ 1. Основные направления изучения правовых аспектов противодействия различным формам проявления агрессии в молодёжной среде на современном этапе

На современном этапе правовым аспектам противодействия различным формам проявления агрессии уделяется большое внимание в юридической литературе. При этом в качестве особой категории в силу психологических особенностей, социальной активности, воздействия количества информационных потоков во многих исследованиях выделяется молодёжь

Первым направлением можно выделить роль правовых средств в профилактике и противодействии агрессии в информационной среде. Сегодняшнюю жизнь сложно представить вне современных средств связи, коммуникации, получения информации.

Как отмечают Е.Л. Кудрина и В.С. Кудрин, «...в современных парадигмально изменившихся условиях развивающегося информационно-коммуникативного общества активная часть российской молодежи приобретает новые знания, умения и навыки, формируя качества, связанные как с высокой образованностью и возросшей социальной ответственностью, расширением культурного и мировоззренческого кругозора, так и с расширением плюрализма взглядов и позиций, активным развитием одаренности и креативности, других свойств современной личности»³.

Обзор практики позволяет отметить, что современному молодёжному экстремизму присущи общие черты: организованность, сплочённость группировок; формирование идеологических и аналитических структур; конспирация; использование новейших информационных и коммуникационных технологий, включая Интернет. В настоящее время молодые люди являются активными пользователями сети «Интернет». Они общаются, используя социальные сети, передают информацию разного рода, оповещают друг друга о предстоящих мероприятиях и собы-

³ Кудрина Е.Л., Кудрин В.С. Феномен толерантности в противодействии возникновению экстремизма в молодёжной среде // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 33-2. С. 171.

тиях. Это дает возможность для вербовщиков вести пропагандистскую и вербовочную деятельность в среде молодежи⁴.

Личная страница в социальных сетях создает у молодого человека ощущение собственной значимости и взрослости, иллюзию самостоятельного выбора поступающей информации, круга общения. А из этого следует заметно более высокий уровень доверия, чем к прочим ресурсам СМИ. Общение между молодыми людьми осуществляется в социальных сетях, где любая информация передается мгновенно и находит своих сторонников и противников. Любое политическое и иное информационное событие находит свою оценку в виде комментариев. У молодых людей в сети формируются свои герои и антигерои, носители жизненно важной информации, именно здесь они находят для себя политических и идейных лидеров. В связи с этим многие современные экстремистские организации для пропаганды своих взглядов активно используют все возможности СМИ. Этому есть психологическое объяснение. Максимализм, желание изменить мир вокруг себя, отсутствие страха за собственную жизнь и благосостояние близких, еще не выбранный профессиональный путь – вот лишь немногие черты характера современного молодого человека. Именно на эти качества делается ставка в процессе психологического воздействия с помощью специально подобранных информационных сообщений, способных усиливать агрессию и интолерантность к окружающим⁵.

Еще одним направлением исследований форм проявления агрессии можно выделить изучение проблем взаимосвязи агрессивного поведения и экстремизма. Ученые отмечают неразрывную связь агрессивного поведения с экстремизмом, которое выражается в нетерпимости к мнению оппонента, в склонности к крайним вариантам решения проблем, в непринятии консенсуса и прав личности. В психологической теории агрессия определяется как индивидуальное или коллективное поведение, направленное на причинение вреда другому человеку или группе лиц. Значительная часть правонарушений экстремистской направленности совершается подростками и молодыми людьми в группе, что свидетельствует об их психологической зависимости от нее. При этом личная ответственность снимается в созна-

⁴ Ясницкая М.И. Молодежный экстремизм, как современная криминологическо-правовая проблема // Военное право. 2019. № 6 (58). С. 234.

⁵ Сексте Я.А. Противодействие идеологии экстремизма и террористической деятельности в образовательной и молодежной среде: вызовы, проблемы и новые подходы // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права. Материалы V международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. С. 47-48.

нии молодого человека тем, что, по их мнению, "так принято" и "это вызывает одобрение"»⁶.

При определении экстремизма необходимо отметить проблему относительности данного понятия, которое интерпретируется в зависимости от отрасли знания – философской, социологической, культурологической, правовой, педагогической или психологической. Большое значение имеет также научная позиция исследователя, его ценностное отношение к данному явлению. В связи с этим в современном гуманитарном знании дается обобщающая характеристика экстремизма как сложного социокультурного феномена, как определенной системы идейно-политических, правовых и моральных установок, качеств личности (социальной группы), типа поведения, проявляющаяся при выборе цели и средств ее достижения во взаимоотношениях людей, в отношении к окружающей среде, всегда основанных на крайних взглядах, силовых методах, превышающих пределы допустимости в определенных нормативно-ценностных и правовых социальных структурах.

Е.В. Некрасова дает следующее определение данному явлению: «...экстремизм – всегда негативная характеристика, это одна из форм отчуждения, и прежде всего отчуждения от общечеловеческих, общекультурных ценностей. Экстремизм – это не только проявление девиации, он социально патологичен, поскольку в нем присутствуют две определяющие его сущность характеристики: а) превышение порога допустимого и б) элемент зла (в объективном и субъективном значениях), проявляющиеся в сознании и последующих действиях. Значимым для оценки феномена экстремизма является рассмотрение категорий зла, злого умысла»⁷.

Суть образовательного процесса состоит в формировании способности к мышлению о жизненных реалиях, в то время как террористические организации включают обучаемых в практику. Только приобретая экзистенциальный жизненный опыт, насыщенный действием, будучи лично включенными в реальные действия, школьники и студенты оценивают опыт как личное достояние и величайшую ценность. Если комплексная деятельность по профилактике экстремистских установок и настроений в молодежной среде основана на принципах превенции и

⁶ Петрова Т.А. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по противодействию распространению агрессии и насилия в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 316.

⁷ Некрасова Е.В. Экстремизм и его особенности в молодежной среде // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4. С. 432.

осознании значимости профилактических мероприятий, то целенаправленная деятельность сосредоточена на изучении отношения к экстремизму, обнаружении субъективных и объективных факторов микро- и макросреды, причин возникновения экстремизма, в противном случае, речь идет о борьбе с последствиями. Профилактика становится практической технологией, направленной на достижение личностной и национальной безопасности⁸.

Г.О. Федоров, А.С. Церковникова обращают внимание, что «...именно совокупность всех трех понятий (категоричность, трагичность, героизм) есть полный, всеобъемлющий экстремизм. Поясним эти три сущностно-структурные составляющие экстремизма. Категоричность – абсолютное несогласие, обесценивание и отрицание, отчуждение от чего-либо или кого-либо в сочетании с применением крайних методов. Трагичность – допустимость угроз, противоправных действий и радикальных мер, которые могут причинять вред, травмы и уничтожение "неудобных". Героичность – под лозунгом великой цели (торжества справедливости, наведение порядка, равноправия и т.п.) оправдание и возвеличивание своих действий и поступков, идеализация своего облика как героя, способного вершить судьбы и свершать великие дела»⁹.

Проблема проявления молодежного экстремизма, усиление деятельности молодежных организаций и объединений экстремистской направленности несут непосредственную угрозу интересам безопасности России. Количество неформальных молодежных объединений, придерживающихся крайне радикальных взглядов, становится все больше. Выражение недовольства действующими общественными социальными нормами и законом в целом часто переходит в массовые беспорядки и выступления, приобретает противоправный характер. Это приводит к столкновению между собой отдельных социальных групп. Подобное явление, как молодежный экстремизм, несет непосредственную угрозу подрастающему поколению нашей страны, которое является гарантом национальной безопасности и инновационного развития в целом.

Специалисты уделяют внимание и характеристике личности экстремистски настроенных молодых людей. В частности, С.А. Буданов и

⁸ Эрдынеева К.Г. Педагогическая проекция экстремистских проявлений в молодежной среде: превентивная парадигма // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 4-5. С. 105.

⁹ Федоров Г.О., Церковникова А.С. Профилактика негативных проявлений в молодежной среде // Социальные отношения. 2015. № 2 (13). С. 53.

Р.В. Колесников, проведя анализ личности молодого преступника-экстремиста, выделяют следующие черты:

1. Ключевая характеристика личности экстремиста заключается в особенном поведении, характеризующемся радикальным, а в некоторых случаях и фанатичным противостоянием представителям отличных от собственных вероисповедания, расы, национальности. Подобные радикальные настроения приводят к возникновению мотивации к насильственным действиям или совершению полного уничтожения оппонента.

2. Молодежь в процессе своего становления в обществе зачастую усваивает отрицательные качества, аморальные принципы, преступное поведение личности и прочие негативные элементы социокультурной среды, которые влияют на последующее поведение в социуме. Именно негативные элементы данной среды (духовно-нравственная деградация) ведут к дальнейшим девиациям, в том числе и к проявлению ксенофобии.

3. Экстремистское поведение молодёжи играет особую роль в данной проблеме как специальный способ выражения активности молодых людей, выходящий за общепринятые правила, типы и формы поведения, а также направленный на уничтожение имеющейся социальной среды и связанный с действиями насильственного характера по различным мотивам: социальным, национальным, религиозным, политическим и др. Важно заметить, что данная активность осознанна и имеет подкрепление в виде строгой идеологической концепции (национализм, фашизм, исламизм и др.) или специализированных символов, лидеров, лозунгов и т.п.

4. Лидеры современных общественных объединений используют психологические особенности подросткового возраста с целью пропаганды экстремистских, религиозных, асоциальных идей, формируя антиобщественные настроения, способствуя увеличению количества преступлений, сопряженных с противоправными действиями против личности и общества (хулиганство, вандализм). На сегодняшний день особое распространение получили идеи политического и религиозного характера, которые ориентируют подростков на противодействие различным социальным группам, а именно правоохранительным структурам, политическим объединениям (партиям), этническим группам, а также на агрессию в среде субкультурных объединений¹⁰.

¹⁰ Буданов С.А., Колесников Р.В. Молодежный экстремизм: особенности структуры личности преступника // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С.144.

Особое место в исследованиях агрессии и экстремизма занимает проблема противодействия данным явлениям в молодежной среде и выработка специалистами соответствующих направлений организационных мероприятий.

Противодействие экстремистским радикальным взглядам студенческой молодежи представляет собой комплексную проблему, требующую решения на законодательном и исполнительном уровнях, при тесном взаимодействии со всеми институтами гражданского общества, начиная с формирования семейных ценностей и морали, влияния дошкольных учреждений и т.д. Для достижения положительного эффекта данной работы необходимо следующее:

- формирование единой идеологической политики, акцентированной на стимулировании правопослушного поведения и воспитании позитивного правосознания подрастающего поколения;
- создание благоприятных условий для функционирования всех сфер жизнеобеспечения студенческой молодежи от практико-ориентированного обучения до проведения досуга;
- осуществление на постоянной основе правового просвещения молодежи как по вопросам противодействия экстремизма (терроризма), так и по другим наиболее социально важным темам;
- в целях искоренения правового нигилизма среди студенческой молодежи реализация на плановой основе различных научных представительских форумов, конференций, съездов, викторин под эгидой администрации субъектов Российской Федерации, где студенты, привлекаемые к роли организаторов данных мероприятий, будут сами определять наиболее правильный вектор развития профилактической деятельности по тем или иным направлениям¹¹.

В главе «Научно-методические основы противодействия экстремизму и терроризму в образовательных организациях» коллективной монографии¹² авторы предлагают в учебных заведениях работу по предупреждению и профилактике экстремизма начинать с диагностического этапа, целью которого является выявление отдельных проявлений девиантного поведения, личностных свойств толерантности у обучающихся.

¹¹ Бойко О.А., Кишеньков Д.Г., Ревягин А.В., Еремеев С.Г. Профилактика экстремизма в среде студенческой молодежи // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 3 (86). С. 357.

¹² Ахромова А.Г., Мегрикян И.Г., Иванова Н.В., Саакова К.Р., Величко А.И. Научно-методические основы противодействия экстремизму и терроризму в образовательных организациях // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты. Коллективная монография. Пенза: Наука и просвещение, 2021. С. 94-95.

Профилактика в образовательных учреждениях должна носить системный характер, быть адресной, постоянной и иметь опережающее воздействие. Мероприятия, составляющие основу профилактики экстремизма, должны включать: воспитание уважительного отношения к личности; привитие основ толерантности; иммунизацию подростка к идеологии экстремизма и терроризма путем формирования негативного образа как экстремистских объединений, так и их лидеров; отторжение насилия в любых его проявлениях; содействие формированию морально-волевых качеств обучающихся; обучение адекватным и эффективным способам поведения в нестандартных ситуациях; пропаганду традиционных для нашей страны форм ислама и противодействие попыткам их дискредитации; воспитание межнационального и межконфессионального взаимоуважения; формирование стрессоустойчивости; приобщение обучающихся к здоровому образу жизни.

Первичную же профилактику должен составлять комплекс мероприятий психодиагностического характера, способствующий выявлению лиц, склонных к девиантному поведению, агрессивности и враждебности.

§ 2. Ценности современного мира и сильное государство

В Евангелии от Матфея сказано: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне»¹³. Какой-нибудь бородастый и грубый экстремист бросит бомбу и убьёт 100 человек. Люди погибнут сразу. Это трагедия. Но более ужасно выглядит то, как лощенная и наглая девица Ксюша развращает и губит души сотен тысяч молоденьких, глупеньких девочек, и губит их годами. Эти девочки гибнут медленно, мучительно. Но они улыбаются, они прыгают от восторга, они не понимают, что находятся уже в аду. Представим себе отца, который с ужасом видит, как его любимая дочь, дочь, которой он отдал свои силы и сердце, вдруг заявляет, что нет ни отца, ни матери, а есть родители номер один и номер два.

Не так страшна бомба экстремиста, но куда страшнее развращение молодежи. Опасность исходит от гендерной идеологии Запада. Она проповедует абсолютную свободу в выборе своей сексуальной ориентации и даже половой идентичности. Защитники этой идеологии полага-

¹³ Евангелие от Матфея 10:28.

ют, что несут человечеству какое-то новое сознание, более высокое и правильное, чем прежде. Президент Российской Федерации В.В. Путин на Валдае говорил: «Требование отказаться от привычного понимания таких базовых вещей, как мама, папа, семья или даже различие полов, – это, по их мнению, и есть вехи движения к общественному обновлению»¹⁴. Однако это указывает на глубокий духовный, нравственный, идеологический кризис, в который упал Запад. Эта зараза захватывает и нашу молодежь. Нравственное здоровье молодежи в нашей стране находится в опасности.

Подобный духовный кризис отнюдь не уникален в истории. Кризис цивилизации проявляется прежде всего в деградации нравственных устоев и разложении господствующих ценностей. Так было в период упадка Римской империи, так было и в период конца нашей Российской империи. А.Н. Толстой писал о Петербурге начала XX века: «То было время, когда любовь, добрые и здоровые чувства, считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и, как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности. Девушки скрывали свою невинность, супруги – верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, невращения – признаком утонченности. Этому учили модные писатели, которые возникали за один сезон из небытия. Люди выдумывали на себя пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными. Вдыхать запах могилы и чувствовать, как рядом вздрагивает тело женщины, разгоряченное дьявольским любопытством, – вот в чем был пафос поэзии этих последних лет: смерть и сладострастие»¹⁵.

Большевики после революции 1917 года, отвергли старую государственную идеологию православной религии и объявили, что «изменяют весь привычный уклад, не только политический и экономический, но и само представление о том, что такое человеческая мораль, основы здорового существования общества. Разрушение вековых ценностей, веры, отношений между людьми вплоть до полного отказа от семьи – такое было, – насаждение и поощрение доноительства на близких – всё это объявлялось поступью прогресса»¹⁶. К счастью, большевики довольно быстро вернулись к защите традиционной семьи и традицион-

¹⁴ Путин В.В. Выступление на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», 21 октября 2021 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (Дата обращения 21.03.2023 г.).

¹⁵ Толстой А.Н. Хождение по мукам. М.: Наука, 2012. С. 9.

¹⁶ Путин В.В. Выступление на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», 21 октября 2021 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (Дата обращения 21.03.2023 г.).

ных ценностей, так что моральный кодекс строителя коммунизма во многом совпадает с христианской моралью.

Отметим закономерность. В периоды социальных кризисов, когда обнаруживается, что государственная власть не способна эффективно управлять обществом, в том числе и с помощью правовых механизмов, происходит возрождение внимания к естественному праву. Позитивное право сдает свои позиции. В нем обнаруживается много конъюнктурных и корыстных интересов, которые исходят от воли господствующего класса.

Философы и юристы стремятся найти в естественном праве незыблемую опору, которая содержит объективную справедливость и правду. Подобная ситуация наблюдается в России в начале XX века. После Второй мировой войны также возникло острое внимание к естественному праву. Это связано с реакцией на фашистскую диктатуру и тоталитаризм, которые поразили многие страны мира. В СССР в период перестройки и далее идет жесткая полемика вокруг соотношения понятий права и закона, вводится понятие «правовой закон», широко обсуждаются философских проблем права, издаются книги по естественному праву. А что происходит в настоящее время. В 19 странах Европы узаконены однополые браки. Люди с традиционной ориентацией подвергаются репрессиям: их увольняют с работы, их травят в СМИ.

Поставим вопрос. Как можно оценить эти идеологические и юридические извращения Запада с точки зрения естественного права. Вспомним, Римские юристы рассматривали естественное право как неписаное право, которое существует вечно в мироздании и исходит от разума богов. Оно несет в себе справедливость и правду, существует объективно и независимо от воли человека. Римские юристы полагали: что естественное право жестоко карает всякого, кто ему не покоряется. Всякий, кто, презрев человеческую природу, своевольно не покоряется данному естественному закону, – это беглец от самого себя, который неминуемо понесет величайшую Божью кару, если даже ему удастся избежать обычного людского суда и наказания.

Западная Европа Нового времени – это правоцентристская культура. Она четко отграничивает правовую сферу от религиозной, моральной, политической сфер. Мыслители Европы наделяют естественное право определенными признаками:

1) индивидуальные естественные права человека – право на жизнь, свободу и собственность – даны человеку от рождения. Они неприкосновенны для общества и государства (Дж. Локк);

2) индивидуальная свобода личности полагается ради самой свободы. Она не ограничивается высшими, духовными ценностями, а лишь ограничивается индивидуальными свободами других индивидов (Вольтер, П. Гольбах, Ж.Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескьё, И. Кант, Х. Вольф и др.);

3) право защищает «естественные» потребности человека и не связано религией и нравственностью (Г. Гроций, Т. Гоббс, французские просветители);

4) борьба за существование, конкуренция есть естественная, биологическая основа выживания человека (Г. Спенсер).

Россия, в отличие от Запада, принадлежит не к правоцентристской, а к этикоцентристской культуре. В России правовая сфера не отграничивается от религиозной, нравственной, политической сфер. Справедливость и правда являются центральными, базовыми категориями в российском правосознании. Б.А. Кистяковский утверждает: «Нормы права и нормы нравственности в сознании русского народа живут в слитном состоянии»¹⁷.

Юридическая мысль России связывает естественное право с православной нравственностью. А.В. Поляков пишет: «В российском правосознании отсутствует дихотомия "право – закон" и поэтому "плохому" закону противопоставляется православная нравственность или совесть. Она выполняет ту же функцию высшей инстанции над законом, какую в Западной Европе играет естественное право»¹⁸.

Русские философы, духовные лица, юристы наделяют естественное право следующими признаками:

1) приоритетом являются не права, а обязанности человека. Митрополит Санкт-Петербургский Иоанн пишет: «Благородная, на первый взгляд, идея абсолютизации "прав" питает гордыню, высокоумие и тщеславие, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном счете, к сословной и классовой вражде, к войне "всех против всех" ... Русское общество от века строилось на воспитании в человеке, прежде всего, твердого осознания своих обязанностей»¹⁹. В Декларации о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора утверждается: «Права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя

¹⁷ Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи. М., 1990. С. 137.

¹⁸ Поляков А.В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания // Правоведение. 1997. № 4. С. 83-101.

¹⁹Высокопреосвященный Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб.: Л.С. Яковлевой, 1994. С. 344.

свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества»²⁰. Абсолютизация прав человека над обязанностями в современном мире стало опасно и разрушительно для общества и государства. Идеологи гендерного равенства и свободы смены пола разрушают основы культуры, губят самого человека. Антиваксеры – борцы против прививок от Ковида – стали источником смерти для тысяч людей. Многие блогеры в интернете стали отвратительными источниками садомизма и мракобесия. Во истину сказано: дайте человеку абсолютные права, и он перевернет весь мир. Человечество должно остановить эту вакханалию вокруг прав человека;

2) человек, его жизнь имеет особую ценность, которая не может быть отнята, а личность не имеет, а приобретает достоинство добрыми делами. Ценность человека должна уважаться каждым из нас, и обществом, и государством. Эта ценность не может быть отнята. Вместе с тем личность приобретает достоинство совершая добрые дела. Таким образом, различаются ценность человека и достоинство личности. Ценность человека – это то, что дано от рождения, а достоинство – это то, что приобретается²¹ человеком путем совершения добрых дел;

3) человек не исчерпывается «естественными» утилитарными потребностями, правами и свободами. Западное правовое государство не является идеалом для русского человека. А.В. Поляков пишет: «Для православного сознания право не имеет значения самодовлеющей ценности, а является лишь одним из средств для достижения религиозно-нравственных целей. Поэтому западноевропейский индивидуалистический идеал правового государства никогда не выступал в российском правосознании в качестве общественного идеала. С идеалом в России связывались представления о царстве "правды", а не царстве права. Соборный, надындивидуальный характер "правды" является отличительной чертой правосознания русского общества»²²;

4) существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности, как вера, нравственность, святыни, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к

²⁰ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6 апреля 2006 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (Дата обращения 21.03.2023 г.).

²¹ Там же.

²² Поляков А.В. Общая теория права. СПбГУ, 2017. 472 с.

оскорблению религиозных и национальных чувств, а также почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества²³;

5) высшей ценностью для человека и государства является гармония индивидуальных и общественных интересов с опорой на духовное единство русской нации;

6) свобода личности – это не утилитарная свобода личности действовать по своему усмотрению, а христианская свобода духа человека следовать божественному промыслу. Свобода – это осознанная необходимость. Христос в молении о чаше шепчет: «Отец, прошу Тебя, избавь Меня от этой чаши! Пусть не Моя воля исполнится, а Твоя!»²⁴;

7) разум не является абсолютно надежным регулятором поведения. Разум должен действовать под контролем совести. Разум связан пользой, корыстью, страстями. Разум должен действовать под контролем совести (Ф.М. Достоевский).

Очевидно, что современная гендерная идеология Запада несовместима с требованиями естественного права. Западное право на свободу самовыражения и плотских удовольствий превратилось в духовное вымирание и положило начало антропологической катастрофе. Мул – гибрид лошади и осла – может быть весьма красив, но мул абсолютно бесплоден. Идеология гендерного равенства внешне красива, но она абсолютно бесплодна. Эта бесплодная идеология более опасна, чем экстремизм и терроризм. Бесплодная идеология ведет к полному вымиранию человечества.

Молодежь России испытывает серьезные атаки со стороны идеологии гендерного равенства. Россия должна противостоять этой агрессии путем утверждения своих национальных традиций, нравственных ценностей, традиционной семьи. России необходимо утвердить свою государственную идеологию, которая должна опираться на российское понимание естественного права.

Сравним 4 типа государств по их отношению к религии: теократическое, клерикальное, светское и атеистическое. Поставим вопрос. Какое из этих типов государств при прочих равных условиях самое слабое. Самое слабое – это светское государство. В нем нет духовного единства народа и силы, чтобы противостоять агрессии, нет идеалов, которые надо защищать ценою жизни.

²³ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6 апреля 2006 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (Дата обращения 21.03.2023 г.).

²⁴ Евангелие от Луки 22:42.

Вспомним недавние события. Бедные моджахеды в Афганистане с простыми автоматами без ракет и танков победили самую сильную армию мира – армию США. Моджахеды черпали духовные силы в мусульманской религии. И они победили. А американские войска нравственно деградировали.

Россия на протяжении всей истории жила так, что в ней всегда была государственная идеология. В царской России – это православная религия. В СССР – это коммунистическая идеология. Советский союз был самым сильным государством мира – великой сверхдержавой. СССР достиг могущества благодаря господству коммунистической идеологии и вере большинства населения в ее идеалы. Когда идеология пала, тогда пал и Советский Союз. Сейчас Россия впервые за 1000 лет своего истории живет без государственной идеологии. У нас светское государство. Это чрезвычайно опасное положение и для государства, и для народа.

Россия должна возродить государственную идеологию. России необходимо построить свою идеологию и законодательство на великих вековых традициях. Традиция – это не поклонение пеплу, а передача огня. Данное требование фактически закреплено в поправке в Конституцию России. В ст. 67¹ утверждается: «2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

Можно утверждать, что только при следовании этому идеологическому курсу Россия может обеспечить духовное здоровье народа и сохранить страну как сильное и суверенное государство.

§ 3. Насилие в праве: постклассическое измерение

Постклассическая юридическая наука, основанная на отличающейся от традиционного подхода рациональности, переосмысляет свой категориальный аппарат и изменяет (или переконструирует) свой предмет. Среди новых явлений, попадающих в поле зрения юриспруденции постсовременного общества, выделяется насилие как социально-психологический феномен. Почему социально-психологический? Потому, что это явление распространено, многократно используется (применяется) и, ко всему прочему, соответствующим образом воспринимается и оценивается. Поэтому психология восприятия и оценивания органич-

но входит в содержание насилия. Если воздействие на субъекта воспринимается им как «нормальное», не затрагивающее его волю, эмоции, как не причиняющее ему «неудобств» или как неблагоприятное воздействие, то оно и не будет для него насилием (хотя с позиций внешнего наблюдателя, например представителя другой культуры, жесткие требования к одежде женщин в публичных местах в некоторых мусульманских странах квалифицируются как насилие). Такая позиция была сформулирована еще в 1985 г. И.Л. Петрухиным – известным советским теоретиком уголовного процесса – и представляется достаточно обоснованной²⁵. Более того, в ней имплицитно воспроизводится идея дополнительности – зависимости воспринимаемого от позиции наблюдателя. В юриспруденции различение внутренней (актора) и внешней (общества) точки зрения последовательно проводил Г. Харт, а принцип дополнительности активно используется Я.И. Гилинским в криминологических исследованиях. Учет того, с какой точки зрения описывается насилие, то есть, о контекстуальности любого описания, свидетельствует о неклассической рациональности. Более того, любое восприятие предполагает диалог или дополнительность точки зрения актора (участника) и внешнего наблюдателя: актер интериоризирует общественные требования (позицию обобщенного Другого), а социальное представление (репрезентация) не может не включать точку зрения участника (участников).

Классическая юридическая наука либо не принимала во внимание насилие как социально-психологическое явление (в нормативизме или аналитической философии права социальному и психологическому нет места), либо изучала его как негативное проявление, как криминогенный фактор (в криминологии). И лишь некоторые авторы, например, Я.И. Гилинский, А.В. Поляков, В.В. Лазарев и некоторые другие, показывают значение принуждения (насилия в праве) как имманентный аспект его – права – бытия. В то же время классическая философия (этика, прежде всего) квалифицировала насилие как объективное зло – некую природную (примордиальную) данность вещей. В этом проявляется реификация понятий, свойственная классическому мышлению вообще и научному (и философскому) в частности. Между тем, неклассическая философия исходит из того, что оценка какого-либо действия или явления как отрицательного, негативного (как «зло»), включая насилие, зависит от интенциональной позиции наблюдателя, от его системы ценно-

²⁵ Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение: Общ. концепция. Неприкосновенность личности / Отв. ред. И.Б. Михайловская. М.: Наука, 1985. 239 с.

стей и контекста, в соответствии с чем производится приписывание тех или иных оценок действиям и явлениям. Это вытекает из общеметодологического принципа дополнительности, сформулированного Н. Бором: «... в описании положения отдельного лица внутри общества имеются типично дополнительные стороны, связанные с подвижной границей между оценкой человеческих ценностей и общими положениями, на основании которых о них судят ...»²⁶. Поэтому зло и добро – диалектически связанные феномены (одно не существует без другого), они релятивны и по отношению друг к другу и к позиции наблюдателя.²⁷ Принципиально важно то, что добро и зло не есть некие естественные, природные (примордиальные, вытекающие из природы вещей) данности. Как писал Б. Спиноза: «В естественном состоянии нет ничего, что было добром или злом по общему признанию <...> В естественном состоянии нельзя представить себе преступления: оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству»²⁸. Об этом же пишет К. Лоренц: «Вопрос, "хороши" или "плохи" ненависть, любовь, верность, недоверие и т.д., задается без всякого понимания системного функционирования этого целого и так же нелеп, как если бы кто-нибудь спросил, хороша или плоха щитовидная железа. Ходячее представление, что явления этого рода можно разделить на хорошие и плохие, что любовь, верность и доверие сами по себе хороши, а ненависть, неверность и недоверие сами по себе плохи, происходит лишь от того, что в нашем обществе первых, вообще говоря, недостает, а вторые имеются в избытке»²⁹.

Насилие, по глубокому наблюдению Я.И. Гилинского, следует отличать от агрессии. Если агрессия – средство «борьбы за существо-

²⁶ Бор Н. Избранные научные труды. М.: Наука, 1971. Т. 2. С. 495. Цит. по: Гилинский Я.И. Есть много истин, но нет Истины // Гилинский Я.И. Человеческое, слишком человеческое. СПб.: Алетейя, 2020. С. 43.

²⁷ Один из наиболее оригинальных философов конца XX в. Ж. Бодрийяр описывает эту диалектику несколько иначе: «Добро заключается в диалектике Добра и Зла. Зло же состоит в отрицании этой диалектики, в радикальном разобщении добра и Зла, и вследствие этого – в автономии принципа Зла. В то время как Добро предполагает диалектическую связь со Злом, Зло базируется на самом себе, на полной несовместимости с Добром. Зло, таким образом, оказывается хозяином положения, и принцип Зла, господство вечного антагонизма, одерживает триумф». – Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 2-е изд. М.: Добросвет; КДУ, 2006. С. 205.

²⁸ Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 554. Цит. по: Гилинский Я.И. Преступность как повседневность // Гилинский Я.И. Человеческое, слишком человеческое. СПб.: Алетейя, 2020. С. 105.

²⁹ Лоренц К. Обратная сторона зеркала: пер. с нем. / Под ред. А.В. Гладкого; сост. А.В. Гладкой, А.И. Федоров; послесловие А.И. Федорова. М.: Республика, 1998. С. 8.

вание», выживание, то социальное насилие, присущее только человеку, – есть средство "сверхборьбы" за "сверхсуществование" (лучшее, комфортное, богатое, привилегированное существование)»³⁰. В социальной психологии, несмотря на значительный разброс мнений, под агрессией понимается «целенаправленное деструктивное и наступательное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным или неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояния напряженности, страха, подавленности и др.)»³¹. По поводу насилия утверждается, что «хотя преобладающим значением насилия является "принуждение", диапазон этого понятия охватывает и такие термины, как "управление", "начальство", "полномочие", "авторитет". Вплоть до сегодняшнего дня за понятием насилия закреплены противоположные значения, которые можно обнаружить при различных попытках легитимизировать насилие. Насилие как принуждение является актуализацией возможностей, но таких, которые противны тому, кто терпит страдания. В этом смысле насилие обладает деструктивным характером. При таком понимании насилия оно перестает просто отождествляться с властью и силой и приобретает более конкретный и строгий смысл. Это позволяет отличать насилие как определенную форму общественных отношений от: а) таких свойств человека, как агрессивность, властность; б) иных форм принуждения, существующих в социуме, в частности, патерналистского и правового»³².

Несмотря на различия в походах и множество точек зрения по данному вопросу, полагаю, что терминологически верно и оправданно различать агрессию как биосоциальное явление и насилие как исключительно социальный феномен. При этом принципиально важным представляется вывод Я.И. Гилинского, что «насилие (violence) – в различных его проявлениях – неотъемлемая составляющая (элемент) общественного бытия»³³. Общества без насилия нет и не будет, несмотря на все благие заявления гуманистов эпохи Просвещения. Поэтому проблема его – насилия – изучения является чрезвычайно актуальной в том числе для выработки мер по противодействию «агрессивному насилию»

³⁰ Гилинский Я.И. Человеческое, слишком человеческое. СПб.: Алетейя, 2020. С. 8.

³¹ Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 11.

³² Там же. С. 17-18.

³³ См. подробнее: Гилинский Я. Социальное насилие. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2017. 2012 с.

(по терминологии В.А. Четвернина, считающего последнее основанием для квалификации «неправового»).

Насилие в постсовременном обществе, которое развивается (изменяется) гораздо быстрее, нежели философы успевают его описать и даже обозначить (отсюда разброс в его наименовании как «постиндустриального», «информационного», «постмодернистского» или «постпостмодернистского»), приобретает черты гегемонии. Эти термином А. Грамши обозначал «сочетание силы и согласия, принимавших различные формы равновесия, исключая слишком явное преобладание силы над согласием; напротив, пытаются даже добиться видимости того, будто сила опирается на согласие большинства, выражаемое через так называемые органы общественного мнения»³⁴. Сегодня гегемония, по мнению авторитетнейшего нео- (или пост-) марксиста Э. Лаклау, трансформировалась в популизм как коллективную волю демократических требований или в «гегемонистический популизм»³⁵. При этом важно не только то, что власть сегодня не может не учитывать (или не конструировать) ожидания подвластных, но и то, что формы и методы насилия в информационном социуме значительно изменяются. Как прозорливо указывает С. Жижек, «мы привыкли сегодня связывать насилие с преступлениями и терактами, не говоря уже о масштабных войнах. Нам нужно научиться отстраняться, освобождаться от чар этого непосредственно зримого "субъективного" насилия, насилия, совершаемого какой-либо четко опознаваемой силой. <...> Субъективное насилие – это лишь наиболее зримая вершина треугольника, который включает также два других вида насилия. Есть "символическое" насилие, воплощенное в языке и формах, в том, что Хайдеггер назвал бы "нашим домом бытия". <...> Это насилие работает не только в очевидных – и широко изученных – случаях речи-ненависти и отношений социального господства, воспроизводимых в наших привычных речевых формах: есть еще более фундаментальная форма насилия, которая принадлежит языку как таковому, насаждаемая им определенной смысловой вселенной. Помимо него, существует еще и то, что я называю "системным насилием", под которым понимаются нередко катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических систем.

Суть в том, что субъективное и объективное насилие невозможно различить с одной точки зрения: субъективное насилие воспринимается

³⁴ Грамши А. Тюремные тетради. Избранные произведения в 3 томах. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1959. С. 219-220.

³⁵ Laclau E. On Populist Reason. London., New York: Verso Books, 2004. 276 p.

в качестве такового лишь на фоне ненасильственного нулевого уровня. Оно кажется нарушением "нормального", мирного положения вещей. Но объективное насилие как раз и является собой насилие, присущее этому "нормальному" положению вещей. Объективное насилие невидимо, поскольку оно поддерживает тот самый стандарт нулевого уровня, благодаря которому мы воспринимаем нечто как субъективное насилие»³⁶.

Возможно, заявление о насилии, которое несет в себе язык или система означивания, – это постструктуралистское преувеличение, однако отрицать связь физического и психического (ментального) в социальной жизни вообще и в насилии в частности невозможно. Так, один из лидеров натуралистической философии, именовавший себя «материалистом», Д. Деннет провозгласил коэволюционную (функциональную и генетическую) связь ментального и физического³⁷. Очевидно, что в современном мире социальные действия, явления и процессы не существуют вне и без их означивания, психического (или ментального) опосредования. Более того, само восприятие реальности свидетельствует о существовании (социальном бытии) реальности. В то же время без физического (внешнего) воздействия насилие как таковое также невозможно.

Сегодня насилие все более проявляется в цифровизации общественных отношений и составляет важный аспект медиареальности. Социальность невозможна без коммуникации с Другим, который сегодня, по мнению В.В. Савчука, ведущего отечественного специалиста в сфере медиафилософии, «все больше становится доступен лишь посредством цифровых технологий. Сегодня не только связь человека с миром, с Другим, но и сама реальность, предстающая в форме медиареальности, является продуктом новых технологий»³⁸. «Форма всегда есть насилие над содержанием, сообщение – над общающимися, а коммуникация – над внутренним миром беседующих. Нет преувеличения в выводе: самая эффективная форма насилия – массмедиаально организованная форма принуждения к использованию ведущего медиа, к данности катастрофично-развлекательного мира, к потреблению продуктов трагических событий, производимых и передающихся непрерывно работающей новостной машиной, машиной сенсаций»³⁹.

³⁶ Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. С. 5-6.

³⁷ Dennett D.C. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Cambridge (Mass.), London: Bradford Books, 1986. 353 p.

³⁸ Савчук В.В. Медиафилософия. Приступреальности. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство РХГА, 2014. С. 4.

³⁹ Там же. С. 116.

Насилие в медиареальности – это всегда образ, визуализирующий, а тем самым конструирующий оценку действия или события как насилие. «Повсюду можно наблюдать прецессию средств массовой информации в отношении террористического насилия, – пишет Ж. Бодрийяр. Именно это придает насилию специфически современную форму, гораздо более современную, нежели так называемые «объективные причины, которые мы стараемся ему приписать: ни политические, ни социальные, ни психологические причины несоизмеримы с этим событием»⁴⁰. Как террористы ухитряются оккупировать ведущие полосы газет и менять политическую ситуацию по всему миру? – задает справедливый вопрос Ю.Н. Харари. «Они провоцируют своих врагов на неадекватный ответ. По своей сути терроризм – это шоу. Террористы показывают нам чудовищный спектакль, который завладевает нашим воображением и вызывает у нас чувство возвращения в средневековый хаос. В результате государства, исполняя свои прямые обязанности, отвечают на этот бесчеловечный террористический театр показательным ужесточением мер безопасности, организуя масштабные демонстрации силы вроде санкций по отношению к целой стране, или вторжения в нее. Как правило, такая гиперреакция является большей угрозой нашей безопасности, чем сами террористы»⁴¹.

Насилие в праве описывается как принуждение. В принципе, право не существует без принуждения, хотя не все нормы права, с моей точки зрения, являются формально-юридически принудительными, а только запретительные. Но они обеспечивают угрозой наказания (и иными видами принуждения – пресечением, предупреждением, принуждением при разрешении дела) управомочивающие и обязывающие нормы, которые сами по себе принудительными не являются. В этом смысле право в целом обеспечено (должно быть обеспечено) принуждением. В то же время нет объективных, «сущностных», универсальных и одновременно содержательных критериев для отнесения того или иного деяния, явления или события к «голому насилию» (если использовать

⁴⁰ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 2-е изд. М.: Добросвет; КДУ, 2006. С. 112. Не случайно в медиареальности именно насилие «привилегировано; оно всегда пропускается вперед культуры, экономики, политических дебатов, о нем сообщается тотчас, как только оно где-либо происходит. Вернее сказать, как только оно проявляется, то первым получает право голоса и образа на экранах в праймтайм, за которое бьются не на жизнь, а на смерть индустрия развлечений, реклама товаров и услуг. Насилие, разрушения, смерть приковывают и прочно удерживают внимание телезрителей и пользователей у экранов, радиослушателей у радио». – Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство РХГА, 2014. С. 163.

⁴¹ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2021. С. 27.

аналогичную терминологию Дж. Агамбена применительно к жизни) и, соответственно, устанавливать его наказуемость, а также вырабатывать иные принудительные меры для его выявления, пресечения и предупреждения. Даже убийство, как постоянно повторяет Я.И. Гилинский, контекстуально и конструируется властью в той или иной форме. Замечу, что у всех народов и во все времена обнаруживается запрет убийства, однако это универсальная абстракция, которая наполняется конкретным содержанием по-разному в соответствующих контекстах (историческом и социокультурном). В связи с тем, что невозможна универсальная и одновременно содержательная юридическая квалификация насилия, чрезвычайно важно выяснить, как именно конструируется и воспроизводится (т.е. действует) принуждение в праве.

Право, в общем и целом, действует «бинарным кодированием» (Н. Луман) (точнее – информирует о запрещенном, должном, разрешенном), определяя правомерное/противоправное. «Система права служит иммунной системой общественной организации»⁴². Право, по мнению выдающегося немецкого социолога, создается в предвосхищении возможных конфликтов⁴³. Однако право «не служит избежанию конфликтов. Оно даже приводит к непомерному расширению их возможностей – в правовых обществах конфликты не подавляются, в отличие от обществ, основанных на интеракции. Право пытается избежать лишь насильственного разрешения конфликтов и обеспечить каждому из них подходящую форму коммуникации. <...> Функция права не есть забота о том, чтобы происходило как можно больше законных действий и как можно меньше незаконных. Это было бы просто, следовало бы лишь все разрешить. Нет также и речи о том (как думали представители естественного права), чтобы реализовать естественный порядок вопреки свободной, развращенной человеческой воле. Тем не менее различие правомерного и неправомерного вводится не произвольно. Проблема заключается не в альтернативе признания естественно-связующего минимума порядка и полной произвольности. Условия использования схемы правого/неправого и отношение системы права к окружающему миру намного комплекснее, чем позволяют предположить эти слишком простые варианты теории. Право должно выполнять функцию иммунной системы и предназначено этому. Поэтому система права автономна

⁴² Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 489.

⁴³ Не отрицая важную роль права в разрешении социальных конфликтов, замечу, что функции права гораздо шире охранительности (в широком смысле слова). Не менее значимы позитивные функции права, сопровождающие практически все реформы и преобразования, в той или иной степени все социальные действия.

в использовании своей схемы правого/неправого. Однако с помощью данной схемы она должна, насколько это возможно, защищать аутопойесис коммуникативной системы общества от множества помех, которые эта система производит сама по себе. Система права должна предупреждать общество путем производства своих ненадежностей и нестабильностей и при этом, конечно, не может действовать "ошибочно", не может находиться вне ожидаемых проблем»⁴⁴.

Трудно не солидаризироваться с афористичными тезисами Н. Лумана: «Правовая система начинает функционировать, все время действуя по схеме правовое/неправовое. <...> Право служит продолжению коммуникации иными средствами». В то же время замечу, что ответа на принципиально важный вопрос о том, кто и как, а также почему производит различие правовое/неправовое, Н. Луман не дает. Полагаю, что это связано с тем, что, повторяюсь, не существует объективных и универсальных критериев квалификации деяний, социальных явлений и процессов как «голое», точнее «чистое», насилие. Власть с оглядкой на общество (основные референтные группы) вырабатывает правовую политику относительно границ свободы/насилия (Д. Деннет). Конечно, границы произвола власти всегда ограничены (даже в тоталитарном обществе). Эти границы задаются принципом самосохранения – выживания себя (власти), что невозможно без самосохранения социума. Но действовать все же приходится в основном методом проб и ошибок. Исследование «конструирования в контексте» (если перефразировать название знаменитой книги лидера постмодернистской психологии К. Джерджена⁴⁵) принуждения в праве – вот та методологическая программа, которая наиболее адекватна постижению насилия в постсовременном социуме. Суть ее в том, чтобы показать, как внешние факторы (экономические, политические и др.) оцениваются и преломляются в принятии решения квалифицировать их как опасные угрозы, а соответствующие действия – как незаконное насилие, а также как необходимо на них реагировать. Повторю еще раз: не существует объективных критериев такой оценки и юридической квалификации – она всегда контекстуальна и определяется расстановкой политических сил, ролью гражданского общества в принятии политико-правовых решений, преломлением экспертных знаний в политическую плоскость и другими факторами. Именно они образуют контекст правового конструирования юридических запретов того насилия, которое власть и общество считают сегодня неприемлемым, и санкций за нарушение этих запретов.

⁴⁴ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 490-492.

⁴⁵ Gergen K. Social Construction in Context. London: SAGE, 2001. 240 p.

§ 4. Безопасность и опасность как факторы конструирования политико-правового пространства

Безопасность и опасность, будучи ключевыми концептами любой нормативно-правовой культуры, связаны с осмыслением и означиванием особых состояний человеческого общества, включая уровень индивидуальный и коллективный. Оседая в культурных паттернах, эти состояния, институционализировались в долженствованиях и выражались максимами, обретая вербальную форму. Вербализация концептов контекстуально обусловлена. Американский философ Дж.Р. Сёрл, представитель аналитического направления в философии, ведущий специалист по философии искусственного интеллекта, не без основания полагал, что «мысли, которые конструируют институциональные факты, зависят от языка»⁴⁶. Поэтому язык служит информационным кодом, расшифровка которого позволяет конструировать представление о людях и их ценностной составляющей. Несмотря на языковое разнообразие, проявляющееся при выработке, использовании и эволюции того или иного понятия, термины «безопасность» и «опасность» находятся во внутренней диалектической связи.

Культурные миры, в которых создавались эти концепты, являли миру различные варианты сценариев «счастливой жизни». Скрепленные «великими» рассказами об общей судьбе, богоносного народа, получала легитимацию и идея о защите пространства, в котором бытийствовал тот самый богоносный народ.

Безопасность и опасность как индикаторы поведения человека и социальной системы в целом, предполагали легальное, а, иногда, и нелегальное насилие по отношению к тем, кто нарушал должное равновесие. Стихийное насилие как атрибут слаборазвитых в правовом отношении культур с течением времени приобретало черты институционализированного принуждения, которое легитимировалось доктринами безопасности. Есть все основания полагать, что по мере развития и усложнения общественной жизни ключевые концепты нормативной культуры, такие как «опасность» и «безопасность», начинают активно эксплуатироваться правящей элитой. При этом арсенал реальных и мнимых угроз конструировался через дискурсивные практики, в которых всегда присутствовал враг и страх перед ним.

⁴⁶ Сёрл Дж.Р. Конструирование социальной реальности. URL: https://www.phantastike.com/social_psychology/designing_social_reality/html/ (Дата обращения 12.03.2023 г.).

Страх как эмоционально психологическое состояние человека побуждал формировать институционализированную систему защиты, которая, в зависимости от цивилизационной направленности культуры, либо возлагалась на внешние публичные управленческие структуры (восточный вектор), либо на внутренние индивидуалистические институты (западный вектор). Поэтому концепты «безопасность» и «опасность» имеют контекстуальный, временной и исторический характер. Содержание опасности и безопасности напрямую зависит от социальных повседневных практик вербализованных долженствований, закреплённых нормативной культурой.

Не случайно Ф. Фукуяма отмечает, что универсальный характер термин «безопасность» приобрел только в XX в. Причину этого он видит в Великом разрыве – в социальных и культурных переменах, которыми сопровождался переход от индустриального общества к информационному⁴⁷.

С.А. Панарин, руководитель Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН, анализируя концепт «безопасность» в культуральном аспекте, пишет: «... на своеобразные в культурном отношении картины мира, выработанные в разных его частях и уже потому частичные, накладывается картина мира, также вышедшая из одного культурного локуса, но силою исторических обстоятельств превращенная во всеобщую, универсальную. Картина, не обязательно всеми на земле усвоенная, но уже почти всем хотя бы поверхностно знакомая. В этой, западной картине мира специальное слово для обозначения того, что мы сейчас называем состоянием безопасности, известно, как минимум, со времен Цицерона и Сенеки»⁴⁸. И далее, актуализируя лингвокультурологическую сторону понимания безопасности различными культурами, ученый констатирует, что «наполнившись другими смыслами, в первую очередь передающими представление о защищенности от угроз и опасностей, выразившись в *Sicherheit* (нем.), *security* (англ.), *sécurité* (франц.), *seguridad* (исп.), *sicurezza* (ит.) и т.д., западное понятие распространилось по всему свету, либо наделив дополнительным смыслом представлявшиеся близкими ему понятия в других языках, либо проросши в них явными или неявными калька-

⁴⁷ Фукуяма Ф. Великий разрыв: пер. с англ. / Под общ. ред. А.В. Александровой. М.: АСТ, 2008. С. 45-56.

⁴⁸ Панарин С.А. Безопасность как историко-культурная категория (вместо предисловия) // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации: материалы международной конференции: Москва, 15-16 октября 2012 г.; Ивановский гос. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 7-8.

ми»⁴⁹. Продолжая линию своих рассуждений, автор вполне резонно ставит перед аудиторией два взаимосвязанных вопроса. «Один из них, акцентирующий фактор времени, звучит так: если в каких-то культурах специальное понятие безопасность вообще отсутствовало в прошлом, можно ли применительно к этим культурам рассуждать о безопасности их носителей? И уж тем более – рассчитывать на то, что калька с *securitas* из простой единицы информации преобразуется в представление о реальной ценности, реальном ценимом благе? Второй вопрос, соотносимый с различиями, распределенными в пространстве, может быть сформулирован следующим образом: насколько точно смысловые заимствования, внедряемые в исконное/автохтонное понятие, воспроизводят в инокультурных полях западные смыслы *securitas* и его производных?»⁵⁰.

Проблема, поставленная С.А. Панариным, далеко не праздная для социальных наук в целом, и юридической в частности. Как мне представляется, отсутствие одинакового смыслового значения понятия «безопасность» необязательно предполагает отсутствие такого состояния, которому они могли бы полностью соответствовать. Вместе с тем эта недифференцированность состояния, безусловно, ведет к искажению восприятия привносимых другой культурой (донором) смыслов, так как в культуре-реципиенте нет полного соответствия, а культурные стереотипы, будучи органично вплетенными в социальную ткань народа, дополнительно блокируют возможность корректного включения в эту картину смыслов, выросших на «чужой» историко-культурной почве.

Так, например, в культурах незападного типа исторически концепт «безопасность» формировался в контексте представлений о человеке и его предназначении в мире, в который он пришел не как творец, преобразующий мир, а как творение, в котором животворящая сила божественного провидения воплощается в каждом, в зависимости от социального предназначения, хранителем же земного порядка был персонафицированный ответственный «добродетельный муж» – глава государства «Наместник Бога на земле», «сын Неба» или «помазанник Божий». Рассматривая египетский общественный порядок, Г.Ю. Колганова, А.А. Петрова обращают своё пристальное внимание к древнеегипетской конструкции «маат»⁵¹.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Колганова Г.Ю., Петрова А.А. Представления о безопасности в Древнем Египте и Ассирии: «теория» и «практика» // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представле-

«Маат» в представлении древних египтян была олицетворением мирового порядка и вселенской гармонии, включавшая в себя такие понятия, как правда, истина, справедливость, правопорядок, этическая норма, божественное установление, закон и т.п. Рассматривая концепт «маат» в таком ракурсе, исследователи египетской культуры отмечают, что данное понятие олицетворяют законы, установленные богом-творцом, согласно которым протекала жизнь живых существ, небесных светил, природных явлений. Принципы «маат» воплощались как во Вселенной, так и в обществе и предполагали ответственность каждого человека за свои действия, но, прежде всего, ответственность ложилась на тех, кто занимался управлением, т.е. на фараона, его двор и жреческую аристократию. Поэтому отступление от принципа «маат» разрушало равновесие.

Сходные идеи можно усмотреть и в конфуцианской традиции. Ответственность императора «за судьбы народа» напрямую зависела от его усердного следования велению Неба. Таким образом, космическая гармония достигалась через правильную, добродетельную, морально ответственную общественную жизнь хранителями, которой выступали правители и жрецы.

В китайской культуре «безопасность», по мнению известного синоведа С.В. Дмитриева, выражалась конструкцией «аньцюань», которая дословно переводилась как «спокойствие» или «повсеместный покой». «Безопасность» представляет собой, как полагает ученый, отдельный концепт, а не сконструированное на основе антонимичности опасности или угрозе понятие. Однако далее он замечает, что «по мере усиления власти императора "Сына Неба" этот концепт наполнялся новыми смыслами»⁵². Уже в период Цинь, время формирования единого централизованного государства, концепт «безопасность» приобретает коннотацию, сходную с западным концептом «секьюрити», от которого «рукой подать» до неологизма «принуждение к миру». Конфуцианская доктрина о добродетельном правлении и единственном суверене всего мира, которому подвластны все территории и народы, населяющие Поднебесную, лишь закрепляла и легитимировала такой порядок, хотя и с известной долей поправок. Известно, что конфуцианству противостояли иные доктрины, а,

ния, концепции, ситуации: материалы международной конференции: Москва, 15-16 октября 2012 г. Ивановский гос. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 15-16.

⁵² Дмитриев С.В. Безопасность в Китае: термин и коннотации // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15-17 ноября 2011 г.) / Отв. ред. Сергей Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 71-73.

именно – легизм в исполнении школы фа-цзя, даосизм и моизм. Всё же конфуцианская традиция оказалась самой жизнеспособной, и доктринальное закрепление «безопасности» как базовой категории культуры совпадало с её миролюбивой риторикой. Соответственно, завоевание любой территории, согласно этой доктрине, могло трактоваться как «умиротворение» непокорного, взбунтовавшегося вассала. Поэтому многие китайские империи использовали этот концепт в названиях недавно завоёванных окраин. Термин «аньси» означает состояние «умиротворённого Запада»⁵³. В «умиротворенный Запад» входили все присоединённые оазисы Восточного Туркестана. Китайским термином «аньнань» обозначался «умиротворённый Юг» (во вьетнамском прочтении – Аннам). В современном языке иероглиф «ань» преимущественно используется в значении «порядок», особенно характерное словоупотребление в данном значении – гун-ань, «общественная безопасность, общественный порядок». Отсюда название ведомства общественной безопасности, которое называется Гун-аньбу. В его функции входят внутренняя разведка, контрразведка, защита политического и государственного строя, общественного порядка, высшего руководства государства и важных государственных объектов, антитеррористическая борьба против экстремизма и сепаратизма на территории Китая. Аналогичным образом именуются и вооруженные формирования, находящиеся в распоряжении этого министерства⁵⁴.

Таким образом, «безопасность» и «опасность» выступали базовыми концептами культуры и выражали состояния и ценности, доктринально закрепленные в нарративных практиках того или иного народа – «творца истории». Эксплуатация правящей элитой концептов «опасность» и «безопасность» связана с идиомами культуры, поэтому они не всегда используются в строгом аутентичном значении этого слова. Как отмечает С.А. Панарин: «...даже в рамках западного мира различия в подходах к безопасности не могут трактоваться только как следствие рационального осознания различий в интересах: действуют и такие "идеальные" факторы, как особенности истории и культуры разных стран, влияющие на политическое сознание. Тем с большей уверенностью можно предположить, что в Восточной Европе и на Балканах, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Иране и Индии, в России и Средней Азии наличествуют, как минимум, весьма значимые оттенки в восприятии безопасности. Они улавливаются местным политическим сознани-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

ем, отражаются в официальных концепциях безопасности и в политической практике»⁵⁵.

Современные концепции опасности и безопасности во многом обуславливаются политической культурой и политической конъюнктурой. Ульрих Бек, немецкий социолог и политический философ, автор концепции «рефлексивной модернизации» и «общества риска», считает, что современная цивилизация является «обществом риска»⁵⁶. В одноименной работе «Общество риска. На пути к другому модерну» он активно эксплуатирует тему угроз, с которыми доселе не встречалась человеческая цивилизация. Прошлое с его точки зрения теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место приходит будущее, которое связано с еще большими рисками. При этом риск – «неотъемлемая принадлежность прогресса, как волна, поднимаемая носом отправившегося в дальнее плавание корабля»⁵⁷.

На иных позициях выстраивает свою концепцию Стивен Пинкер, полагая, что именно благодаря прогрессу мир стал безопаснее. Люди в современном мире живут дольше, они здоровее, свободнее и счастливее, чем когда бы то ни было. «Манипуляция сознанием и когнитивные искажения, свойственные человеческому мышлению, – заявляет ученый, – играют "злую шутку" с обывателем, берущим на веру все то, что ему навязывают СМИ и правящие элиты»⁵⁸. Апеллируя цифрами, ученый демонстрирует невиданный прогресс не только Запада, но и всего мира во всех областях, от здоровья и благосостояния до безопасности, мира и прав человека. Этот прогресс не случайность и не результат действия внешних сил. Это дар современному миру от деятелей Просвещения, которые первыми додумались, что с помощью знаний можно преобразовать мир. «Как и другие формы прогресса, – пишет ученый, – укрепление безопасности является в том числе и заслугой конкретных героев; но кроме них его добились разнородные силы, упорно двигавшие ситуацию в одном направлении: местные активисты, законодатели-патерналисты, а также никем не воспетые изобретатели, инженеры, аналитики и статистики. И хотя нас порой раздражают ложные тревоги и повсеместное вмешательство государства, мы с удовольствием пользуемся благами технологии без угрозы для жизни и здоровья. Конечно,

⁵⁵ Панарин С.А. Указ. соч. С. 8.

⁵⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

⁵⁷ Цит. по: Кравченко С.А. Социология риска и безопасности: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. С. 36.

⁵⁸ Пинкер С. Просвещение продолжается: в защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 233.

сюжет о ремнях безопасности, датчиках дыма и усиленном надзоре за "горячими точками" насильственных преступлений не является привычной частью саги о Просвещении, однако он наглядно демонстрирует самые глубокие из ее лейтмотивов. Кто будет жив, а кто умрет – это не записано в Книге жизни, но определяется человеческими знаниями и поступками по мере того, как мир становится все более постижимым, а жизнь все более ценной»⁵⁹.

Проблемам терроризма как современной угрозе безопасному существованию человечества С. Пинкер посвящает главу в своей книге «Просвещение продолжается: в защиту разума, науки, гуманизма и прогресса». В противовес растиражированной идее об угрозе, исходящей от современных террористических организаций и официальным доктринам безопасности (речь идет о государственной доктрине США и ряда развитых европейских стран – И.Л.), он противопоставляет идею о том, что террористическая угроза по сравнению с прочими рисками (несчастными случаями – И.Л.) представляет собой «довольно незначительную угрозу, она порождает несоразмерную панику и истерию, потому что она создана именно с этим расчетом. Современный терроризм – это побочный продукт огромной аудитории современных СМИ. Группа людей или одиночка желают заполучить свою долю внимания в мировом масштабе и прибегают к гарантированному способу достичь этой цели – убийству невинных людей, особенно в обстоятельствах, в которых читатель новостей может с легкостью вообразить самого себя. Новостные медиа заглатывают наживку и по полной программе освещают совершенные зверства. В игру вступает эвристика доступности, и людей охватывает страх, несопоставимый с уровнем опасности»⁶⁰. Подкрепляя свою точку зрения мнением политолога Р. Джарвиса, С. Пинкер замечает, что терроризм сегодня занимает верхнюю строчку в списке угроз и это объясняется тем, что современный мир – феноменально безопасный с точки зрения условий нашего существования. Редкостью стали не только межгосударственные войны, но и применение политического насилия внутри страны.

Ссылаясь на историка Ю. Харари, С. Пинкер отмечает, что в Средние века насилие было повсеместным, поскольку все социальные страты – аристократы, гильдии, города, даже церкви и монастыри – имели собственное ополчение и защищали свои интересы силой. Поэтому, если бы в 1150 году мусульманские экстремисты убили горстку мирных жителей Иерусалима, требуя, чтобы крестоносцы покинули

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 240.

Святую землю, реакцией стал бы хохот, а не ужас. Чтобы вас принимали всерьез, требовалось как минимум взять под контроль крепость-другую⁶¹. И далее, возлагая ответственность за террор на государство, С. Пинкер, вполне аргументированно заявляет, что монополия на применение насилия резко снизила частоту убийств на контролируемой государством территории, но создало и условия для терроризма⁶². Следуя данной логике рассуждений, автор книги заключает, что «...современные граждане привыкли к нулевому уровню политического насилия, поэтому театр террора пробуждает в них животный страх перед анархией и ощущение, что общественный порядок вот-вот рухнет. Оставив позади столетия кровавых битв, мы выползли из черной дыры насилия, но чувствуем, что дыра эта все еще неподалеку и терпеливо ждет случая снова нас поглотить. Немного кровавых зверств – и мы воображаем, что опять туда провалимся»⁶³.

Таким образом, представления о безопасности и опасности зачастую бывают политически конъюнктурны и идеологичны, разыгрывая их как козырную карту, правящие элиты могут использовать их как ценный ресурс в достижении своих сугубо эгоистических интересов. Содержание опасностей конструируется теми, кто стоит у власти, и теми, у кого «ключи от тюрем». В то же время написанное выше не отрицает и того факта, что безопасность и опасность могут быть продуктивной стратегией для отражения реальных угроз, с которыми встречается государство, нация, народ. Политическая философия, в лице ее критического направления (*critical theory*), ставит под прицельный огонь конструкт «безопасность», подвергая её интенсивной деконструкции. Так, например, М. Фуко, рассматривая становление новоевропейского либерального общества, считал, что культ опасности и безопасности был заложен в основу современного общественного механизма. В XIX веке появляется воспитание опасности, целая культура опасности. Второе следствие либерализма – это, конечно же, невиданное распространение процедур контроля, сдерживания, принуждения, которые составят замену и противовес свободам⁶⁴. Таким образом, М. Фуко увязывал два процесса: укрепление концепта безопасности, с одной стороны, и распространение практик контроля (которые составили в итоге то, что он назвал биополитикой), с другой⁶⁵.

⁶¹ Там же. С. 241.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. С. 90.

⁶⁵ Там же.

С. Жижек, следуя той же логике рассуждений, что и М. Фуко, критикуя преобладающую позицию по отношению к терроризму, который, по его мнению, является бесспорной угрозой человеческой цивилизации, тем не менее считает, что феномен терроризма есть зеркальное отражение постполитического тренда. При этом под постполитикой С. Жижек понимает выхолащивание традиционных демократических институтов и переход власти к закрытым кругам политиков и экспертов. В работе «Добро пожаловать в пустыню Реального» он пишет: «Разделительная линия проходит теперь не между правыми и левыми, а между глобальным полем "умеренной" постполитики и крайне правой реполитизацией»⁶⁶. Таким образом, представляя терроризм оборотной стороной современного мирового порядка, Жижек предлагает «побудить цивилизацию к серьезной рефлексии»⁶⁷.

Проблемам секьюритизации уделяла особое внимание копенгагенская школа. Так, например, О. Вэвери и Б. Бузан под секьюритизацией понимают процесс превращения общественных ценностей, экономических и культурных феноменов в объекты безопасности, результатом чего является выработка политическими элитами чрезвычайных мер (emergency measures), применяемых против соответствующих угроз автоматически, без дополнительных обсуждений. При этом если угрозы – это конструируемые в публичном пространстве вербальные феномены, то чрезвычайные меры – политические реалии, непосредственно воздействующие на общество»⁶⁸.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, стоит отметить, что концепты «опасность» и «безопасность» имеют культуральное измерение и их содержание зависит от вектора цивилизационного развития народов, конструирующих картину мира (политико-правовое пространство по собственным лекалам). Для индивидуалистических культур опасность и безопасность в большей степени связаны с институциональной защитой индивидуальных интересов. Соответственно, меры обеспечения безопасности мыслятся в этих культурах в индивидуалистических категориях. Восточные культуры иначе рассматривают проблему безопасности и возлагают на публично-правовые механизмы

⁶⁶ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. С. 151-152.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Цит. по: Девятков А.В. Секьюритизация/десекуритизация в современных общественно-политических процессах // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации: материалы международной конференции: Москва, 15-16 октября 2012 г. Ивановский гос. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 104.

принуждения особые надежды, видя в лице государства беспристрастного, справедливого арбитра, поборника нравственных ценностей.

Вместе с тем стоит также отметить и тот факт, что конструируемые концепты «опасность» и «безопасность» активно используются правящими элитами в угоду своим эгоистическим интересам с целью перераспределения ресурсов. В контексте изложенной дискуссии по проблемам безопасности и опасности как базовых концептов культуры, хотелось бы примкнуть к позиции тех ученых, которые полагают, что уровень современных угроз чрезмерно преувеличен современным политико-правовым дискурсом.

Соответственно, стремление к еще большей безопасности – идея безусловно хорошая и прогрессивная, но эффективное использование ресурсов – лучшая стратегия сделать мир более предсказуемым и менее опасным для всего человечества.

§ 5. Предпосылки формирования установок на агрессивное поведение в общественном правосознании современной России

Являясь частью общественного сознания, правосознание подвергается многофакторному воздействию и соответствующим изменениям. По мнению известного криминолога В.Н. Кудрявцева, основополагающее влияние на изменение и формирование правосознания оказывают три фактора: социально-экономический, правотворчество и правоприменение. Основоположник теории формирования правосознания И.Ф. Покровский также выделяет три фактора: природные (т.к. носители правосознания – элементы биосферы), общество и общественное сознание⁶⁹. По нашему мнению, все факторы можно сгруппировать в три крупных блока: 1) природные; 2) общественные отношения (социально-экономические) и общественное сознание; 3) правовая и организационная деятельность государства.

Первая группа факторов аккумулирует множество переменных, но наиболее существенным здесь выступит ноосферный аспект. Это те факторы, которые связаны с последствиями воздействия человека на структуру и ресурсы биосферы. Постепенно приходит осознание необходимости противодействовать всем формам посягательств на окружающую среду, в результате которых наступают общественно опасные

⁶⁹ Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (вопросы теории и практики). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1972. С. 94.

последствия. Озабоченность масштабом таких действий нашла отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400⁷⁰), в которой поднимается вопрос о необходимости противодействия глобальным проблемам путём повышения уровня экологического образования и экологической культуры граждан. Уже сегодня стали заметны последствия экологических проблем, которые существенно ухудшают среду обитания человека. Раздражающим фактором выступает и отсутствие гармоничного соотношения принципов целесообразности и гуманности при хищническом использовании ресурсов, применении генетически модифицированных культур, использовании пищевых добавок, сокращении производства натуральных продуктов и многие другое.

Все глобальные проблемы тесно связаны между собой и взаимобусловливают друг друга, но основными являются экономические причины. Практически на каждом шагу человек сталкивается с их последствиями и закономерно задаёт извечные вопросы: кто виноват и что делать? Характер ответов определяет в конечном счёте отношение к деятельности государства и действующему праву.

Следующая группа факторов – общественные (социально-экономические). Среди них наиболее важными являются изменения в экономике. В современных условиях отмечается кризис ведущих экономик мира, что порождает идеологию и практику односторонних оценок происходящего и объективацию этих оценок в действиях по захвату рынков и ресурсов. Такая ситуация порождает соответствующую волну информационного воздействия на обывателей, у которых объективно формируются крайние оценки и готовность к насильственному воплощению их в жизнь. Это происходит ещё и потому, что человечество столкнулось с проблемой перехода к постиндустриальному обществу. Одно из негативных следствий этого – подчинение общества крупным корпорациям. Последние же обладают всеми возможными способами диктата своей воли обществу, воздействия на взгляды общества и деятельность государства⁷¹. Для России ситуация осложняется последствиями противозаконной приватизации, в результате которой «Россия отброшена в неопределённую позицию начала XX века»⁷².

⁷⁰ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁷¹ Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество // Хрестоматия по экономической теории / Сост. Е.Ф. Борисов. М.: Юристъ, 1997. С. 197.

⁷² Примаков Е. Постиндустриальная эпоха: вызов российским политикам // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 46.

Каждые несколько лет следует очередной кризис. Следствием этого становятся: ограничение экономического развития, негативные культурно-духовные изменения, рост преступности на фоне отставания социального контроля⁷³, ежегодное сокращение населения России из-за плохого материального положения потенциальных родителей⁷⁴ и многое, многое другое. Сужаются границы социальной функции государства, усиливается его классовая (групповая) направленность, формируется неоднородное общественное и, соответственно, неоднородное правовое сознание. Отдельные современные исследователи рассматривают проявление неоднородности правосознания как признак его нахождения в переходном состоянии. Но в советской научной литературе, совершенно справедливо, неоднородность правосознания связывалась с буржуазным обществом⁷⁵. Неоднородность правосознания становится объективной основой для формирования специфического правосознания социальных групп с разным уровнем достатка. Каждая такая группа стремится обеспечить исключительно свои интересы всеми доступными средствами, формируются «двойные стандарты». Это позволяет поставить вопрос о роли буржуазных производственных отношений в формировании правосознания склонного к крайним оценкам. При этом возникает вопрос: стремление к максимальной (экстремальной) прибыли является экстремизмом или нет? В этом смысле введение прогрессивного подоходного налога снизит агрессию в обществе? Можно ли говорить о такой разновидности экстремизма как социально-одобряемый экстремизм? Уместно ли говорить о политическом экстремизме?⁷⁶

Обращение к истории человечества показывает, что на каждом её этапе правовое поведение людей и их отношение к праву имело свои особенности. При этом можно утверждать о наличии одной закономерности характерной для всех этапов. В общих чертах эту закономерность можно сформулировать так – «чем комфортнее условия жизни человека, тем он более лоялен к действующему праву и деятельности государства». К сожалению, на данный момент конкуренция за «место под солнцем» обостряет противоречия между социальными группами, эти

⁷³ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Предисловие академика РАН В.Н. Кудрявцева. М.: НОРМА, 1997. С. 96.

⁷⁴ Романович Н.А. Население Воронежа о причинах и путях преодоления демографического кризиса // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 62.

⁷⁵ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. С. 173.

⁷⁶ Романов Н.А. Политический экстремизм как угроза национальной безопасности. М.: ИСПИ РАН, 1997. С. 118.

противоречия проецируются на оценку деятельности государства и на действующее право.

Третья группа факторов. Особое значение среди факторов формирования правосознания занимает деятельность государства, которая способна качественно изменять среду формирования правосознания. Наглядно это можно заметить при сравнении политики Советского государства и современного российского. При сравнении, например, индустриализации, коллективизации и приватизации можно заметить их противоположную направленность, но объединяет их то, что называют «русским революционным размахом»⁷⁷. Как и в случае с индустриализацией, в настоящее время укрепление экономики пока связано только с городом⁷⁸. Более того сегодня раздаются «экономически обоснованные» предложения о сосредоточении экономики в нескольких мега городах (городских агломерациях) и, соответственно, обречения остальной территории на экономический застой⁷⁹. Также как и в период «сплошной коллективизации» сельского хозяйства следствием реформ в современной России стало отчуждение людей от управления и организации труда. Однако в СССР результатами реформ стали качественная модернизация социально-экономических отношений и технологический прорыв, которые вывели советскую страну на уровень «сверхдержавы», создали условия для систематического повышения уровня благосостояния граждан и послужили основой формирования в общественном сознании установки на активную поддержку государственной политики и социально – активное поведение подавляющего большинства граждан. В современной России, напротив, выросло равнодушие граждан к результатам своего труда⁸⁰. Несмотря на «сплошную ваучеризацию» населения, создать массового собственника пока не удалось. Неоспоримым следствием преобразований стала имущественная и социальная дифференциация жителей⁸¹, что сузило социальную базу для формирования социально-активного поведения.

⁷⁷Кочеврин Ю. Индустриализация, коллективизация... приватизация // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №1. С. 116.

⁷⁸ Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 64.

⁷⁹ Мигущенко О.Н. Использование интеллектуального потенциала образовательных организаций высшего образования в развитии муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. № 2. С. 3-8.

⁸⁰ Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 74.

⁸¹ Кознова И.Е. Аграрные преобразования в памяти российского крестьянства // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 74.

В целом современная ситуация на постсоветском пространстве может быть охарактеризована «как стремление новой бюрократии к полному господству над обществом. Это выражается в разных формах "местного тоталитаризма"»⁸². Несмотря на систематические кампании по сокращению отчётности объёмы «бумажной», часто «бессмысленной» работы возрастают. А, по мнению австрийского психолога Бруно Беттельхейма, тяжёлая бессмысленная работа разрушает личность⁸³. Мало этого формализуются общественные отношения, что становится объективной основой дальнейшего роста индивидуализма, усиления конкуренции и, соответственно, увеличения «жёсткости» современной жизни. Это последнее значительно стимулирует агрессию в обществе.

Понимание необходимости противодействия негативным факторам формирования правосознания нашло отражение в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168⁸⁴). К сожалению, данный документ сводит все факторы только к надстроечным явлениям. В то же время общеизвестно, что социально ориентированная политика государства, обеспеченная соответствующими производственными отношениями, находит одобрение в общественном сознании, легитимизирует его деятельность и служит мощной основой для формирования «здорового» правосознания.

Характерной особенностью деятельности государства является изменение исходного состояния неопределённости на состояние, удовлетворяющее целям деятельности. Понятно, что на этом пути возможны ошибки в принятии решений⁸⁵. Однако, помимо ошибок, возможны и сознательные действия, в интересах господствующих групп. В этом случае, также как и в случае с ошибочными решениями, реальная деятельность государства вступает в противоречие с перспективными задачами общества⁸⁶. В частности, и поэтому тоже сокращается доверие народов своим правительствам, что вызывает необходимость примене-

⁸² Стешенко Л.А. Почему распался Союз? (Станкевич З.А. История крушения СССР: политико-правовые аспекты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 320 с.) // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 172.

⁸³ Беттельхейм Б. Люди в концлагере. В кн. Психология господства и подчинения: Хрестоматия / Сост. А.Г. Чернявская. Мн.: Харвест, 1998. С. 157-281.

⁸⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. № 151. 14.07.2011.

⁸⁵ Диалектика познания сложных систем / Под ред. В.С. Тетюхина. М.: Мысль, 1988. С. 61.

⁸⁶ Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 3, 4, 5, 9, 15.

ния технологий манипулирования общественным сознанием⁸⁷. С другой стороны, набирает обороты информационная война между государствами и военно-политическими блоками. В результате формируется общественное мнение о том, что «верховная власть обязана предпринять меры по централизации управления государством»⁸⁸. В результате в России возникает парадоксальная ситуация: невысокий уровень доверия правительству (38,2%)⁸⁹ компенсируется традиционной для России ориентацией на исполнительную власть.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что мы получили ответ об основных причинах формирования правосознания, основанного на крайних оценках существующих общественных отношений, что в свою очередь формирует установки на агрессивное поведение. Но остаётся открытым вопрос о механизме такого процесса. Упрощённый взгляд на проблему мог бы заключаться в выводе о том, что все указанные и иные причины формируют соответствующее правосознание. Однако это не совсем так. Правильнее говорить о том, что указанные и иные факторы формируют соответствующую среду, в которой и развивается правосознание. Поэтому понять процесс формирования правосознания через схему «стимул-реакция» нельзя. На трансформацию правосознания уходят годы. Иногда говорят, что для смены установок правосознания требуется время смены минимум одного поколения (25 лет), а иногда речь идёт и о трёх поколениях (75 лет). Таким образом, понимание процессов того, почему правосознание подвергается деформациям, связано с изучением той среды, в которой это правосознание и формируется.

Среда формирования правосознания может быть представлена в виде системы состоящей из трёх ярусов: идеологического яруса среды, формирующей правосознание (здесь находит отражение сущность государства и права в форме политической идеологии и общеправовых принципов права), институционального яруса (его основу составляют государственные институты и нормы права, придающие легальность власти) и нравственного яруса (совокупности представлений о добре и зле и их соотношении с нормами права; данный ярус обеспечивает оценку степени легитимности власти)⁹⁰.

⁸⁷ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2008. 862 с.

⁸⁸ Почему в России необходима сильная централизованная власть? URL: <https://maxpark.com/user/1042506032/content/6997638> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

⁸⁹ ВЦИОМ. Новости: Рейтинги доверия политикам, оценки... URL: <https://wciom.ru/analytical...analiticheskii...politikam...i...> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

⁹⁰ Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области 1928-1934 гг.). Монография. М.: Юрист, 2008. С. 26-29.

1. Идеологический ярус среды, формирующей правосознание. Как известно, формальная определенность в вопросе идеологии на данный момент отсутствует. Этому способствуют два основных условия. Первое условие заключается в том, что такая ситуация устраивает всех⁹¹. Быть как бы вне идеологии и, соответственно, как бы вне политики – в наше время залог спокойствия. Однако на практике это ведёт к реанимации идеологии, характерной для периода первоначального накопления капитала. На этом фоне недостаточно чёткая социально-экономическая политика государства стимулирует ретроспективность общественного сознания и, соответственно, правосознания. Поэтому уже в конце 1990-х годов сложилось убеждение – «лишь утратив, мы в полной мере осознаем, что именно потеряли»⁹². Выход из этой ситуации ищется в традиционной для России организационно-регламентирующей форме, в развитии административного ресурса. Пропагандируется идея централизации публичного управления. В то же время эта идея не находит безусловной поддержки в обществе. Так, бывший директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, академик РАН В.А. Мартынов (1929–2008) утверждал, что возникшие в российском обществе ожидания на то, что курс правительства на сильное государство быстро приведет к наведению в стране порядка, явно чрезмерны⁹³. Правда, здесь можно развернуть дискуссию о терминах. О том, какое содержание вкладывать в понятие порядка и правопорядка, о том, какие цели он должен обеспечивать и какими методами.

Тем не менее существующий правопорядок десятилетиями поддерживается большинством граждан РФ даже на фоне реально низкого уровня доходов⁹⁴. Здесь, с одной стороны, проявляется непреодоленная историческая традиция правосознания русского крестьянства, которое «в низовых инстанциях отдаёт предпочтение демократическим формам, но применительно к высшей инстанции остаётся монархистским»⁹⁵. С другой стороны, такой феномен стал возможным в силу эффекта мобили-

⁹¹Лесников Г. Политика и экономика: связи в условиях переходного общества // Власть. 2000. № 7. С. 12.

⁹²Соловей В.Д. О государственной стратегии формирования национальной идентичности в России // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 6. С. 101.

⁹³Мартынов В.А. Вызовы, реалии и шансы России // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 10. С. 9.

⁹⁴Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Лукьянова Е.Г., Скурко Е.В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. 2004. № 3. С. 14, 15; Одобрение институтов и доверие... Левада-Центр URL: <https://levada.ru/2021/02/25/odobrenie-institutov...doverie...> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

⁹⁵Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая Гвардия, 1991. С. 239.

лизации общества на основе страха⁹⁶. Так усиление санкций и вызывающее поведение вооружённых сил НАТО около границ России выступает объективным фактором способным сплотить общество на национально-патриотической идее. Но остаётся открытым вопрос о политической основе такого объединения. Более того, действие ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации⁹⁷ не способствует прояснению вопроса. В этом смысле интересна мысль о том, что «верховная власть обязана отказаться от заявленного сегодня в Конституции РФ своего статуса деидеологизированной державы... Государство не может жить без ясной и понятной цели своей деятельности, без определения своих задач»⁹⁸. Тем самым постулируется наличие «латентной государственной идеологии»⁹⁹, которой и придерживается государство в своей современной деятельности. Но, с другой стороны, высказываются мнения о том, что в России отсутствует государственная идеология, подобная формуле С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность»¹⁰⁰. С другой стороны, звучат требования – «христианство должно стать государственной идеологией»¹⁰¹. Однако такие призывы также противоречат действующей Конституции Российской Федерации. Более того, призывы к реанимации формулы С.С. Уварова стимулируют экстремизм националистического толка, а в последнем случае такие призывы фактически стимулируют религиозную разновидность экстремизма¹⁰². Кроме того, в попытках единения народа посредством формирования национально-религиозного правосознания проявляется такая особенность России, как «движение вперёд, идя назад»¹⁰³.

⁹⁶ Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. В кн. *Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 10.*

⁹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

⁹⁸ Величко А.М. *Философия русской государственности. СПб.: Изд-во Юридического института, 2001. С. 311.*

⁹⁹ Радиков И.В. Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // *Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. Вып. 1 (834). С. 55.*

¹⁰⁰ Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // *Государство и право. 1999. № 3. С. 17.*

¹⁰¹ Величко А.М. *Указ. соч. С. 312.*

¹⁰² Мигущенко О.Н. Противодействие религиозному экстремизму: постановка проблемы // *Юридический мир. 2015. № 11. С. 54-59.*

¹⁰³ Мигущенко О.Н. *Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области 1928-1934 гг.). Монография. М.: Юрист, 2008. 247 с.*

В отличие от вышеприведённых и иных идей, реальной объединяющей идеей могла бы стать идея социального государства. Это требует дополнения ст. 1 Конституции Российской Федерации тем, что Российская Федерация, помимо всего прочего, является социальным государством. Поэтому до тех пор, пока деятельность органов государства будет «...осуществляется без учета положений ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации»¹⁰⁴, реального единения общества в ближайшее время не произойдёт. Отсутствие реальной объединяющей идеи активизирует развитие индивидуалистических правовых идей, которые обосновывают правомерность существующих отношений, служат основой для роста корыстной преступности. В реальной жизни это способствует распространению идеологий на основе классовых, национальных, религиозных и иных групповых интересов, что не содействует консолидации общества, а напротив способствует росту экстремистских настроений и агрессии в обществе.

Плюрализм мнений в сфере идеологии свидетельствует о значительных проблемах, связанных со становлением идеологического яруса среды, формирующей современное правосознание. В целом эта ситуация может быть охарактеризована как господство эклектики в правовой идеологии общественного правосознания.

2. Нравственный ярус среды, формирующей правосознание. Большую роль в формировании правосознания играет и система социальных норм, но главное – господствующих норм морали. Изменение среды, норм морали и представлений о добре и зле приводит к изменениям оценок правовой действительности. Так, в конце 1980-х годов 61,2% советских граждан указывали, что соблюдают советские законы потому, что они соответствуют их интересам и интересам общества¹⁰⁵. Однако последовавшие события по изменению производственных отношений общества в форме приватизации вызвали необходимость в пропаганде положительной оценки частной собственности. Тогда средствами массовой информации внушалась мысль о том, что введение частной собственности автоматически приведёт к развитию демократии и «всем будет счастье». Активно пропагандировались взгляды П.А. Столыпина. Часто цитировалась его речь на заседании Государственной думы 16 ноября 1907 года: «Пока крестьянин не обладает земельною собственностью... он остаётся рабом, и ника-

¹⁰⁴ Поленина С.В. и др. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. 2004. № 3. С. 15.

¹⁰⁵ Социалистическое право, сознание и поведение личности / М.Т. Баймаханов, А.У. Бейсенова, Е.К. Нурпеисов и др. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 84.

кой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы»¹⁰⁶. Поэтому в начале 1990-х годов в общественном правосознании это явление получало ярко положительную оценку¹⁰⁷. Однако уже к концу 1990-х годов пришло осознание истинных последствий приватизации. Несмотря на то, что в то время эта тема была «закрытой» пришло запоздалое осознание того, что частная собственность никогда не служила и не может служить основой для всеобщей свободы и демократии¹⁰⁸. На этом фоне Российское общество как справедливое оценивали 13% респондентов, как несправедливое – 76%. То, что стимулы к труду были сильнее в СССР, считали 62% респондентов, в том, что сильнее в постсоветской России, – 26%¹⁰⁹. Ретроспективность российского правосознания приводила к его относительной деформации, вследствие чего законодательные акты плохо соблюдались, а негативную оценку им давали не менее половины опрошенных граждан»¹¹⁰. К 2007 году 46% граждан заявляли о желательности построения в России социализма. Против этого выступали 37% граждан, которые в качестве преимуществ капиталистического общества называли три спорных позиции: заинтересованность в результатах труда, доступность и качество товаров, политическую свободу. В 2012 году 75% опрошенных главной причиной ДТП назвали социальное неравенство, порождающее у представителей обеспеченных социальных групп чувство превосходства в форме агрессивного вождения¹¹¹. Опросы 2013 года показали, что фактически каждый второй гражданин России ради денег готов нарушать нормы морали и права. При этом 15% – готовы «пойти по головам»; 14% – способны подсидеть начальника, 7% – готовы постоянно обманывать людей; а 2% – совершать преступления. Совершать преступления люди были готовы за 120 тыс. рублей в месяц¹¹². Опрос 2015 года выявил, что за прошедшие 12 лет

¹⁰⁶ Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моём отце. М.: Современник, 1992. С. 234.

¹⁰⁷ Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции: уч. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 184, 185.

¹⁰⁸ Марченко М.Н., Рожко И.Н. Демократия в СССР: факты и домыслы. М.: Мысль, 1988. С. 16-19.

¹⁰⁹ Справедливые и не справедливые социальные неравенства в современной России / Ред.-сост. Р.В. Рывкина. М.: Референдум, 2003. С. 639, 605.

¹¹⁰ Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 91.

¹¹¹ ВЦИОМ: Социальное неравенство – одна из основных причин смертности на дорогах. URL: https://zr.ru/content/news/529261-vciom...odna...na_dorogah/ (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

¹¹² За 120 тысяч рублей в месяц россияне готовы совершать преступления. URL: <https://amic.ru/news/205472/> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

количество лиц, считавших распределение доходов в нашем обществе несправедливым, увеличилось на 1% и составило 77%, также на 6% увеличилось количество лиц, считавших распределение доходов справедливым (19%)¹¹³. В 2016 году очередной опрос ВЦИОМ выявил факт неверия половины опрошенных в возможность реализации в России принципа равенства всех перед законом. В качестве негативных следствий этого социологи назвали недоверие к социальным институтам и усиление социальной напряжённости¹¹⁴. В ноябре 2018 года опрос ВЦИОМ обнаружил наличие в России граждан, которые считали, что правительство России препятствует установлению социальной справедливости в обществе (32%), а 30% считали, что власти страны никак не влияют на уровень социальной справедливости¹¹⁵. И наконец, в ноябре 2021 года ВЦИОМ был сделан закономерный вывод о том, что Россияне стали менее альтруистичны¹¹⁶. Также за последние пять лет вырос уровень агрессивности в соцсетях¹¹⁷, а в целом «мы стали злее и агрессивнее»¹¹⁸.

Это произошло и по причине противоречия норм общественной морали нормам закона. Например, социальный паразитизм легализуется в законодательстве, а право на труд приобретает противоречивый характер. Это противоречие в данном конкретном случае можно заметить в ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации, где, с одной стороны, провозглашается право на труд, а, с другой, право на защиту от безработицы. Тем самым право на труд как закреплённый в законе интерес трудящихся приобретает декларативный характер. Закрепляется не право на труд как гарантированная государством занятость, а право на безопасные условия труда¹¹⁹. Свобода же труда фактически приравнивается к свободе трудового договора, который в условиях современных обще-

¹¹³ ВЦИОМ. Новости: Богатые и бедные – вчера и сегодня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/...> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

¹¹⁴ ВЦИОМ: почти 50% россиян считают уклонение от правосудия массовым явлением. URL: <https://tass.ru/Общество/3444469> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

¹¹⁵ ВЦИОМ. Новости: Социальная справедливость в России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews...obzor...spravedlivost-v...> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

¹¹⁶ Россияне стали реже участвовать в опросах, пожаловался гендиректор ВЦИОМ. URL: <https://ria.ru/20211114/oprosy-1758972536.html> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

¹¹⁷ ВЦИОМ: за последние пять лет вырос уровень агрессивности в соцсетях. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/253812693> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

¹¹⁸ Мы стали злее и агрессивнее // Российская газета. URL: <https://rg.ru/> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

¹¹⁹ Головина С.Ю. Конституционные принципы и права в сфере труда и их конкретизация в трудовом законодательстве России // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 136.

ственных отношений и является основным средством эксплуатации наёмного труда. Вследствие этого своей трудовой деятельностью довольны лица со средним и высоким доходом, недовольны лица с низкими доходами. Положительные оценки своей трудовой деятельности чаще звучат в городах, нежели в сельской местности¹²⁰. Возникает неприязнь между богатыми и бедными – так считают 86% опрошенных, между руководителями и рядовыми служащими (74%)¹²¹. Обостряются противоречия в самом общественном сознании между: индивидуальным и общественным, интересами общества и отдельных социальных групп¹²². Противоречия интересов социальных групп не получают легальных средств для своего согласования. Так, несмотря на наличие Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации»¹²³ и неоднократные попытки общественности инициировать данный процесс за 30 лет существования Российской Федерации прошло всего «два» референдума.

И поэтому тоже в обществе ослабевают стремление к активному участию в общественной жизни, а соответственно, отсутствуют и стимулы формирования социально-активного поведения. Значит, отсутствует важнейший фактор модернизации общества. Следовательно, не будут созданы материальные условия для формирования правосознания и поступательного развития социально-экономических отношений. Это означает, что проявления деформаций правосознания сохранятся. Вместе с тем русский народ – народ созидатель. И при наличии ясной социальной цели он способен на великие свершения. Весьма точно эту особенность русского народа накануне революции 1917 года выразил статс-секретарь, обер-гофмейстер высочайшего Двора, член Государственного Совета, главноуправляющий собственной Е.И.В. канцелярией А.С. Танеев. В беседе с французским послом в России М. Палеологом он говорил: «Они (народ – авт.) согласятся на какие угодно жертвы, лишь бы чувствовать их как законные и необходимые. Но если от них требуют жертв, необходимость которых от них ускользает, рано или поздно они потребуют отчёта»¹²⁴.

¹²⁰ Труд-2021: запрос на баланс жизнь/работа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor...> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

¹²¹ ВЦИОМ: россияне ощущают социальную напряженность из-за экономического неравенства. URL: <https://tass.ru/Общество/3784390> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

¹²² Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976. С. 188.

¹²³ Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2004. № 27. Ст. 2710.

¹²⁴ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 192.

3. Организационно-правовой ярус среды, формирующей правосознание. Попытка согласования верхнего (политического) и нижнего (нравственного) ярусов среды достигается через установление между ними соответствия посредством среднего (институционального) яруса, который закрепляет частную собственность в качестве правового института. Однако массовое правосознание не принимает этот правовой институт в качестве правовой ценности или отражает его в искажённом виде. Такая ситуация приводит к распространению товарно-денежных отношений на правотворчество, правоприменение, служебные отношения и в целом на правовые отношения. Так, уже 23 февраля 1996 года в своём послании федеральному собранию президент России Б.Н. Ельцин указывал: «"Свободная купля-продажа" распространяется на принятие законов, действия чиновников, решения судов». Сегодня такая ситуация уже не является типичной, но коррупция как явление сохраняется. Как известно борьба с коррупцией ключевой элемент любой эффективной политики государства. В то же время имеет место мнение, что «общественность обманывают, успокаивая, что борьба с коррупцией ведется. На самом деле эта борьба имитируется»¹²⁵ и др. Особую опасность представляет ситуация, когда государство выступает в качестве производителя услуг для крупного капитала. Всё это противопоставляет интересы личности, общества и государства.

Отсутствие чётко выраженной линии на закрепление в праве социально значимых целей не способствует стабилизации отношений. Поэтому «в отдельных случаях принятые нормы не достигают своей цели если даже соблюдаются, так как "занормированное" поведение непригодно для достижения желаемого законодателем порядка. Регулирующее и превентивное действие санкций противоречит одно другому. Побочные последствия и последствия отдаленного времени правовых норм оказываются в значительной мере вредными. Есть законы символические, которые лишь декларируются, но не достигают социальных идеалов. Встречаются в практике и социально недейственные законы, не достигающие своих целей по той причине, что сам законодатель в большинстве таких случаев, руководствуясь политическими и экономическими мотивами, создает лишь иллюзию желания достигнуть законной цели или преследует эту цель вопреки своей воле. Падение нравов в обществе меняет сознание и поведение людей... законодатель вынужден идти на декриминализацию определенных поступков. Нередко применяются ничего не говорящие отсылочные "формулы", с помощью кото-

¹²⁵ Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. СПб.: АЛЬФА, 1997. С. 252.

рых законодатель перекладывает решение проблемы на судью или администрацию»¹²⁶.

Социально-экономические проблемы (например, бедность как фактор, ограничивающий возможность субъектов правоотношений вступать в правоотношения) и не всегда эффективное действие права (например, отсутствие действенных механизмов, гарантирующих обеспечение реальных прав и свобод граждан) и иные факторы определяют правовой статус граждан¹²⁷. Невысокий правовой статус граждан формирует в их правосознании представление о праве как явлении, имеющем более низкий статус по сравнению с другими социальными нормами. Этим правовая социализация граждан значительно затрудняется¹²⁸. Усиливается политический аспект в их правовой жизни, вплоть до готовности участвовать в несогласованных протестных акциях. Следствие этого – кризис правосознания¹²⁹.

Отсутствие стремления соблюдать установленные нормы права значительной частью населения страны, на первый взгляд, позволяет сделать вывод о не удовлетворительном состоянии правовой системы в целом. Но такой вывод будет поверхностным и не позволит выявить глубинные факторы, влияющие на формирование правосознания российского общества. Эти факторы следует искать, прежде всего, в производственных отношениях. В то же время не всё так безнадежно. Позитивные надежды мы связываем с провозглашением в 2021 году главным стратегическим национальным приоритетом Российской Федерации сбережение народа России и развитие человеческого потенциала.

§ 6. Здоровый образ жизни и преодоление агрессии: философский и правовой аспект

Агрессивность и экстремизм личности мы полагаем и врожденным, и обретенным свойством. Это обстоятельство детерминируется

¹²⁶ Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 93, 94, 92, 95.

¹²⁷ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Издательство Саратовского университета. 1987. С. 48, 67.

¹²⁸ Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции: уч. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 9.

¹²⁹ Новгородцев П.И. Сочинения / Сост. вступ. статьи и прим. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. М.: Раритет, 1995. С. 336.

эволюционной теорией и практикой¹³⁰. Однако на светлой стороне современного Мира эти качества не достойны человека и гражданина и подлежат исцелению правовыми и организационными средствами государственного воздействия. При этом в философском аспекте обратим внимание на то, что государство и государственная деятельность представляют явления материальные¹³¹, в то время как право – феномен духовный¹³². Кроме того, в конституционно-правовом плане актуален вопрос о соответствии агрессивного и экстремистки настроенного человека критериям принадлежности к гражданскому сообществу, являющемуся платформой и средой развития правового государства¹³³.

В современном глобальном мире особенности агрессивного и экстремистского поведения демонстрируют новое качество в свете концепции здорового образа жизни (ЗОЖ) и оздоровления нации. Действительно, агрессия, стремление решить дела физической силой и негативным психологическим давлением не могут рассматриваться как проявления ЗОЖ.

В другом ракурсе можно говорить о том, что агрессия и экстремизм не только противоречат идее ЗОЖ, но и выступают разрушительными факторами для личности и социума. В этом смысле концепция ЗОЖ как концепция развития неизбежно учитывает все факторы, пагубно влияющие на личность.

Идея сохранения трудового творческого народа – центральная в концепции ЗОЖ¹³⁴.

Безусловно, понятие ЗОЖ выражает активность личности в позитивных духовных и физических творческих проявлениях в развивающемся гражданском обществе. В этой связи важно отметить, что категория ЗОЖ тесно связана с понятием «активная жизненная позиция» (АЖП). Представляется важным, что АЖП должна быть реально отгра-

¹³⁰ Бергсон А. Творческая эволюция: пер. с фр. / Предисл., примеч. И.И. Блауберг; Рос. акад. естеств. наук. М.: Кучково поле: Канон-пресс, 1998. 382 с.

¹³¹ Диалектический материализм. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин / Под. ред. В.С. Шевкина. М.: Партийное издательство, 1934. 563 с.

¹³² Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / Научн. ред. Е.В. Тимошина. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. 1104 с.

¹³³ Новиков А.Б., Рагозина Н.А. Исполнительная деятельность в конституционной концепции правового государства // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 84-89.

¹³⁴ Ломоносов М.В. О сохранении русского народа / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 848 с.; Новиков А.Б., Дорохова А.Ю. К вопросу об охране здоровья трудоспособного населения // Юридическая наука. 2020. № 9. С. 51-54; Солженицын А.И. Национальная идея – сбережение народа // Гудок. URL: <http://www.gudok.ru> (Дата обращения: 17.04.2023 г.).

ничена от проявлений агрессии и экстремизма. Так, в современном сленге используются слова «бык», «бычиться». В известном смысле это и есть обозначение первоначальной стадии агрессивного поведения, причем в самых разных сферах общественной жизни.

Гражданское общество при этом понимается как основа правового государства – провозглашаемого Россией конституционного идеала и ценности. В этой связи в ряде современных исследований обсуждается проблема формирования определенной социальной структуры общества, свободного от накапливаемого потенциала деградации. При этом на современном этапе развития общественных наук концепция ЗОЖ видится и в пространстве науки о социальной иерархии – иерархологии (термин наш – А.Б.) в тесной связи с кратологией. Действительно, воспроизведение в обществе негативных трендов, примитивной агрессии не относится к процессам общественной эволюции. Здесь просто невозможно не отметить, что человечество на всем протяжении своей истории агрессивно меняло свою жизнь, что дало основание мыслителям даже утверждать, что война – двигатель прогресса¹³⁵.

Развитие концепции ЗОЖ непосредственно подводит нас к пониманию и утверждению самого смысла жизни (категории, которая издревле считается неопределенной, право-аксиоматичной¹³⁶). Действительно, как можно говорить о ЗОЖ без толкования самой категории «жизнь». Полагаем, что смысл Жизни заключается в ее воспроизведении в целях совершенствования, эволюции, воссоздания жизни тех, кто может служить расцвету Мироздания. В этом ключе агрессоры, экстремисты, политические преступники¹³⁷ всех мастей давно считаются «отходами» человечества, как и их биологические «производители». Ибо сказано в Священном Писании, что дерево, не приносящее плодов праведных, срубается и подлежит огню.

Более того, при различных оценках функционирования современных социальных групп высказываются и мнения о том, что занятия и образ жизни значительной части нации вообще не понятны, не определены в свете развития национальной экономики. Это подпитывает идеи как «элитарности», так и «маргинальности» при определении структуры общества, что в свою очередь не способствует решению проблемы характеристики гражданского общества, ведущего

¹³⁵ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.

¹³⁶ Гаджиев Г.А., Ливеровский А.А. Юриспруденция и математика (общность познавательных структур): монография. Махачкала: ДГУ, 2016. 103 с.

¹³⁷ Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо: МИДГАРД, 2005. 876 с.

ЗОЖ. Это обстоятельство дает основание для обнаружения некоего социального страта ЗОЖ, отличного от разлагающейся криминальной «элиты», «света» и деградирующих «маргиналов». В этой связи ЗОЖ так называемого «среднего класса» представляет актуальную часть продвигаемого исследования.

Однако упомянутая активность личности и социальных групп не должна подпитываться и заражаться идеями «избранности» любой нации или личности, гипертрофированными и деформированными в философско-правовом и организационно-административном поле концепциями лидерства «сверхчеловека»¹³⁸. Мы уже слышали и слышим слоганы «Германия над всем!» и «США над всем!». К сожалению, и идеи мировой революции, прозвучавшие в XX веке и извращенные коммунистическими лидерами, оболганные лидерами мирового империализма, привели СССР и всей системы социализма к распаду, краху понимания ЗОЖ в новом свободном сообществе, приверженном понятным социальным ценностям. Осмелимся высказать мысль о том, что в концептуальном плане идеи коммунизма¹³⁹ во многом созвучны стратегии ЗОЖ.

В этом аспекте на просторах Евразийского Экономического пространства надлежит провести огромную работу по возвращению наций к ЗОЖ. Одна из составляющих этой работы – систематизация международного и национального законодательства, включающего концептуальные идеи ЗОЖ и создающего предпосылки для их реализации.

В современном мировом процессе глобализации идеи и правовая реализация лидерства, вождизма, элитарности, господства, одоления конкурентов обретают все более негативный, нездоровый, недружественный и непартнерский характер. В новом информационном пространстве агрессия в скрытом и явном виде становится чуть ли ни «правилом поведения». «Скрытая угроза», читающаяся во взгляде и вообще излучаемая человеком, признается достоинством и предпосылкой к личному успеху.

Сейчас зачастую употребление в отношении ряда субъектов понятия «партнер» в правовом смысле звучит явно некорректно как на международном, так и на национальном уровне.

Агрессивное лидерство и экстремизм, замешанные с разнородными технологиями манипуляций, входят в противоречие с прозрачными правовыми принципами партнерства, лежащими в основе конституционной модели гражданского общества и правового государства. В целом

¹³⁸ Ницше Ф. Указ. соч.

¹³⁹ Маркс К. Манифест Коммунистической партии. СПб.: Тип. Монтвида, 1906. 61 с.

нетерпимость, желание победить в «войне всех против всех» ведет человеческое сообщество к хаосу и краху.

Концепция ЗОЖ вырабатывает критерии разумного духовного самоограничения личности на пути самосохранения от патологических состояний агрессии и экстремизма на разных уровнях общественной жизни. Древнее искусство жить и выживать обретает ныне новое звучание, что существенно влияет на правосознание и реализацию права. Концепция ЗОЖ стремится к преодолению правового «расщепления» личности, исключению состояния, в котором человек думает об одном, говорит о другом, а действует третьим образом. В этом смысле ЗОЖ – это путь к победе над собой как «кладзем скверны», насилия, агрессии, путь к самосохранению и развитию, а не саморазрушению в несправедливых схватках. Мастера кунг-фу утверждают – лучший бой тот, которого не было, а кунг-фу – искусство правильного исполнения (в том числе закона), то чем мы занимаемся постоянно. При таком освещении мысли ЗОЖ представляется триадой науки, мастерства и искусства владеть собой, которая выражается ныне в известной формуле образования «знать-уметь-владеть». Ценность мысли заключается в том, что качество «владеть собой» в концепции ЗОЖ означает особое проявление культуры личности, которое невозможно ограничить расхожим понятием «физическая культура» или «профессиональный спорт». Соответственно, возникает необходимость введения в научный и практический оборот понятия «культура ЗОЖ».

Полагаем, что преодоление агрессии и экстремизма сопряжено и с преодолением правового нигилизма, правового и в целом жизненного пессимизма, возвращением государств, сообществ и каждого гражданина в новое правовое пространство, в котором коллективные образования и личность обретают духовное и физическое равновесие, а идея главенства права и торжества закона в правовом государстве находит свое реальное воплощение в идее здорового образа жизни.

§ 7. Правовая деалиенация как средство преодоления социальной агрессии

Современное российское общество характеризуется транзитивностью, которая проявляется не только в социально-экономических, но и правокультурных аспектах. Смена устоявшихся социокультурных констант, вызванная новой идеологической парадигмой, привела к росту дискретности правовой реальности, обострила чувство социальной дез-

ориентации и способствовала расширению социальной базы разных форм асоциального (в т.ч. неправомерного) поведения, которое приобрело массовый характер и нередко воспринимается как приемлемый стиль действий. Неустойчивость ценностных ориентаций и недостаточно высокий уровень правосознания российских граждан способствуют тому, что асоциальное поведение зачастую носит агрессивный характер. Наряду с нормами социального права при разрешении конфликтных ситуаций зачастую используется насилие, выступающее крайней формой проявления агрессии.

В значительной степени агрессивное поведение человека в обществе обусловлено формированием правового отчуждения, которое понимается в юридической литературе как «один из видов отчуждения, а именно отчуждение от правовых институтов, имеющих для личности субстанциональный характер... реакция граждан на отсутствие легитимности права, приводящее к состоянию отстраненности граждан от права, которое представляет для них "чуждую" реальность»¹⁴⁰. Речь идет об осознанном или неосознанном отходе (отказе) индивида от реализации норм права, которые в своих атрибутивных характеристиках выступают социальным полем не только правовой, но и социальной коммуникации в целом.

В значительной степени формирование правового отчуждения, как и нравственного¹⁴¹, носит экзистенциальный характер и связано со сложностью, многогранностью и противоречивостью социальной и правовой реальности, несовпадением сущности и явления в индивидуальном и социальном бытии человека, особенностями интерпретации юридических норм в различных сообществах, членами которых является или с которыми себя отождествляет индивид¹⁴². Отчуждение человека не ограничивается лишь одной сферой реальности. Оно охватывает онтологический, психологический, социальный и экономический уровни, будучи обусловлено, прежде всего, общими аксиологическими и гносеологическими причинами¹⁴³.

Однако правовое отчуждение не является исключительно субъективной характеристикой правовой жизни человека. На формирова-

¹⁴⁰ Кризис права: история и современность: монография / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. С. 106.

¹⁴¹ Шихаде М.Ш. Проблема морального отчуждения в философии Ж.-П. Сартра и А. Камю. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991. 25 с.

¹⁴² Marmor A. Interpretation and Legal Theory. 2nd ed. Portland: Hart Publishing, 2005. P. 141-143.

¹⁴³ Hertogh M. Nobody's Law: Legal Consciousness and Legal Alienation in Everyday Life. London: Palgrave, 2018. P. 27-48.

ние ситуации отчуждения могут оказывать воздействие и объективные факторы, прежде всего изменение правового статуса индивида по независящим от него причинам, деградация (или социальная деинтеграция) сообщества, с которым себя идентифицирует индивид, степень легитимации позитивного права, изменение правовой парадигмы, несоответствие правового массива традиционным правовым ценностям, преимущественная ориентация правовой политики на кенотипы и т.д.

Ориентация на поверхностность знания, стремление не столько постичь суть явления, сколько воспользоваться уже готовыми оценками, носящими клишированный характер – все это приводит к усилению степени доверия к мнению субъектов, выступающих в качестве социальных акторов и определяющих содержание и направленность правовой коммуникации, все больше приобретающей квазигоризонтальный характер. При видимой конвенциональности правовой культуры социальных групп на практике ее формирование осуществляется вертикально: группа лишь разделяет и транслирует те ценностные установки, которые обозначил адресант коммуникации. Именно с этим связано широкое использование манипулятивных технологий для формирования протестного настроения, например, во время арабских революций¹⁴⁴.

Преодоление и (или) профилактика правового отчуждения может быть обозначено как правовая деалиенация – процесс формирования (субъективного восстановления¹⁴⁵) сопричастности человека к правовым ценностям определенного сообщества (реальной и номинальной социальной группы, общества), с которым себя идентифицирует индивид, и его включенности в функционирование и воспроизводство данного сообщества на основе соблюдения норм позитивного и (или) социального (неофициального) права. Деалиенация предполагает, что правовое поведение человека (как члена определенного сообщества) и его участие в правовой коммуникации внутригруппового и межгруппового характера (независимо от выполняемой им социальной роли и правового статуса) основано не на принуждении, а на внутренней ценностной установке, что данные действия являются единственно правильным и наиболее целесообразным вариантом, обеспечивающим удовлетворение правовых интересов не только его самого, но и группы. В данном случае норма-

¹⁴⁴ Фролов Д.Б., Прхвятилов В.В., Беляков Т.В. New media и Арабская весна // Международные отношения. 2012. № 1. С. 60-67.

¹⁴⁵ Malherbe N. A psychopolitical interpretation of de-alienation: Marxism, psychoanalysis, and liberation psychology // Psychoanal Cult Soc. 2021. Vol. 26. P. 263-283.

тивность права будет выступать не целью, а средством регулирования отношений в сообществе¹⁴⁶.

Однако при этом необходимо учитывать, что корреляция норм позитивного и социального права не является константой. В случае их противоречия для индивида первичной является именно норма социального права, даже если она носит с позиций официального права (законодательства) негативный или деструктивный характер. В первом случае речь идет, например, о группе скинхедов или членах преступного сообщества, поведение которых подчинено правовым ценностям, находящимся в антагонизме с официальной правовой системой. Соблюдение этих правил обеспечивает единение сообщества скинхедов не только благодаря поддержанию внутреннего единства, но и путем противопоставления себя окружающим¹⁴⁷. Такая ситуация характерна для социального права традиционного общества, в котором на первом месте стоят не вербальные нормы, а действия индивидов, составляющих данное сообщество¹⁴⁸. Хотя последнее и не обязательно преступно, соблюдение его норм противоречит ценностным установкам сообщества. Во втором случае мы имеем в виду различные деструктивные секты, соблюдение правил которых разрушает личность их членов не только социально, но зачастую и физически¹⁴⁹.

В этой ситуации можно говорить о дихотомии правового отчуждения. С одной стороны, индивид, соблюдая правила группы, обеспечивает свою сопричастность (включенность) в данное сообщество не только когнитивно, но и поведенчески. Несоблюдение же этих правил может вести не только к правовому отчуждению, но и к открытой враждебности индивида по отношению к группе и (или) ее отдельным членам¹⁵⁰. При этом чувство идентификации с группой не исчезает, хотя и приобретает формальный характер. С другой стороны, сама группа по отношению не только к позитивному праву, но и общесоциальной системе ценностей выступает отчужденно.

¹⁴⁶ Bix В.Н. Rules and Normativity in Law // Araszkievicz M., Banaś P., Gizbert-Studnicki T., Płeszka K. (eds.) Problems of Normativity, Rules and Rule-Following. Cham: Springer, 2015. P. 125-146.

¹⁴⁷ Jacobs В.А., Wright R. Street Justice Retaliation in the Criminal Underworld. NY: Cambridge University Press, 2006. 154 p.

¹⁴⁸ Шатковская Т.В. Традиционное право в контексте цивилизационного подхода // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9(46). С. 1823-1827.

¹⁴⁹ Полищук В.И. Психические расстройства, возникающие у людей, вовлеченных в деструктивные секты // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 1995. № 1. С. 40-20.

¹⁵⁰ Иноценко В.А., Бочарников В.М. Логико-теоретические основания возникновения идеи политико-правового отчуждения личности // Философия права. 2015. № 6(73). С. 48-52.

Идентификация индивида с такими группами носит добровольный характер¹⁵¹, хотя зачастую адресанты коммуникации в таких сообществах используют различные манипулятивные технологии в процессе правовой коммуникации и трансляции в сознание неофитов (новых членов сообщества) неконструктивных правил. Особенно это касается виртуальных сообществ¹⁵². Соответственно, правовая деалиенация в таких сообществах не может осуществляться внутренними силами, без применения правового воздействия извне, носящего в т.ч. и принудительный характер. При этом воздействие должно осуществляться как по отношению к отдельным членам группы, так и ко всей группе в целом.

Правовое отчуждение связано с полным или частичным неприятием групповых и (или) социальных правовых ценностей. В первом случае речь идет о том, что индивид не разделяет определенную систему правовых ценностей, хотя это необязательно предполагает активное сопротивление этой системе. Во втором случае речь идет о неприятии, прежде всего, тех ценностей, которые являются господствующими в этом социуме. Однако в ситуации формального господства в законодательстве системы заимствованных правовых ценностей (отражающих репрезентативные стратегии референтных групп (политической элиты)), не являющихся легитимными для значительного числа (а зачастую и большинства) людей, частичное неприятие ведущих правовых ценностей будет носить массовый характер. Это характерно, например, для России, где провозглашенная в ст. 2 Конституции РФ¹⁵³ ценность прав человека не соответствует традиционному архетипу соборности¹⁵⁴ и не разделяется большинством граждан. В свою очередь это априори формирует их отчуждение от системы позитивного права. Правда в большей степени это происходит не онтологически, а аксиологически.

В этой ситуации правовая деалиенация должна быть связана не просто с изучением законодательства и соответствующей системы

¹⁵¹ Балева М.В. Влияние социальной групповой самоидентификации на социальную перцепцию групп разного типа // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 109-130.

¹⁵² Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Виртуальный правовой дискурс в коммуникативной парадигме // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 3(36). С. 400-404.

¹⁵³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (Дата обращения: 12.04.2023 г.).

¹⁵⁴ Вьюнов Ю.А. Концепт «русская соборность» как социокультурный феномен // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2018. № 1. С. 446-458.

правовых ценностей, но и с формированием принципиально иной ценностной установки, направленной на формирование правомерного поведения, детерминированного не столько социальными ожиданиями, сколько правореализацией. При этом последняя в силу наличия недостаточной легитимности законодательства должна взять на себя роль устранения разрыва между правотворческим и правоповеденческим уровнем правовой реальности. Этому может, например, служить просветительская деятельность в том виде, как она предполагается в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»¹⁵⁵: «Просветительская деятельность – осуществляемая вне рамок образовательных программ деятельность, направленная на распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенции в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов и затрагивающая отношения, регулируемые настоящим Федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации» (п. 34 ст. 2).

Благодаря этому государство может не просто сформировать иерархическую систему правовых ценностей, выступающих «матрицей» жизнедеятельности человека и общества, но и сделать их максимально легитимными¹⁵⁶. В свою очередь это будет определять корреляцию нормы позитивного права и правового поведения граждан и способствовать не только аксиологической, но и онтологической гармонизации правовой реальности.

Система правовых ценностей, определяя приоритетные цели, направление действий и специфику интерперсональных взаимодействий, способна оказывать непосредственное воздействие на формирование правового отчуждения. Ценностные ориентации человека не только определяют его основные социальные ожидания и формируют модели поведения, но и влияют на конструирование картины мира. Чем больше индивидуальные правовые ценности коррелируют с социальными, тем меньше степень правового отчуждения человека в пределах определенного сообщества. Однако эффективность принятия неопитом системы правовых ценностей сообщества может определяться различ-

¹⁵⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹⁵⁶ Зеленко Б.И. Согласие власти и общества – шаг к деалиенации? // Вестник Российского философского общества. 2011. № 2. С. 75-78.

ными сценариями, которые детерминированы особенностями правовой коммуникации и социальной ролью индивида.

Во-первых, человек, выступающий в роли актора (адресанта) правовой коммуникации в силу формального статуса или неформального авторитета, способен оказывать существенное влияние не только на сознание и поведение отдельных членов сообщества, но и на характер правовой коммуникации, усиливая его вертикальность. Особенно ярко это проявляется в межгрупповой коммуникации со строго институализированной политической элитой, нормативно определяющей цель, средства и содержание правового взаимодействия. Этот характер правовой коммуникации характерен для любого государственно организованного общества. Однако степень вертикализации коммуникации носит не константный характер: чем более демократично общество, тем меньше формальное принуждение при формировании социальной системы правовых ценностей. В совокупности это снижает уровень правового отчуждения. Можно предположить, что правовая деалиенация при данном сценарии должна заключаться в усилении горизонтальности правовой коммуникации и вовлечении максимально возможного числа субъектов во взаимодействие не только в качестве адресата, но и адресанта. Примером такой коммуникации можно рассматривать взаимодействие в виртуальном пространстве.

Во-вторых, неопит, принимая систему правовых ценностей сообщества, с которым он себя идентифицирует (особенно по формальным основаниям в случае институализации группы), не обязательно ориентирован на воспроизводство ценностей и норм группы. При этом его роль в коммуникации не только когнитивно, но и функционально ограничивается адресатом. Зачастую его идентификация носит маргинальный или конформистский характер, особенно в случае противоречия или несоответствия ценностных ориентаций сообщества индивидуальной системе правовых ценностей. Это обуславливает правовую отчужденность человека не столько онтологически, сколько аксиологически. При подобной стратегии деалиенация должна быть связана не только с усилением воздействия на индивида социальных правовых ценностей, но и с трансформацией его ценностных ориентаций.

В-третьих, при горизонтальной правовой коммуникации, когда индивид максимально вовлечен в процесс принятия решений, значимых для всего сообщества, человек одновременно выступает в роли адресата и адресанта. В этой ситуации правовые ценности и нормы сообщества представляют собой конвенциональный результат правовой коммуникации и максимально соответствуют ценностным ориентациям всех

субъектов взаимодействия. В сознании человека формируются не только прогностические ожидания последствий принятого решения¹⁵⁷, но и чувство ответственности за свои действия не только ценностного, но и функционального характера, соответствующие картине мира сообщества¹⁵⁸. Именно данный сценарий правовой коммуникации порождает ситуацию отсутствия или минимизации правового отчуждения.

Деалиенация при этом будет связана с усилением вовлеченности субъекта, который проявляет признаки правового отчуждения, не просто в правовую коммуникацию, но и в процесс принятия решений, тем самым усиливая его роль адресанта не только в реальности, но и в его ценностных установках. Хотя в наибольшей степени подобная стратегия может быть реализована в виртуальном пространстве, в демократических обществах это может быть обеспечено путем расширения участия человека в правотворчестве. Именно в этом отношении можно рассматривать всенародное обсуждение проекта изменений в Конституцию РФ и возможность принимать участие в электронном обсуждении законопроектов. Речь идет о достижении своеобразной социально-правовой конвенции, при которой граждане отказываются от части своих прав в обмен на государственные гарантии обеспечения их интересов. Несмотря на широко распространенное убеждение, что данная правовая политика является наследием патерналистских ценностей царского и советского периода, в действительности она полностью коррелирует с неolibеральной моделью государства, получившей развитие в западных обществах в начале XXI в.¹⁵⁹

Однако формирование подлинно горизонтальной правовой коммуникации, в которой индивид является равноправным и равноценным участником конструирования конвенционального решения и ощущает себя не только адресатом, но и адресантом, невозможно без наличия в сознании и поведении человека чувства ответственности. Правовая деалиенация должна включать в себя повышение аксиологического компонента правовоспитательной работы. При этом речь идет не только о повышении общего уровня правовой культуры в период первичной правовой социализации, но и о формировании при вторичной социализации в сознании и поведении человека ценностной установки на со-

¹⁵⁷ Hoian I.M. Axiological Aspects of Moral and Legal Decision-Making // *Anthropological Measurements of Philosophical Research*. 2019. Vol. 16. P. 73.

¹⁵⁸ Hoian I.M., Budz V.P. Antropological and Axiological Dimensions of Social Expectations and their Influence on Society's Self-Organization // *Anthropological Measurements of Philosophical Research*. 2020. Vol. 18. P. 80-81.

¹⁵⁹ Khmil V.V. Ambiguous Janus of Modern Democracy // *Measurements of Philosophical Research*. 2016. Vol. 9. P. 49.

вершение действий, необходимых для удовлетворения как индивидуальных, так и социальных потребностей, воспроизводство и функционирование сообщества, с которым он себя идентифицирует, не под давлением внешних обстоятельств, а в силу внутреннего убеждения, что он в равной степени со всеми участниками горизонтальной правовой коммуникации несет ответственность за принимаемые решения¹⁶⁰. Это обеспечивает не только ценностную сопричастность индивида к группе, но и гарантирует его включенность в правовую коммуникацию как в качестве адресата, так и адресанта. Чем выше уровень социальной ответственности членов сообщества, тем короче будет процесс вторичной социализации и включения неопита в процесс принятия правовых решений.

Характер правовой деалиенации зависит от степени институализации социальной группы¹⁶¹. Чем выше степень институализации, тем больше механизм деалиенации будет формализован, тем больше будет степень внешнего воздействия юридических норм. В частности, применительно к судьям в РФ правовая деалиенация будет связана с выполнением требований закона о статусе судей и кодекса судейской этики, несоблюдение которых порождает не только моральную и социальную ответственность, но и юридическую¹⁶².

Рост степени свободы субъектов правовой коммуникации проявляется в широкой возможности распространения любых идей, в т.ч. и агрессивных. При низком уровне коммуникативной компетентности субъектов последние ведут не только к неприятию чужой позиции, но и ее активному отторжению, крайним выражением которого можно считать различные формы открытого насилия, вплоть до терроризма. Поэтому важным направлением правовой деалиенации является формирование коммуникативных компетентностей личности в процессе правовой социализации. При этом в ходе первичной социализации речь должна идти о конструировании ценностной ориентации индивида на социальное взаимодействие, преимущественно ориентированное на вертикальную коммуникацию. Большую роль в этом процессе играют институты и агенты социализации, гармонизация пози-

¹⁶⁰ Cohn E.S., White S.O. *Legal Socialization: A Study of Norms and Rules*. NY: Springer-Verlag, 1990. 234 p.

¹⁶¹ Sánchez Brigido R.E. *Groups, Rules and legal Practice*. Dordrecht: Springer, 2010. P. 108-109.

¹⁶² Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / Т.В. Губаева, Д.Б. Миинигулова, А.В. Скоробогатов, Р.А. Шарифуллин, А.В. Краснов, Л.А. Гумеров, Р.Г. Бикмиев, Д.И. Здунова, М.Н. Рязанова; под ред. Т.В. Губаевой, А.В. Краснова. М.: РГУП, 2021. С. 37-37.

ции которых не только способствует развитию более высокого уровня правовой культуры, но и обеспечивает формирование установки на бесконфликтное сосуществование в сообществе, с которым себя идентифицирует индивид. Вторичная же социализация должна быть направлена на формирование человека, ориентированного на горизонтальную коммуникацию внутригруппового и межгруппового характера, предполагающую совмещение в одном субъекте социальных ролей адресата и адресанта и конвенциональность принимаемых решений, в т.ч. при разрешении конфликтов.

Правовая деалиенация не должна ограничиваться только юридическим аспектом поведения человека, но и включать аксиологический компонент. Речь идет об использовании потенциала культуры как средства профилактики социальной агрессии.

Осознание государством значимости культуры в формировании всесторонне развитого человека проявилось не только в провозглашении в качестве целей социального развития в Стратегии национальной безопасности России¹⁶³ «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» (пп. 7 п. 25), но и осуществление практических шагов, направленных на повышение общекультурного уровня подрастающего поколения (например, введение Пушкинской карты)¹⁶⁴.

Однако при этом недостаточно используются возможности культуры в части правового воспитания, чему могло бы помочь, например, введение курса «Право и основы художественной культуры» в процесс правового обучения как в юридических вузах, так и в организациях высшего образования неюридического профиля. Не случайно в западной философии права уделяется большое внимание отражению сферы права в литературе¹⁶⁵ и искусстве¹⁶⁶. В России же ни на уровне научных

¹⁶³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

¹⁶⁴ Постановление Правительства РФ от 17.08.2021 № 1357 (ред. от 31.08.2021) «Об утверждении Правил предоставления субсидии акционерному обществу «Почта Банк» на финансовое обеспечение реализации в Российской Федерации программы социальной поддержки молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры» // Собрание законодательства РФ. 23.08.2021. № 34. Ст. 6210.

¹⁶⁵ См. напр.: Dolin K. A critical introduction to law and literature. NY: Cambridge University Press, 2007. 160 p.

¹⁶⁶ См. напр.: Manderson D. Danse Macabre: temporalities of law in the visual arts. NY: Cambridge University Press, 2019. 287 p.

исследований, ни тем более на уровне образования это средство правовой деалиенации не используется в достаточной мере¹⁶⁷.

С позиций социального права¹⁶⁸ поведение и поступки личности должны удовлетворять правилам, являющимся господствующими и обязательными в сообществе (общество, социальная группа), с которым себя идентифицирует индивид. Пределы действия этих норм задаются исторически сложившимися традициями и комплексом существующих в конкретной социальной среде правовых представлений. Как содержание, так и особенности действия отдельных правил являются конвенциональным результатом правовой коммуникации и опосредуются социальным правовым опытом. Целью этих правил является достижение бесконфликтного сосуществования в сообществе и его поступательное развитие и функционирование¹⁶⁹. В ситуации правового отчуждения соблюдение правил либо является результатом индивидуального правового опыта и зависит от страха наказания или привычки подчиняться правилам, либо воспринимается человеком как принуждение со стороны группы. Поэтому правовая деалиенация должна быть, прежде всего, направлена на повышение правовой культуры индивида и формирование ценностной ориентации на совершение действий, осуществление которых не только способствует удовлетворению индивидуальных и (или) социальных интересов, но и обеспечивает воспроизводство и функционирование сообщества, с которым себя идентифицирует индивид. Это возможно лишь при условии расширения горизонтальной правовой коммуникации и полноценного вовлечения всех членов сообщества в принятие решений и разрешение конфликтов. Формируемые в процессе правовой коммуникации социальные практики как интерпретативные акты становятся эмпирической конвенцией для конструирования правил поведения, обязательных для всех членов сообщества¹⁷⁰.

¹⁶⁷ Лишь в некоторых вузах, например во Всероссийском государственном университете юстиции, читался спецкурс «Право и история художественной культуры» и было выпущено несколько учебных пособий для него (см. напр.: Пивоев В.М. Право и история художественной культуры: учеб. пособие для студентов юрид. факультета. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 112 с.; Право и история художественной культуры: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В.Г. Вишневский и др.; под ред. М.М. Рассолова. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 431 с.).

¹⁶⁸ Cotterrell R. *Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory*. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2006. 206 p.

¹⁶⁹ Подробнее см.: Скоробогатов А.В. Конструирование правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы // Ученые записки. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань: Отечество, 2021. С. 25-31.

¹⁷⁰ Подробнее о роли социальной практики в формировании правовых конвенций, выступающих учредительными постулатами для отдельных правил поведения см.: Marmor A.

К сожалению, в условиях пандемии существенно снизилась возможность осуществления групповых мероприятий (праздники, обряды, соревнования и т.д.), которые традиционно рассматривались в качестве эффективных средств снижения социальной напряженности и агрессии. Участвуя в таких мероприятиях, человек получает возможность трансформировать собственный агрессивный потенциал социально приемлемый способом¹⁷¹. Влияние визуальных и виртуальных средств для профилактики агрессии существенно ниже. Зачастую воздействие этих средств имеет совершенно противоположный эффект. Значительное число фильмов и онлайн игр создают ценностную ориентацию на достижение своих интересов и потребностей не путем соблюдения правил, а в форме борьбы за справедливость (противопоставленную позитивному праву) насильственными средствами. В этом контексте ограничение участия в видеоиграх, например, в Китае¹⁷² можно рассматривать не только как способ борьбы с игровой зависимостью, но и как средство правовой деалиенации, направленное на снижение или устранение негативного воздействия виртуального контента на формирование и развитие правовой культуры подрастающего поколения.

Важное значение для правовой деалиенации имеет эмоциональная устойчивость личности, которая предусматривает готовность психики к сохранению высокой функциональной активности в условиях влияния со стороны стрессоров и фрустраторов¹⁷³. Следствием этой активности является адаптация человека к стрессорам и фрустраторам, что не только повышает уровень правовой деалиенации, но и способствует минимизации или предубеждению к социальной агрессии. В свою очередь подобный психологический настрой человека повышает мотивированность его социально активного правового поведения¹⁷⁴ и степень его вовлеченности в правовую коммуникацию, направленную на поступательное развитие и функционирование сообщества.

Conventions, Reasons and the Law // Ramírez-Ludeña L., Vilajosana M.J. (eds.) *Legal Conventionalism*. Cham: Springer, 2019. P. 47-64.

¹⁷¹ Рустамов Х.У., Зиядова Д.З. Роль традиций и обычаев в противодействии преступности в Республике Дагестан на современном этапе // *Вестник Дагестанского государственного университета*. 2012. Вып. 2. С. 204-207.

¹⁷² Алтухов С.В., Веревкин В.М. Модель управления киберспортом в Китае как основа стимулирования здорового образа жизни и защиты национальных интересов // *Управленческие науки*. 2020. Т. 10. С. 22-30.

¹⁷³ Долгова В.И., Напримеров А.А., Латюшин Я.В. Формирование эмоциональной устойчивости личности. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 167 с.

¹⁷⁴ Мещерякова А.В., Мещерякова С.Н. О формировании пускового механизма правового поведения личности // *Философия права*. 2015. № 1(68). С. 81-86.

Итогом правовой деалиенации должно стать формирование человека как личности, способной к мультикультурному, плюральному общению, цивилизованному решению любых конфликтных ситуаций социально нормированным образом. Приоритетом в разрешении коллизий должно стать не ситуативное отношение к проблеме, которое может породить агрессию по отношению к оппоненту, бинарно воспринимаемому как «чужой», а ценностная ориентация на поиск компромисса, конвенциональное разрешение конфликта, характерное для горизонтальной правовой коммуникации. Правовая деалиенация должна осуществляться при активном участии государства и выступать одной из задач правового воздействия. Именно государство может сконструировать и транслировать человеку приоритетные правовые цели, направления действий, модели поведения, не только определяющие специфику интерперсональных взаимодействий, но и обеспечивающие их интересубъективный характер. В результате должна произойти реструктуризация российского общества. Заимствованный из западной правовой культуры индивидуализм, обуславливающий сегментацию общества, будет заменен традиционной для российской цивилизации соборностью, которая является когнитивным выражением горизонтальной правовой коммуникации.

§ 8. Терроризм как социальная травма: правовое измерение

С конца XX в., слово «травма» стало применяться гораздо больше, чем раньше, в разных сферах. Как отмечает один из основоположников теории социальной травмы, польский социолог Пётр Штомпка, «новая парадигма – парадигма травмы, медленно внедряется в сферу гуманитарных и социальных наук»¹⁷⁵.

Социальные травмы на современном этапе имеют разную природу. Это и несправедливость, допущенная на разных этапах исторического развития в отношении государств, народов, отдельных групп, и отсутствие чувства защищённости, когда человек живёт с осознанием, что его жизнь ничего не стоит, и ощущение невозможности изменить своё существование из-за объективных преград или так называемого стеклянного потолка, который явля-

¹⁷⁵ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Бесплатная электронная библиотека – Книги, издания, публикации // <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/512753-1-2001-shtompka-socialnoe-izmenenie-kak-travma-statya-pervaya-shtompka-petr-professor-yagellonskogo-universiteta-krako.php> (Дата обращения: 23.10.2022 г.).

ется ничуть не менее значимым препятствием в реальных условиях, чем, например, официальные ограничения, и т.д.

Безусловно, одной из социальных травм на мировом уровне стал международный терроризм. Так, например, З.Ш. Матчанова, ссылаясь на положения П. Штомпки о том, что а) травма представляет собой социальный факт, она распространяется среди членов определенной группы, разделяющих этот факт, б) что приобретая характер факта, внешнего по отношению к каждому из них, она воспринимается как нечто принуждающее и налагающее обязательства на их действия, в) что травма, помимо прочего, это еще и коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как травматические (травма действует на коллектив и не может быть сугубо индивидуальным нарушением)¹⁷⁶, пришла к выводу, что всё это всецело относится и к терроризму¹⁷⁷. «Любая травма, в том числе и социальная, – пишет З.Ш. Матчанова, – предполагает наличие какого-либо деструктивного действия. Особенность террористических актов состоит в том, что они несут разрушение как в сугубо материальном (физическом) смысле, так и в нематериальном (социальном, психологическом, политическом). Любой террористический акт нацелен на масштабные разрушения с как можно большим количеством человеческих жертв, но не столько ради уничтожения или повреждения каких-либо объектов материального мира (жилых и общественных зданий, объектов инженерной и социальной инфраструктуры и прочего), и даже не столько с целью уничтожить или покалечить конкретных людей (в большинстве случаев совершенно неизвестных, произвольно выбранных жертв – случайных прохожих из числа местных жителей или приезжих, сотрудников каких-либо учреждений, расположенных в зоне террористического акта, и т.п.), а с целью причинения той самой общей травмы, нанесения «раны», которая будет заживать годами, а для отдельных субъектов не заживет никогда»¹⁷⁸.

К сожалению, на универсальном уровне человечество пока не смогло прийти к единому пониманию терроризма, поэтому было выбрано два пути.

Первый – ООН был принят ряд конвенций, посвящённых отдельным аспектам противодействия терроризму: Конвенция о преступлениях и неко-

¹⁷⁶ Штомпка П. Социальные изменения как травма / Пер. А.Ю. Мосеевой и Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2001. № 1. С.10.

¹⁷⁷ Матчанова З.Ш. Уголовно-правовая характеристика терроризма в контексте теории социальной травмы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 3 (31). С. 57.

¹⁷⁸ Матчанова З.Ш. Террористический акт как социальная травма: криминологический анализ // Вестник Академии права и управления. 2018. № 2 (51). С. 108.

торых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.¹⁷⁹, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.¹⁸⁰, Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.¹⁸¹, Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г.¹⁸², Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.¹⁸³, Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок 1979 г.¹⁸⁴, Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.¹⁸⁵, Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения 1991 г.¹⁸⁶, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.¹⁸⁷, Международная конвенция о борьбе с финан-

¹⁷⁹ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов. Подписана в Токио 14 сентября 1963 года // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_ aboard.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁸⁰ Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. Принята 16 декабря 1970 года // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aircraft_seizure.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁸¹ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. Подписана в Монреале 23 сентября 1971 года // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁸² Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов. Принята резолюцией 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1973 года // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁸³ Международная конвенция о борьбе с захватом заложников. Принята резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁸⁴ Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок. Принята 26 октября 1979 года // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucmat_protection.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁸⁵ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/maritime.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁸⁶ Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения. Принята в Монреале на дипломатической конференции, проведенной ИКАО 12 февраля – 1 марта 1991 года // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/markconv.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁸⁷ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1997 года // Организация Объединённых

сированием терроризма 1999 г.¹⁸⁸, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.¹⁸⁹.

Второй – другие международные организации стали предпринимать попытки противодействия терроризму с помощью правовых средств.

Большое значение имело то, что, как отмечает Р.В. Нигматуллин, в условиях, «когда мировое сообщество в рамках ООН не может сформулировать определение международного терроризма, страны – участники ШОС в 2001 г. в Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом предложили внятный подход для определения терроризма: «Для целей настоящей Конвенции используемые в ней термины означают: а) какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к настоящей Конвенции, и как оно определено в этом договоре; б) любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от этого, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»¹⁹⁰. 16 июня 2009 г. в г. Екатеринбурге была принята Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, которая стала этапным международным антитеррористическим документом. Она учла все изменения, произошедшие в предыдущие годы в содержании терроризма, масштабах и характере террористических актов»¹⁹¹.

Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁸⁸ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁸⁹ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма. Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 года // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nuc1_ter.shtml (Дата обращения: 13.11.2023 г.).

¹⁹⁰ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 14 июня 2001 года // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1. С.29-36.

¹⁹¹ Нигматуллин Р.В. Деятельность международных организаций по совершенствованию нормативной базы борьбы с терроризмом: история и тенденции развития // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 4 (38). С.165.

Современные исследователи отмечают следующие «проявления» терроризма, являющимися травмирующими для мирового сообщества.

Во-первых, терроризм подрывает в каждом человеке чувство уверенности в завтрашнем дне, создаёт условия страха, нестабильности, недоверия¹⁹². Именно поэтому многие страны очень остро реагируют на развитие терроризма и принимают соответствующие законы¹⁹³. Тесно с этим связано понятие информационного терроризма¹⁹⁴, который представляет собой огромную опасность, поскольку может охватывать целые народы и даже мировое сообщество в целом. Однако есть и другие тенденции – использование терроризма как средства политической борьбы¹⁹⁵.

Во-вторых, терроризм тесно взаимосвязан с глобальными геополитическими проблемами. Как отмечает А.У. Искендеров, терроризм превращается в важную составляющую более общей военно-политической глобальной проблемы, связанной с фундаментальными вопросами войны и мира, от решения которой зависит дальнейшее существование цивилизации на планете¹⁹⁶.

В-третьих, травмирующий характер имеет придание некоторым направлениям террористической деятельности религиозного характера. Это очень опасное явление, поскольку у части общества формируется общее впечатление, что религиозное учение может способствовать развитию терроризма¹⁹⁷. Именно поэтому учёные призывают очень аккуратно использовать, к примеру, такое понятие, как этнорелигиозный терроризм, называя его «кен-

¹⁹² Башарина А.С. Терроризм, как угроза стабильности в мире, актуальность борьбы с терроризмом // Студенческий форум. 2019. № 32 (83). С. 70-71.

¹⁹³ Сидоров П.В. К вопросу о публичных призывах к осуществлению террористической деятельности, публичном оправдании терроризма или пропаганде терроризма // Молодой ученый. 2022. № 52 (447). С. 288-290; Трель Э.А. Ответственность за оправдание терроризма, прославление терроризма и призывы к терроризму в уголовном законе Латвийской Республики // O Bezpiecēnībai i Obroņnībai. 2018. Т. 4. № 2. С. 39-56; Цземэй Ц. Обзор к уголовного законодательства о борьбе с терроризмом и «Закона о борьбе с терроризмом» Китая // Евразийский научный журнал. 2016. № 6. С. 230-235.

¹⁹⁴ Гафурова В.А., Камышова В.А. Информационный терроризм как новая форма терроризма // Научный Лидер. 2023. № 48 (146). С. 35-38; Фатхи Д.В. Информационный терроризм как новая форма терроризма // Известия ТРТУ. 2007. № 2 (74). С. 241-243.

¹⁹⁵ Шанько В.В. «Терроризм» как метод политической борьбы (политический терроризм) // Философия права. 2022. № 2 (101). С. 116-119.

¹⁹⁶ Искендеров А.У. Международный терроризм: типы современного терроризма и общие причины роста террористической угрозы в современном мире // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2017. № 2. С. 132.

¹⁹⁷ Кузнецова А.Г. Исламский терроризм как разновидность религиозного терроризма // Байкал – Родина – Планета. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. С. 134-136.

тавр-понятием»¹⁹⁸. Часть исследователей считает, что на современном этапе это вообще главный вид терроризма¹⁹⁹.

В-четвёртых, развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет использовать различные способы пропаганды терроризма, о которых не могло быть речи в предшествующие эпохи. Появились возможности с помощью с помощью технических средств массово распространять террористическую идеологию, разжигать экстремистские и террористические настроения в обществе. В XXI веке государства пытаются реагировать на данную проблему, включая в законодательство статьи об уголовной ответственности за пропаганду терроризма, публичные призывы к совершению террористического акта²⁰⁰, однако процесс этот достаточно сложный. Например, в Республике Казахстан соответствующая статья Уголовного кодекса появилась в 2002 г., в Российской Федерации – в 2006 г.

В-пятых, участие в террористической деятельности может быть различным, поэтому не всегда можно установить причинно-следственные связи. Например, несмотря на усилия на международном и национальном уровнях, зачастую трудно определяется источник финансирования терроризма²⁰¹.

В-шестых, серьёзное травмирующее воздействие на современное общество оказывает использование в террористической деятельности детей. Современные исследователи констатируют, что, несмотря на принимаемые меры, в частности, принятие Советом Безопасности ООН резолюцию № 2427

¹⁹⁸ Бобков А.И. Кентавр-понятие – «этнорелигиозный терроризм» как фактор искажения понимания квазирелигиозного фундамента идеологии терроризма // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции / Ред. кол.: С.А. Карнович, П.А. Капустюк, Н.Ю. Жигалов. Иркутск: Издательство: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. Т.2. С. 157-162.

¹⁹⁹ Яковлева Е.А. Религиозный терроризм как основной вид современного терроризма // Актуальные проблемы права. Сборник статей и тезисов докладов научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции Российской Федерации / Под ред. Е.В. Королёвой. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. С. 210-213.

²⁰⁰ Смаилова З.А. О правовой природе пропаганды терроризма и публичных призывов к совершению актов терроризма // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2017. № 3. С. 101.

²⁰¹ Богмацера Э.В., Жамборов А.А. Противодействие финансированию терроризма как элемент системы борьбы с терроризмом на национальном и международном уровне // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 4. С. 25-30; Мелкумян К.С. Противодействие финансированию терроризма как важный фактор борьбы с терроризмом в условиях «идеального шторма» // Время больших перемен: политика и политики. материалы Всероссийской научной конференции РАПН / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 237-239.

«О детях и вооруженных конфликтах»²⁰², незаконное использование несовершеннолетних в вооруженных конфликтах и террористических целях пресечь полностью до сих пор не удается²⁰³.

В-седьмых, как показывает практика, травмирующим для мирового сообщества является и публичное оправдание терроризма. Именно поэтому во многих странах такие действия являются уголовно-наказуемыми. Вместе с тем, данный вопрос сохраняет характер дискуссионного. Так, анализируя российское уголовное законодательство, Д.К. Боков отмечает, что до сих пор сохраняется разнонаправленность в понимании характера публичности этого преступления, оправданности использования термина «терроризм» в тексте уголовного закона, обоснованности квалифицирующего признака – совершение рассматриваемого преступления с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»²⁰⁴.

В-восьмых, пандемия коронавируса COVID-19 2020-2023 гг. поставила ещё один вопрос, являющийся травмирующим для большинства людей. Это возможность распространения биологического терроризма и его последствиях²⁰⁵. Как отмечает М.П. Киреев, данная модификация терроризма предполагает осуществление преднамеренной, сознательной, целенаправленной угрозы с применением патогенных микроорганизмов, вирусов, бактериальных токсинов и т. д. в целях массового поражения живой силы противника, сельскохозяйственных животных, посевов сельскохозяйственных культур и др.

Таким образом, терроризм вполне может рассматриваться в рамках теории социальной травмы, поскольку связанные с ним события сокрушают ощущение благополучия как у конкретных людей, так и общества в целом, вызывают шок. Праву принадлежит важная роль не только преодолении данной социальной травмы, но и в её предотвращении.

²⁰² Резолюция 2427 (2018), принятая Советом Безопасности на его 8305-м заседании 9 июля 2018 года // Официальный сайт Организации Объединённых Наций // <https://www.cisatc.org/3663219.pdf> (Дата обращения: 23.10.2023 г.).

²⁰³ Хвалеи А.А., Бурыгин А.А. Детский терроризм как одна из основных тенденций развития международного исламского терроризма // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 8 (60). С. 2616-2622.

²⁰⁴ Боков Д.К. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: трудности доктринального понимания // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 124-131.

²⁰⁵ Киреев М.П. COVID-19 как новый облик терроризма – терроризма биологического // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 2. С. 221-225.

ГЛАВА II

ФОРМЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ И ИХ ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

§ 1. Борьба с дискриминацией и нетерпимостью – условие устойчивого развития современного государства

Проблемы обеспечения реального равенства внутри каждого государства сохраняют свою актуальность в современном мире, так как население любой страны включает людей, различающихся по происхождению, полу, образованию, убеждениям, возрасту, а зачастую также по расе, национальности, языку, культуре и т.д. Современные процессы глобализации, а также такие неблагоприятные явления, как экономический кризис, экологические катастрофы и военные конфликты, приводят к миграции людей и, как следствие, вынужденному включению их в новые социальные и культурные условия. Любое из различий между людьми может стать основанием для появления в обществе нетерпимости или дискриминации в различных формах. Борьба с такими проявлениями является одной из важнейших задач государства, желающего гарантировать своим гражданам и проживающим на его территории иностранцам достойный уровень жизни. Дифференциация в обществе оказывает неблагоприятное воздействие не только на лиц, находящихся в уязвимом, неравном положении, но и на всё государство в целом. Опасность неравенства кроится в социальном напряжении, которое не позволяет государству развиваться устойчиво и планомерно в экономической, политической, социальной, экологической и культурной сферах. В условиях неравенства граждане не имеют возможности реализовать весь свой потенциал, принести пользу обществу и государству. Как справедливо отмечается в литературе, «отношение к социально уязвимым группам представляет собой индикатор демократичности и стабильности режима, конфликтогенного потенциала и толерантности общества»²⁰⁶.

Ценность равенства и запрет дискриминации признается и подтверждается как на международном уровне, так и конкретными странами. Так, ст. 1 Всеобщей декларации прав человека²⁰⁷ провозглашает, что

²⁰⁶ Васильева Т.А. Борьба с дискриминацией по признаку возраста как необходимая составляющая современной политики // Труды института государства и права Российской академии наук. 2013. № 1. С. 191.

²⁰⁷ Всеобщая декларация прав человека // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

все люди рождаются равными в своих правах, а ст. 2 уточняет, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Пункт 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах²⁰⁸ устанавливает, что каждое участвующее в Пакте государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства. Кроме этого, ст. 26 Пакта определяет, что все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. Пункт 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах²⁰⁹ содержит схожую норму, устанавливающую, что участвующие в указанном Пакте государства обязуются гарантировать, что права, провозглашенные в Пакте, будут осуществляться без какой бы то ни было дискриминации, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

В конституциях стран различных географических регионов также содержится указание на признание равенства и запрета дискриминации, хотя конкретные формулировки различаются. К примеру, в ст. 19 Конституции Российской Федерации 1993 г.²¹⁰ указано, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объ-

²⁰⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²⁰⁹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²¹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

единениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. В ст. 3 Основного Закона ФРГ 1949 г.²¹¹ устанавливается, что все люди равны перед законом. Никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение вследствие его пола, его происхождения, его расы, его языка, его отечества и места рождения, его вероисповедания, его религиозных или политических воззрений. Никто не должен ущемляться из-за своих недостатков (физических или умственных). Согласно ст. 6 Конституции Болгарии 1991 г. все люди рождаются свободными и равными в достоинстве и правах. Все граждане равны перед законом. Не допускаются никакие ограничения прав или привилегии на основании расы, национальности, этнической принадлежности, пола, происхождения, религии, образования, убеждений, политической принадлежности, личного и общественного положения или имущественного состояния²¹². Ст. 16 Конституции Демократической Республики Восточный Тимор 2002 г. определяет, что все граждане равны перед законом, пользуются равными правами и несут одинаковые обязанности. Также данной статьей запрещается дискриминация по признакам цвета кожи, расы, семейного положения, пола, этнического происхождения, языка, социального и экономического статуса, политических либо идеологических убеждений, религии, образования, физического или умственного здоровья²¹³. В ст. 9 Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. установлено, что государство обеспечивает равные возможности для всех граждан без дискриминации²¹⁴.

Не случайно, при провозглашении в 2015 г. ООН целей устойчивого развития среди семнадцати целей две были непосредственно связаны с вопросами дискриминации и обеспечения равенства – это обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек (ЦУР № 5) и сокращение неравенства внутри стран и между ними (ЦУР № 10). Как можно увидеть, особое внимание было уделено проблеме гендерного неравенства, так как примерно половину населения мира составляют женщины, традиционно чаще сталкиваю-

²¹¹ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/224191> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²¹² Конституция Болгарии 1991 г. // LegalNS. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/bulgaria.pdf> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²¹³ Constitution of the Democratic Republic of Timor-Leste // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/196269> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²¹⁴ Constitution of the Arab Republic of Egypt 2014 // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/587419> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

щиеся с дискриминацией в различных отношениях. К примеру, согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2019 г. 4,8% женщин и 4% мужчин из опрошенных сообщили, что в последние 12 месяцев они лично подвергались дискриминации (без уточнения оснований дискриминации)²¹⁵.

Для обеспечения реального равенства государству следует бороться не только с дискриминацией, т.е. с явным ограничением или нарушением прав лиц в связи с их особенностями, но также и с нетерпимостью, под которой понимается неуважение к различным социальным группам, отсутствие принятия особенностей жизни данных групп. Часто нетерпимость может не проявляться в конкретных неправомерных действиях, но влиять на отношения в обществе, социальную политику государства и становиться препятствием для устойчивого развития. Необходимо понимать, что не все меры могут быть одинаково эффективными в отношении дискриминации и нетерпимости.

Важным условием успешности мер, направленных против нетерпимости и дискриминации, является осознание и признание населением государства существования данной проблемы. В связи с этим представляет интерес исследование, проведенное в Республике Беларусь в ноябре 2019 г. по вопросу изучения мнения населения государства о ситуации с дискриминацией и необходимости совершенствования законодательства в данной сфере. Опросы показали, что белорусы проявляют наибольшую нетерпимость по отношению к лицам «с социально неодобряемым поведением» (лицам, употребляющим наркотики, страдающим алкогольной зависимостью, освобожденным из мест лишения свободы), лицам, страдающим психическим заболеванием, а также лицам, живущих с ВИЧ/СПИД, и к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Наиболее толерантно белорусы относятся к людям, исповедующим другую религию, лицам с инвалидностью, иностранцам²¹⁶. Что касается причин дискриминации в белорусском обществе, то, по мнению опрошенных, главным образом ими являются стереотипное мышление о поведении определенных групп, отсутствие толерантности и бездействие органов государственного

²¹⁵ Цели устойчивого развития в Беларуси // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://sdgplatform.belstat.gov.by/sites/belstatfront/index-info.html?indicator=10.3.1> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²¹⁶ Цыбульская Н.В., Шкурова Е.В. Феномен дискриминации в оценках населения Республики Беларусь: опыт социологического исследования // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 5. «Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія». 2020. Том 10. № 3. С. 77-78.

управления. При этом заметная часть населения (примерно четверть опрошенных) среди причин дискриминации указали также поведение самих представителей уязвимых групп²¹⁷, что само по себе можно считать проявлением нетерпимости.

По итогам исследования авторами делается вывод, что «в белорусском обществе дискриминация не воспринимается как острая и значимая социальная проблема»²¹⁸. При этом 15% опрошенных указали, что сами сталкивались с дискриминационным отношением, однако не предпринимали попыток защитить свои права²¹⁹. Полагаем, что последний показатель наиболее ярко иллюстрирует проблему нетерпимости и дискриминации в белорусском обществе – граждане не считают, что проблема дискриминации является существенной, и не защищают свои права, а проявление нетерпимости в отношении других лиц склонны оправдывать бездействием государственных органов или поведением самих уязвимых категорий граждан.

Для решения проблемы проявления нетерпимости и дискриминации государству необходимо принимать комплекс мер правового, экономического, информационного, воспитательного и иного характера. Первым и важным шагом видится установление прямых гарантий в законодательстве с введением ответственности за нарушение соответствующих норм.

Относительно Республики Беларусь отметим, что в государстве отсутствует единый закон о борьбе с дискриминацией, при этом соответствующие нормы нашли свое закрепление в Конституции и отраслевом законодательстве. Так, базовой нормой в закреплении принципа равенства можно считать ст. 22 Конституции Республики Беларусь 1994 г.²²⁰, в которой провозглашается, что все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. При этом указанная статья закрепляет лишь часть принципа равенства: равенство перед законом и равную защиту прав, но не содержит прямого указания на равный набор прав для каждого человека либо запрет на дискриминацию при реализации прав и свобод, а также на равенство возможностей. Если проанализировать конституционные нормы, то можно увидеть, что принцип равенства, помимо используемых в ст. 22 формулировок, также рас-

²¹⁷ Там же. С. 80.

²¹⁸ Там же. С. 81.

²¹⁹ Там же. С. 82.

²²⁰ Конституции Республики Беларусь 1994 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

крывается в широком перечне норм, которые размещаются в различных разделах Конституции (к примеру, в ст. 11, 13, 16, 32, 38, 39, 42, 66 и некоторых других). Соответствующие нормы возможно рассматривать как уточнение принципа равенства, проявление его частных случаев.

Анализ отраслевого законодательства Республики Беларусь свидетельствует о признании принципа равенства в различных отношениях. Так, согласно ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г., гражданское законодательство основывается в том числе на принципе равенства участников гражданских отношений, в соответствии с которым субъекты гражданского права участвуют в гражданских отношениях на равных, равны перед законом, не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону, и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов²²¹. Ст. 20¹ Кодекса Республики Беларусь о браке и семье 1999 г.²²² закрепляет, что все вопросы брачных и семейных отношений супруги решают совместно, по обоюдному согласию и на основе равенства. В ст. 2 Кодекса Республики Беларусь об образовании 2011 г.²²³ в качестве одного из принципов государственной политики в сфере образования устанавливается обеспечение равного доступа к получению образования. Данная норма в п. 5 ст. 3 уточняется в отношении иностранцев: иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства белорусской национальности, постоянно проживающие на территории иностранных государств, а также иностранные граждане и лица без гражданства, которым предоставлены статус беженца или убежище в Республике Беларусь, имеют равное с гражданами Республики Беларусь право на образование. Полагаем, что можно также подчеркнуть право лиц с инвалидностью на получение равных возможностей в образовании, но с учетом особенностей состояния данных лиц и обеспечения заботы об их физическом благополучии.

²²¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь 1998 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9800218> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²²² Кодекс Республики Беларусь о браке и семье 1999 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=НК9900278> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²²³ Кодекс Республики Беларусь об образовании 2011 г. // // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

Трудовой кодекс Республики Беларусь 1999 г. в ст. 14 гарантирует запрет дискриминации в трудовых отношениях²²⁴. Под дискриминацией понимается ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от пола, расы, национального и социального происхождения, языка, религиозных или политических убеждений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, возраста, места жительства, недостатков физического или психического характера, не препятствующих исполнению соответствующих трудовых обязанностей, иных обстоятельств, не связанных с деловыми качествами и не обусловленных спецификой трудовой функции работника. При этом подчеркивается, что не считаются дискриминацией любые различия, исключения, предпочтения и ограничения, основанные на свойственных данной работе требованиях или обусловленные необходимостью особой заботы государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите (женщины, несовершеннолетние, инвалиды, лица, пострадавшие от катастрофы на Чернобыльской АЭС, и др.).

Принцип равенства также гарантируется актами, регулирующими публичные отношения. Так, ст. 1.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях 2021 г.²²⁵ закрепляет, что физические лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом и подлежат административной ответственности независимо от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, гражданства, имущественного и должностного положения, места жительства или места пребывания, убеждений, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств. Схожую норму содержит Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г.²²⁶, в соответствии с ч. 3 ст. 3 которого лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отно-

²²⁴ Трудовой кодекс Республики Беларусь 1999 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=НК9900296> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²²⁵ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях 2021 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК2100091> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²²⁶ Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

шения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Согласно ст. 6 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь»²²⁷ гражданам гарантируется равный доступ к любым должностям в государственной службе и продвижению по государственной службе в соответствии с их способностями, профессиональными знаниями и образованием.

Кроме прямого закрепления, принцип равенства в законодательстве может выражаться в гарантиях для определенных социальных групп. Например, согласно ч. 2 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 11 ноября 1992 г. № 1926-ХІІ «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь»²²⁸, выбор гражданином Республики Беларусь принадлежности к национальному меньшинству не влечет за собой каких бы то ни было неблагоприятных последствий, а в соответствии ст. 4 данного Закона не допускаются какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав и свобод граждан Республики Беларусь за их принадлежность к национальному меньшинству. Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях»²²⁹ в ст. 7 провозглашает, что граждане равны перед законом независимо от их отношения к религии. Воспрепятствование осуществлению прав на свободу совести и вероисповедания, а также установление каких-либо преимуществ либо ограничений прав граждан в зависимости от их отношения к религии не допускаются и преследуются по закону. Принадлежность или непринадлежность гражданина к политической партии, согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 5 октября 1994 г. № 3266-ХІІ «О политических партиях»²³⁰, не могут служить основанием для ограничения его прав и свобод, а также для недопущения исполнения им установленных законом обязанностей, за исключением

²²⁷ Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12200175> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²²⁸ Закона Республики Беларусь от 11 ноября 1992 г. № 1926-ХІІ «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» // Эталон-online. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19201926> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²²⁹ Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях» // Эталон-online. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19202054> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²³⁰ Закон Республики Беларусь от 5 октября 1994 г. № 3266-ХІІ «О политических партиях» // Эталон-online. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19403266&q_id=9627080 (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

случаев занятия определенных должностей. Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1991 г. № 1224-ХІІ «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь»²³¹ закрепляет запрет на дискриминацию по признаку инвалидности (ст. 4). В ст. 6 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХІІ «О правах ребенка»²³² подчеркиваются равные права детей, но по сравнению с иными детьми, а не по сравнению с взрослыми.

В белорусском законодательстве предусмотрена также ответственность за проявление нетерпимости или дискриминации. К примеру, Уголовный кодекс Республики Беларусь в ст. 190 предусматривает ответственность за нарушение равноправия граждан, под чем понимается умышленное прямое или косвенное нарушение или ограничение прав и свобод либо установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного или должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, причинившие существенный вред правам, свободам и законным интересам гражданина, а равно его близких. Кроме этого, предусмотрена уголовная и административная ответственность за частные случаи дискриминации. К примеру, в ст. 199 Уголовного кодекса «Нарушение законодательства о труде» установлена ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение женщины по мотивам ее беременности либо заведомо незаконное увольнение лица с работы. Ст. 10.16 Кодекса республики Беларусь об административных правонарушениях «Нарушение законодательства о языках» закрепляет ответственность за публичное оскорбление, порочение государственных и других национальных языков, создание препятствий и ограничений в пользовании ими, проповедь вражды на языковой почве.

Однако очевидно, что само по себе закрепление на законодательном уровне каких-либо положений не устранил нетерпимость или дискриминацию. В первую очередь это касается именно нетерпимости, отдельные проявления которой выходят за рамки правового регулирования. Очевидно, что малоэффективным будет являться запрет испытывать негативные чувства по отношению к определенным социальным

²³¹ Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1991 г. № 1224-ХІІ «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» // Эталон-online. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=V19101224> (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

²³² Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХІІ «О правах ребенка» // Эталон-online. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19302570&q_id=9627121&goToSnippet=1 (Дата обращения: 03.02.2023 г.).

группам. В связи с этим согласимся, что «разрешение проблемы толерантности должно быть комплексным, предполагающим взаимную дополнительность изменений повседневных практик личности и реализации государственных стратегий социальной защищенности и сотрудничества»²³³. Поэтому важно, чтобы государство не останавливалось на этапе правового обеспечения борьбы с нетерпимостью и дискриминацией, а принимало и иные меры.

Следует учитывать, что в основе нетерпимости и дискриминации чаще всего лежат стереотипы об определенных социальных группах, поэтому политика государства в сфере борьбы с данными проявлениями должна включать информационную и воспитательную работу. Важно при этом учитывать особую роль средств массовой информации в формировании общественного мнения. Известны случаи, когда деятельность средств массовой информации приводила к усилению среди граждан предубеждений против определенных групп. Например, значимую роль в геноциде тутси в Руанде сыграла радиостанция «Свободное радио тысячи холмов» (Radio Télévision Libre des Mille Collines), сотрудники которого впоследствии предстали в качестве ответчиков в Международном трибунале по Руанде. Поэтому большое внимание должно отводиться деятельности средств массовой информации, особенно функционирующих в глобальной компьютерной сети Интернет. На настоящий момент Интернет и информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни большинства людей. Граждане молодого и среднего возраста основную информацию получают не столько из печатных изданий, телевидения или радио, а через различные Интернет-ресурсы. И не вся информация, размещаемая в таких ресурсах, проходит какое-либо рецензирование или проверку. Поэтому, с одной стороны, государству следует проводить политику информирования о ценностях равенства и толерантности, а с другой – следить за содержанием информации, распространяемой в сети Интернет.

Еще одним направлением работы в данной сфере должно стать включение вопросов формирования толерантности в образовательные программы на всех ступенях получения образования, включая также дополнительное образование взрослых. Так как именно зачастую старшее население проявляет больше нетерпимости к «чужим» социальным группам, чем более молодое.

²³³ Герман В.А. Формирование толерантного сознания как средство профилактики экстремизма // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2007. № 8. С. 43.

Составной частью политики обеспечения равенства является предоставление различных льгот и преимуществ для уязвимых категорий граждан. Однако такие действия скрывают в себе опасность обратного эффекта и роста нетерпимости в обществе. Если население не будет понимать назначение данных льгот, не будет с ними согласно, это может привести к новым проявлениям недовольства, что в конечном итоге ухудшит положение уязвимых лиц и повысит социальную напряженность в обществе.

Таким образом, равенство и недискриминация является важнейшим условием устойчивого развития современных государств. Проявление случаев нетерпимости и прямая дискриминация различных социальных групп приводит к социальному напряжению в обществе, становится препятствием для успешного развития государства и общества, подрывает стабильность.

Борьба с нетерпимостью и дискриминацией не может исчерпываться признанием на законодательном уровне принципа равенства, закреплением соответствующих запретов и мер ответственности. В целях обеспечения реального равенства большое внимание должно уделяться воспитательной и информационной работе, направленной на формирование понимания среди населения ценности равенства, разъяснение личного интереса каждого гражданина в толерантном отношении к представителям других социальных групп.

§ 2. Волеизъявление субъекта правотворчества как детерминант фрустрации и агрессии

Когда речь идет о проявлениях агрессии в обществе, то в первую очередь возникает вопрос: каковы же причины, побудительные мотивы таких действий. Здесь, в палитре ответов на этот вопрос, можно найти множество разноплановых версий. Это и социальные неурядицы и конфликты, и бытовые склоки и оговоры, и экономические задолженности и претензии, и политические споры и разногласия, и субъективно истолкованные законы и юридические действия и др.

Однако безусловным предшественником любой агрессии является фрустрация. И если такое психическое состояние возникает из-за невозможности удовлетворения тех или иных потребностей, а именно, происходит расстройство планов или становится невозможной реализация замыслов, то сама ситуация может считаться предвестником агрессивного поведения. По мнению специалистов, в настоящее время самым

значимым источником фрустрации является социальная общность во всех ее проявлениях: действиях, решениях, намерениях, высказываниях и т.д. При этом считается, что часто агрессия направляется на людей, которые как раз и не провоцировали фрустрацию²³⁴. Природа фрустрации, ее развитие и проявление в различных социальных группах во всем многообразии типов и форм достаточно полно изучена в рамках психологии и медицины²³⁵.

Что же касается агрессии²³⁶, то она в свою очередь как продукт фрустрации может проявляться в масштабных уличных шествиях и протестах, несанкционированных акциях против запретов, выступлениях в социальных сетях под флагом борьбы за справедливость, физическом насилии, применении силы, угрозах и др.

Анализ бытия современного общества показывает, что определенная часть социальной агрессии обусловлена появлением специфического вида фрустратора²³⁷, а именно, продукта волеизъявления субъекта правотворчества. Как известно, таким продуктом являются нормативные правовые акты (законы, указы, постановления, приказы и др.), их проекты, законодательные инициативы и т.д. Реакция общества на правотворческую «продукцию» может быть различна. Это зависит и от формы политического режима, и от авторитета субъекта правотворчества, и от степени подготовленности общества (его части либо отдельных лиц) к пониманию предлагаемого документа или суждения представительного органа (лица). В демократически обустроенном государстве законопослушная часть общества мотивирована к восприятию обнародованного правотворческого материала положительно. Традиционно это обусловлено конституционными основами, согласно которым

²³⁴ Сайтова В. Что такое фрустрация и нужно ли с ней бороться // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61385cc69a794757b4cda93b> (Дата обращения: 02.11.2021 г.).

²³⁵ См. например: Нюттен Ж. Экспериментальные исследования фрустрации // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. М., Прогресс, 1975. С. 11-84; Клиническая психология: учебник. 2-е изд./ Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб: Питер, 2006. 960 с.; Фрустрация: понятие и диагностика. Учеб.-метод. пособие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 68 с.; Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс; Универс, 1994. 272 с.; Баркер Р. Фрустрация. Конфликт. Защита // Вопросы психологии. 1991. № 6. С. 34-38; Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.

²³⁶ Агрессия (от лат. *aggressiō* – нападение) – мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический, моральный ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт // Большой психологический словарь / Сост. Б. Мещеряков и В. Зинченко. М.: Олма-пресс, 2004. С. 16.

²³⁷ Фрустратор – это то, что провоцирует состояние фрустрации.

любое волеизъявление правотворческого органа осуществляется от имени народа. И, тем не менее, у определенных членов общества возникают ощущения, что, например, закон или подзаконный нормативный акт (а это и есть продукт волеизъявления) лишает их каких-либо благ или льгот. Нередко такие новеллы законодательства ассоциируются с перспективой потери ранее приобретенных прав и свобод. Также возможно ложное осознание неизбежных конфликтов и потерь вследствие принятия внесенного в парламент законопроекта. Так в ноябре 2018 года во Франции движение «желтых жилетов», сложившееся в социальных сетях, выразило протест на повышение цены на топливо, на увеличение налогов и в связи с принятием других непопулярных новелл законодателем. В декабре в стране начались массовые погромы магазинов, поджоги автомобилей, нападения на полицейских. Агрессия носила бессистемный характер, без конкретизации ее объекта²³⁸.

Исторический опыт показывает, что в государствах с тоталитарным режимом волеизъявление императора, короля, диктатора негативно воспринималось значительной частью общества. Здесь детерминантами фрустрации служили огромные пласты нормативного материала, издаваемого от имени и согласно воле монарха. Так агрессивные действия боевой организации социалистов-революционеров (эсеров) в на рубеже XIX-XX веков в России приобрели форму периодических террористических актов (подрывов) с целью убийств высших чиновников, полицейских и самого царя в отместку за целый пакет, на их взгляд, реакционных документов, ущемляющих права и свободы граждан²³⁹.

Агрессия выражается не только в виде противоправных действий. Результаты волеизъявления субъекта правотворчества нередко влекут фрустрацию, а затем и агрессивные проявления в виде высказываний в публичных местах, на митингах, в ходе пикетирования, переписки в социальных сетях и в средствах массовой информации и др. К примеру, в России в настоящее время этому способствует несколько совокупных факторов, которые, по мнению отдельных лиц, ущемляют их жизнь, снижают благосостояние, лишают льгот. Среди таких факторов называются: принимаемые правительством меры по борьбе с коронавирусом (что рассматривается как ущемление личных свобод), это проводимая пенсионная реформа (где повышение пенсионного возраста видится как

²³⁸ Массовые протесты во Франции с 1968 года. История, требования, ущерб // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/5890562> (Дата обращения: 07.11.2021 г.).

²³⁹ Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники, 1886-1916: с 50 портретами, 12 приложениями документов и указателем лиц. 2-е изд., доп. Пг.: Воен. тип., 1918. С. 5-9.

личностная катастрофа), это и внедрение цифровых платформ, и увеличение информационного потока в различных сферах жизнедеятельности (что представляется как усложнение бытия людей), это и неснижаемый массив нормативного материала, в котором обнаруживается значительное количество кажущихся неустранимых коллизий и пробелов. Вследствие этого у людей понижается устойчивость к стрессам, возрастают конфликтность и потребность в эмоциональной разрядке. И, наконец, начинает «выплескиваться» накопившаяся агрессия в виде откровенной грубости и сквернословия, публичных оскорблений непричастных, бездоказательных, безадресных огульных заявлений. К сожалению, такая речевая палитра становится поведенческой нормой²⁴⁰. Речевая агрессия как бы детерминируется нормоустановителем, его волей, которая изъясняется во вне в виде нормативного документа, хотя на самом деле формируется самой личностью, а детерминант служит лишь «спусковым механизмом».

В большинстве государств современного мира процесс правотворчества строго регламентирован. Здесь сформировались правовые традиции и обычаи, окончательно утвердились процедуры и регламенты. Однако современный этап развития человечества наполнен множеством новелл, связанных с очередной сменой технологического уклада. В числе таковых новшеств особо выделяется цифровизация правотворчества. Сейчас существует достаточно много научно обоснованных суждений о ее содержании, субъектах, новых источниках права²⁴¹. Однако и здесь возникают сомнения, предостережения и логические обоснования необходимости сохранить человеческий разум как генератор воли и волеизъявления в правотворчестве, как олицетворение свободы человека. Считается, что попытки «очеловечить» робота, втиснуть его в правовую

²⁴⁰ Щербинина Ю.В. Речевая защита. Учимся управлять агрессией. М.: Неолит, 2017. С. 4-5.

²⁴¹ См. подробнее: Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021. 184 с.; Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. 184 с.; Пашенцев Д.А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 31-39; Тихомиров Ю.А., Нанба С.Б. Роботизация: динамика правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 532-549; Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 5-13; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019. 234 с.; Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5-26.

ячейку (придать ему статус субъекта права) методологически несостоятельны. Действительно, только человек наделен сознанием, волей, автономными интересами и целями, социальным статусом, позволяющим отвечать за свои поступки²⁴². В конце концов, робототехника достигнет тех вершин, когда и робот будет наделен такими свойствами. Но только по воле человека. Значит и вожжи волеустановления и волеизъявления в нормообразовании не должны уходить из его рук. Нельзя допустить, чтобы цифровизация правотворчества привела к «уходу» от ответственности субъекта волеизъявления закона, так как свобода волеизъявления является фактором правотворчества. Более того, здесь нужна серьезная работа по разъяснению проводимых нововведений в этой области с целью недопущения социальных катаклизмов. В январе 2021 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил Правительству совместно с Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека разработать проект концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации и проект плана мероприятий («дорожной карты») по её реализации, включающего в себя мероприятия по повышению цифровой грамотности граждан Российской Федерации и их обучению навыкам информационной безопасности и «цифровой гигиены»²⁴³.

Анализ современных сфер общения показывает, что значительный пласт «человекожизни» уже прочно образовался и развивается в социальных сетях. Наблюдения показывают и здесь наличие проявлений фрустрации и агрессии, обусловленных продуктом волеизъявления субъекта правотворчества. Наиболее распространенной формой сетевой агрессии считается троллинг. Речь идет о применении разнообразных средств вербальной и паравербальной коммуникации для создания деструктивной среды как для отдельных лиц, так и для целой социальной группы. При этом провоцируется гнев, страх, сетевой конфликт²⁴⁴. Такие скандальные

²⁴² Исаков В.Б. Правовой статус роботов, наделенных искусственным интеллектом: объекты или субъекты? // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: Сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 15 апреля 2021 г. / Под общ. ред. д-ра экон. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юрид. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к. п. н. Н.М. Ладнушкиной. М.: Саратовский источник, 2021. С. 105.

²⁴³ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64952> (Дата обращения: 14.12.2021 г.).

²⁴⁴ Кузнецова Ю.М., Курузов И.А., Смирнов И.В., Станкевич М.А., Старостина Е.В., Чудова Н.В. Текстовые проявления фрустрированности пользователя социальных сетей // Медиалингвистика. 2020. Т. 7, № 1. С. 7.

«вбросы» осуществляются на основе вольного толкования нормативных актов в виде мнений специалистов или экспертов.

Зачастую фрустрация порождает агрессию, наносящую ущерб путем размещения фейковой информации²⁴⁵. Так, в условиях хакерской атаки (а это и есть форма агрессии) на сайте Госуслуг в первой декаде 2021 г. робот-помощник Макс, отвечая на вопрос о получении QR-кода о вакцинации, сообщил, что коронавируса не существует, а QR-коды – «часть планов мирового правительства»²⁴⁶. 29 марта 2019 г. в России вступил в силу закон, предусматривающий блокировку недостоверных и искажающих факты (фейковых) новостей, а также ответственность за данные деяния. Закон касается фейковых сообщений, создающих угрозу жизни или здоровью граждан, а также их имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка или общественной безопасности либо угрозу функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи²⁴⁷.

Выводы:

1. Волеизъявление субъекта правотворчества как детерминант фрустрации и агрессии является исторически обусловленным и сформировавшимся явлением. Однако степень такой «детерминантности» зависит от многих факторов, которые необходимо учитывать субъекту правотворчества.

2. Проявление фрустрации как реакции на продукт правотворчества зависит от качества нормативного материала, от его доступности (в плане понимания) населению, от детализации преимуществ принятого документа в средствах массовой информации, от серьезной работы по правовому воспитанию граждан.

²⁴⁵ Согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под фейковой информацией понимается информация, содержащая призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности... // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

²⁴⁶ Взломанный чат-бот Госуслуг робот Макс транслировал конспирологию про ковид // МК. URL: <https://www.mk.ru/science/2021/11/11/vzlomannyu-chatbot-gosuslug-robot-maks-transliroval-konspirologiyu-pro-kovid.html> (Дата обращения: 24.09.2021 г.).

²⁴⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 18.03.2019 № 31-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.03.2019. № 12. Ст. 1221.

3. Агрессию граждан в этой ситуации можно нивелировать только широкой проработкой проектов нормативных правовых актов, их всесторонним обсуждением. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин, на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека в ходе обсуждения необходимости введения QR-кодов на транспорте, заметил: «... конечно, мы должны действовать очень аккуратно, взвешенно, понимать, что происходит. Вся процедура должна быть предельно понятной и прозрачной и не создавать дополнительных проблем для людей»²⁴⁸.

4. Тем не менее проявления агрессии и в дальнейшем потребуют квалифицированной оценки правоохранительных органов. Но и сам механизм оценки таких специфических отклонений нуждается в совершенствовании.

§ 3. Экстремизм и терроризм как средства сдерживания и подрыва национального суверенитета

Конституция России закрепляет, что внешняя политика и международные отношения Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, вопросы войны и мира находятся в ведении Российской Федерации (п. «к» ст. 71), её многонациональный народ является единственным носителем суверенитета и единственным источником власти (ч. 1 ст. 3). Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории (ч. 2 ст. 4)²⁴⁹. В одном из своих Постановлений Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что суверенитет Российской Федерации, предполагающий «...независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус»²⁵⁰.

²⁴⁸ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67331> (Дата обращения: 09.12.2021 г.).

²⁴⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

²⁵⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных

Термин «суверенитет» был введен в научный оборот французским политиком, философом, экономистом, юристом, членом парламента Парижа и профессором права в Тулузе Жаном Боденом в XVI в. Изначально этот термин использовался для определения абсолютной власти феодального монарха. Вестфальский мир (1648 г.) ознаменовал собой установление нового порядка в Европе, вошедшего в историю как «Вестфальская система международных отношений», основывающаяся на признании государственного суверенитета, понимаемого как верховенство государства (монарха) во внутренних делах и независимости во внешних²⁵¹.

Процессы глобализации и мировой интеграции, усиление сотрудничества государств вывело часть государственного суверенитета на надгосударственный уровень. Поэтому суверенитет как абсолютная власть кого бы то ни было (монарха ли, президента ли, верховного правителя ли) в современных условиях практически невозможен, поскольку каждое государство так или иначе связано с обязательствами, возникающими в связи с признанием и подписанием международных и межгосударственных соглашений. Конституция Российской Федерации в ст. 79 закрепляет возможность ее участия в межгосударственных объединениях и передачи им части своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, но при условии, что это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Здесь же содержится положение, согласно которому «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Поэтому любая публичная власть любого уровня внутри государства ограничена правами и свободами человека и гражданина, вытекающими из международных договоров, например, о гражданских и политических правах²⁵², об экономических, социальных и культурных

(представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» // Российская газета. 2000. 21 июня.

²⁵¹ Страшун Б.А. Суверенитет государства в современном национальном, международном и наднациональном праве // *Lex russica*. 2016. № 7. С. 167.

²⁵² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

правах²⁵³ и др. Во внешней политике и международных отношениях суверенитет также ограничен как двусторонними, так и многосторонними соглашениями государств, в частности, такими как: Устав ООН; Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств; Декларация об укреплении международной безопасности; Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета; Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций; Конвенция об определении агрессии; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» и рядом других. Эти соглашения выступают (или должны выступать) одновременно и гарантиями сохранения государственного суверенитета. Принятие и подписание этих и других международных актов само по себе говорит о высокой степени опасности и чрезвычайной криминогенности вмешательства в государственный суверенитет, особенно путем дестабилизации его политических или экономических основ.

Будучи связанной международным правом, практика вмешательства во внутренние дела обрела характер скрытой войны. Тайные операции по подрыву изнутри политических основ государства путем всесторонней поддержки экстремизма и сепаратизма подталкивают на различные законные и незаконные методы протеста и иные выражения недовольства действующей законной властью. Это обстоятельство сделало усиление угрозы международного терроризма одной из наиболее опасных реалий современного мира. Распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в целом ряде регионов (в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке), обусловленные как обнажившимися на фоне процессов глобализации системными проблемами развития, так и в значительной степени внешним вмешательством, в совокупности привели к разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности, увеличению масштабов незаконного распространения оружия и боеприпасов. Навязываемые извне идеологические ценности и рецепты модернизации политической системы государств усилили негативную реакцию общества на вызовы современности. Эти тенденции используются экстремистскими силами, которые, опираясь, в част-

²⁵³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

ности, на искаженное толкование религиозных ценностей, призывают к применению насильственных методов для достижения своих целей в политическом, межнациональном и межрелигиозном соперничестве. Анализ событий в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, где сотни тысяч людей убито, миллионы искалечены и десятки миллионов потеряли имущество, стали беженцами и лишились элементарных условий жизни, наиболее ярко показывает весь трагизм вмешательства во внутренние дела государства.

В одной из своих предвыборных статей Президент Российской Федерации В.В. Путин справедливо отмечал, что череда вооруженных конфликтов, оправдываемых гуманитарными целями, подрывает освященный веками принцип государственного суверенитета. Несомненно, что права человека первичны по отношению к государственному суверенитету, а преступления против человечества должны караться международным судом. «Но когда при использовании этого положения легко нарушается государственный суверенитет, когда права человека защищаются извне и на выборочной основе – и в процессе "защиты" попираются такие же права массы людей, включая самое базовое и святое – право на жизнь, – речь идет не о благородном деле, а об элементарной демагогии»²⁵⁴.

Именно такая демагогия в устах политиков становится предвестником беды и грубого попрания норм международного права и обязательств, вытекающих из них. В преамбуле Декларации ООН 1981 года «О недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств»²⁵⁵ указано, что «...в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций ни одно государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела какого-либо другого государства...».

В Декларации также отмечается, что полное соблюдение принципа отказа от интервенции и невмешательства во внутренние и внешние дела государств имеет важнейшее значение для поддержания международного мира и безопасности. Цели ООН могут быть достигнуты лишь в условиях, при которых народы пользуются свободой, а государства пользуются суверенным равенством и полностью соблюдают требования этих принципов в своих международных отношениях. Признается,

²⁵⁴ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля.

²⁵⁵ Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. (Принята 09.12.1981 Резолюцией 36/103 на 36-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 1.- М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 99 – 102.

что любое нарушение принципа отказа от интервенции и невмешательства создаст угрозу свободе народов, суверенитету, политической независимости и территориальной неприкосновенности государств, их политическому, экономическому, социальному и культурному развитию, а также поставит под угрозу международный мир и безопасность.

Государства-подписанты Декларации торжественно заявили, что ни одно государство или группа государств не имеет права осуществлять интервенцию или вмешательство в любой форме или по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела других государств. Сформулировав принцип отказа от интервенции и невмешательства во внутренние и внешние дела государств, договаривающиеся стороны взяли на себя обязательства, в числе которых:

– воздерживаться от любых действий или попыток в какой бы то ни было форме или под каким бы то ни было предлогом дестабилизировать или подрывать стабильность другого государства или любого из его институтов;

– воздерживаться от оказания содействия, поощрения или поддержки, прямо или косвенно, мятежной или сепаратистской деятельности в других государствах под каким бы то ни было предлогом, или от каких-либо действий, направленных на нарушение единства или подрыв, или свержение политического строя других государств;

– воздерживаться от любых клеветнических кампаний, оскорбительной или враждебной пропаганды с целью осуществления интервенции или вмешательства во внутренние дела других государств;

– воздерживаться от организации, обучения, финансирования или вооружения политических и этнических групп на своих территориях или территориях других государств с целью осуществления подрывной деятельности, создания беспорядков или волнений в других странах.

Международное сообщество и раньше обращало свое внимание на проблему вмешательства во внутренние дела суверенного государства. Будучи озабоченной серьезностью международного положения и растущей угрозой всеобщему миру в связи с вооруженным вмешательством и другими формами прямого или косвенного вмешательства, «угрожающими суверенной правосубъектности и политической независимости государств», ООН еще в 1965 году приняла Декларацию о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета²⁵⁶. В Декларации государства-подписанты провозгласили, что:

²⁵⁶ Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (принята 21.12.1965 Резолюцией 2131 (XX)

– никакое государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства. Вследствие этого осуждаются не только вооруженное вмешательство, но также все другие формы вмешательства и всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных элементов;

– ... все государства должны также воздерживаться от того, чтобы организовывать, помогать, создавать, финансировать, поощрять или допускать вооруженную, подрывную или террористическую деятельность, направленную на изменение строя другого государства путем насилия, а также от вмешательства во внутреннюю борьбу в другом государстве.

В Декларации нашло закрепление неотъемлемое право каждого государства выбирать свою политическую, экономическую, социальную и культурную систему без вмешательства в какой-либо форме со стороны какого бы то ни было другого государства.

В 1970 году в другой Декларации ООН²⁵⁷ была произведена кодификация принципов, в числе которых принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства.

Этот принцип предполагает, что:

– ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства;

– каждое государство обладает неотъемлемым правом выбирать себе политическую, экономическую, социальную и культурную систему без вмешательства в какой-либо форме со стороны какого бы то ни было другого государства.

Как показала реальность, эти и другие декларации и обязательства, вытекающие из них, как и сам Устав ООН, не являются для государств-агрессоров чем-то непреодолимым. Они не могут удерживать государства не только от вмешательства во внутренние дела других государств (от влияния на избирательные процессы, поощрения оппозиции, экс-

на 20-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

²⁵⁷ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 2-8.

тремизма, финансирования через различные фонды преступных групп и др.), но и не становятся серьезным препятствием на пути интервенции, оккупации и даже геноцида²⁵⁸. В последние два десятилетия международное право и международные организации, вовлеченные в процесс глобализации, стали без особого прикрытия использоваться глобальной олигархической властью²⁵⁹ для легализации грубого вмешательства во внутренние дела суверенных государств, когда караются непокорные, стираются государственные границы между покоренными, ослабляются национальные валюты и др. Вся эта, по сути, преступная деятельность облекалась в форму гуманитарных акций или права на защиту, право на самоопределение и др., без учета мнения народа. США и европейские государства предлагают народам суверенного государства во имя их свободы и безопасности умирать от пуль террористов, от «точечных» бомбовых ударов НАТО, от голода, холода, болезней и прочих несчастий, которые сопровождают такие войны. Создается впечатление, что благоденствие народов Азии, Африки и Латинской Америки больше нужны «цивилизованным» Европе и США, чем самим этим народам. Огромные усилия пришлось приложить России и Китаю, чтобы принудить «цивилизованные» народы придерживаться норм международного права и отказаться от попыток легализации своей преступной деятельности, в том числе и массовых убийств, по отношению к Сирии, к государству, являющемуся колыбелью человечества. Заметим, что основной международный документ – Устав ООН – оговаривает невозможность использования его положений для вмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства (п. 7 ст. 2). Устав ООН вообще исключает какую-либо возможность иностранного вмешательства, за исключением случаев применения принудительных мер на основании главы VII Устава. Это случаи, когда Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и дает рекомендации или решает вопрос о том, какие меры

²⁵⁸ Африканская республика Руанда обвинила Францию в причастности к геноциду 1994 года. Тогда погибло более 800 тыс. человек народности тутси. В специальном докладе утверждается, что высокопоставленные чиновники Франции, среди которых премьер-министры и президент, знали о подготовке геноцида (всего 33 высших должностных лица Франции, в числе которых и бывшие президенты страны Франсуа Миттеран и Николя Саркози). Но эти обвинения не стали предметом Международного трибунала. Париж отверг все обвинения, настаивал, что французские войска пытались защитить людей и действовали с санкции ООН // Взгляд. Деловая газета. URL: <http://www.vz.ru/politics/2008/8/6/193611.html>; РБК// <https://www.rbc.ru/politics/06/08/2008/5703ce1d9a79473dc81480a9> (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

²⁵⁹ Шестаков Д.А. Агрессия против суверенной Ливии, набросок формул обвинения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4 (23). С. 10-15.

следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Надо отметить и то обстоятельство, что в европейских странах сформированы и хорошо функционируют институты гражданского общества, которые отслеживают политические решения своих правительств и реагируют на них, организуя массовые митинги, манифестации, пикеты и шествия.

Так, по подсчетам французского ученого Доминика Рейнье, с 3 января по 12 апреля 2003 года по всему миру прошло порядка 3 тыс. крупных демонстраций против войны в Ираке, в которых приняли участие 36 млн человек. 15 февраля 2003 года в Лондоне прошли массовые антивоенные демонстрации, в которых по разным оценкам приняли участие от 750 тыс. до 2 млн человек. Опрос общественного мнения показал, что 62% опрошенных в январе 2003 года англичан не поддерживали политику Тони Блэра в Ираке. А в британском обществе сложилась сильная оппозиция войне. В средствах массовой информации открыто обвиняли Тони Блэра в безоговорочном следовании политике Соединенных Штатов.

Таким образом, вмешательство во внутренние дела суверенного государства руководителями западных стран готовится и совершается вопреки мнению даже своего народа. Чтобы нейтрализовать недовольства собственного населения, убедить народ в необходимости агрессии, используются различные приемы, такие как обман. Так было в Ираке, когда Госсекретарь США демонстрировал миру пробирку с белым веществом, якобы доказывающим наличие у Ирака химического оружия. Взрывы башен-близнецов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке были совершены для устрашения населения, что имело место накануне агрессии против Афганистана, позже, в 2013 году, был произведен взрыв на бостонском марафоне, что позволило приглушить голос тех, кто продолжал выступать против войны в Афганистане. В ряду обмана населения следует рассматривать и ни чем и ни кем недоказанные обвинения Б. Асада в применении химического оружия против своего народа.

Такая политика глав государств приводит к последствиям, которые многократно превышают последствия общеуголовных преступлений и преступлений «недемократических» правителей.

Последствиями установления «мира» в Афганистане начиная с 2001 года стали, по оценкам независимых организаций, гибель не менее 60 тыс. гражданских лиц, 250 тыс. человек получили увечья. Более 500 тыс. афганцев, бежавших из родных домов, спасаясь от войны, брошены

и правительством, и международным сообществом на произвол судьбы. Уход войск США из Афганистана и передача власти талибам²⁶⁰ ввергает народ этого государства в очередной политический водоворот с совершенно не прогнозируемыми последствиями ни для населения Афганистана, ни для его соседей.

Кроме того, есть многочисленные жертвы этой войны и в соседних с Афганистаном странах, где силы коалиции по своему усмотрению применяют оружие неизбирательного действия. По данным западных средств массовой информации, только в период с июня 2004 года по сентябрь 2012 года в результате авиаударов американских беспилотных летательных аппаратов на территории Пакистана были убиты до 3325 человек²⁶¹.

В Ираке, по оценкам Opinion Research Business, жертвами войны к январю 2008 года стали от 946 тыс. до 1,120 млн человек из числа гражданского населения. К этим последствиям следует добавить и многочисленные случаи пыток и издевательств над иракцами в тюрьмах Абу-Грейт, Кэмп-Нама, насилие над мирными жителями, использование запрещенных международным правом фосфорных бомб и многое другое.

Организованная спецслужбами стран Запада и США гражданская война в Ливии и последовавшая оккупация этого суверенного государства стали крупнейшими по числу жертв и нанесенному экономическому ущербу. Число только погибших по состоянию на 20 октября 2011 года, по оценкам Переходного правительства Ливии, достигло 50 тыс. человек. Прямым следствием конфликта стал фактический развал страны и уничтожение ливийской государственности. По данным исследования международной консалтинговой компании Geopolicity, только бюджетные потери Ливии составили около 14 млрд долл. США. Потери ВВП страны к осени 2011 года составили 7,7 млрд долл. США. Заморожена значительная часть из принадлежащих Ливии 150 млрд долл. США, находящихся на зарубежных счетах. По данным А. Егорова, эти средства для самой Ливии фактически потеряны, а непосредственные разрушения от натовских бомбардировок оцениваются в 14 млрд долл.

²⁶⁰ Движение Талибан признано террористической организацией в соответствии с законодательством Российской Федерации. См. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

²⁶¹ О применении Соединенными Штатами БЛА в Афганистане // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 2(791). С. 105.

США²⁶². Как результат насаждения западной демократии следует рассматривать потерю народом Ливии всех социальных гарантий и беженцев, число которых составляет от 650 до 750 тыс. чел. В тюрьмах многочисленных региональных бригад находится около 8,5 тыс. человек, обвиняемых в сотрудничестве с прежней властью, в то время как число политических заключённых при М. Каддафи не превышало 6 тыс.

По оценкам Управления ООН по правам человека от 13 июня 2013 г., с марта 2011 по апрель 2013 года в Сирии было убито 92901 человек. Из них примерно 82,5% жертв составили мужчины, более 7,5% – женщины. Среди погибших 6560 несовершеннолетних, включая 1729 детей младше 10 лет. Семь миллионов человек, почти треть населения Сирии, были вынуждены оставить свои дома в ходе гражданской войны. Из них 2 млн человек являются беженцами, то есть находятся за пределами Сирии.

Конечно, все приведенные цифры о потерях носят весьма приблизительный характер, так как военные кампании проводятся с использованием оружия неизбирательного и большого разрушительного действия. В приведенные расчеты не входят боевые потери коалиционных сил, сил сопротивления (боевиков, террористов, экстремистов), служб безопасности, членов частных военных компаний, каковых только в Ираке действовало 400 с численностью до 200 тыс. сотрудников.

С. Хусейн был казнен по обвинению в убийстве 500 человек курдов. Но наказан был не только С. Хусейн, убиты были и все члены его семьи, включая малолетних внуков. М. Каддафи был казнен без суда и следствия (ему нечего было вменить в вину), так же были убиты дети и внуки Каддафи.

И после всего этого следует ли поддаваться внушаемому повсеместно мифу о цивилизованности США и Европы? Трудно даже представить, что было бы в мире, если какое-либо из мусульманских государств совершило бы похожее злодеяние в отношении руководителей Америки, Англии, Франции или Германии и членов их семей. Конечно, нельзя сказать, что преступления международного характера, совершаемые правительствами, не беспокоят общественную совесть европейских народов, но они даже при большом желании не в силах изменить положение дел.

Очевидно, что процессы глобализации и построения всемирного государства будут и дальше последовательно ослаблять националь-

²⁶² «Арабская весна» на примере бесцветной революции в Ливии // Центр стратегических оценок и прогнозов. URL: <https://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/477/arabskaya-vesna-na-primere-besczvetnoj-revoljuczii-v-livii-5898> (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

ный суверенитет, а реальная власть будет переходить к транснациональным корпорациям (ТНК) и международным, наднациональным организациям. Эти процессы невозможны без вмешательства этих глобалистских структур во внутренние дела юридически пока еще независимых государств.

Попытки принизить роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений, ввести в практику разделение государств на категории с различным объемом прав и обязанностей несут в себе угрозу подрыва международного правопорядка. В этих условиях попытки навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей чреваты ростом ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах и, в конечном итоге, могут привести к хаосу и неуправляемости в международных отношениях²⁶³.

Какие угрозы для суверенитета таит в себе вмешательство во внутренние дела государства и адекватны ли этим угрозам предпринимаемые Россией меры безопасности? Достаточны и способны ли они оградить Россию от вмешательств в ее внутренние дела на прогнозируемую перспективу?

Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, последовательно проводимый Российской Федерацией курс на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала и обеспечил укрепление ее суверенной государственности как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления. В Стратегии нашло отражение полное понимание Россией того, что усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека²⁶⁴.

Распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в целом ряде регионов, в значительной сте-

²⁶³ Дикаев С.У., Дикаева Д.М. Проблемы защиты государственного суверенитета от деструктивного внешнего вмешательства // Юридическая мысль. 2017. № 4 (102). С.74-80.

²⁶⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

пени обусловленные внешним вмешательством, рассматриваются Концепцией внешней политики Российской Федерации как одна из наиболее опасных реалий современного мира, приводящих к усилению угрозы международного терроризма, разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности, увеличению масштабов незаконного распространения оружия и боеприпасов²⁶⁵.

В Военной доктрине России вмешательство во внутренние дела Российской Федерации и ее союзников рассматривается в числе основных внешних военных опасностей (п. «д» ст. 12)²⁶⁶.

Очевидно, что такое понимание глубины проблемы говорит о необходимости создания надежной системы защиты своего суверенитета, предполагающей, помимо прочего, своевременную и адекватную реакцию на любые заявления и действия, так или иначе направленные против суверенитета России. Действиям, как правило, предшествуют заявления зарубежных политиков, которые посягают на принципы невмешательства во внутренние дела суверенного государства, которые могут спровоцировать внутри страны массовые беспорядки, проявления экстремизма, терроризма и даже вооруженный мятеж. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации²⁶⁷ попытку использования терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств рассматривает как одну из основных тенденций современного терроризма. Заявления официальных лиц ЕС и США, выставяющих Россию как неполноценное государство, как угрозу миру, демократии и т.д., выражают не только и не столько свою личную позицию, а позицию своих государств, тем самым создают напряженность в мире и вредят межгосударственным отношениям с Россией на длительную перспективу.

В Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается: «Стремление западных государств удержать свои позиции, в том числе посредством навязывания своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном

²⁶⁵ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.12.2016. № 49. Ст. 6886.

²⁶⁶ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. 2014. 30 декабря.

²⁶⁷ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета. 2009. 20 октября.

уровнях. Борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития»²⁶⁸.

За всю недолгую историю своего существования политика США в отношении других стран была однотипна: вмешательство во внутренние дела государства, установление удобного им политического режима и через него открытое или завуалированное разграбление страны. Под колпаком такой политики и по сей день находятся многие страны Африки, Латинской Америки, Центральной и Восточной Азии и другие, которые, однажды воспользовавшись услугами США и контролируемых ими международных финансовых организаций, в течение многих десятилетий выплачивают проценты только по обслуживанию своего государственного долга. Россия, также оказавшись в конце XX века под таким колпаком, только-только выбралась из-под него, понеся, однако, колоссальные потери. Другим способом закабаления государств является смена власти и последующее «закачивание» кредитами. Эти деньги через коррупционные каналы изымаются еще до того, как они доходят до реального сектора экономики, и возвращаются в государство-кредитора в виде частных банковских вкладов членов правительств или их приближенных. После решения этой задачи власть становится ненужной, ее можно сместить, но кредиты остаются за государством, которое вынуждено в течение десятков лет платить проценты, не имея возможности полностью погасить долг. Именно такой сценарий реализовывается западными «демократами» в Украине.

При анализе внешней политики США никогда не следует забывать о том, кем и как это государство создавалось. Нынешние политики США – это потомки тех преступников, а соответственно, и носители их ген, которые съехали со всего Старого света и методично истребили индейское население Северной Америки. Такая же участь постигла австралийских, африканских и латиноамериканских аборигенов, которых английские, французские, немецкие, итальянские, португальские, испанские колонизаторы не воспринимали за людей. Хотя генератором антироссийской политики являются США, эта политика поддерживается Францией и Германией, которые находятся в ожидании реванша за поражения, нанесённые им нашей страной, в ими же развязанных войнах против России.

²⁶⁸ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.12.2016. № 49. Ст. 6886.

Отмеченная в Концепции современная мировая тенденция сложилась, несмотря на действие норм международного права, а его игнорирование привело к тому, что ООН и Совет Безопасности не способны больше обеспечивать суверенитет и территориальную целостность государств. При таких реалиях есть необходимость признания на международном уровне того, что государства больше не могут рассчитывать на международную защиту своего суверенитета. Это позволит ввести компенсирующие нормы в национальное законодательство, призванное обеспечить безопасность, суверенитет и государственную целостность, в том числе и посредством ограничения действия правового иммунитета иностранных государственных деятелей.

Надо отметить, что вопросы преступности политических деятелей и их ответственности представляют самостоятельную проблему для криминологического анализа. Сложно квалифицировать политические заявления, политически мотивированные насильственные действия, являющиеся частью внутренней политики национальных политических деятелей, даже если они образуют состав какого-либо преступления. Например, невозможно в рамках национального законодательства привлечь к уголовной ответственности за геноцид, развязывание и ведение агрессивной войны и другие преступления своих политических деятелей из-за весьма сложной процедуры возбуждения уголовного дела (гл. 52 УПК РФ²⁶⁹) и действия внутренних иммунитетов, преодолеть которые возможно только в случае проявления политической воли конкретными должностными лицами. Общественное мнение, да и правоохранительные органы значительно терпимее относятся даже к откровенно экстремистским высказываниям и заявлениям политиков, рассматривая их как извиняющие, если они произносятся в процессе избирательной кампании (человеку надо, чтобы его избрали). В иных случаях создается такой фон, что общество само требует от власти совершать преступления.

В отношении подобного рода деяний политиков национальное законодательство бессильно, а международное уголовное право имеет ограничение в действии и применяется избирательно тогда, когда это выгодно доминантам мировой политики.

Так, Б. Абама, А. Меркель, Н. Саркози, Д. Кемерон и др., спровоцировавшие массовые беспорядки и использовавшие их для агрессии, приведшей к массовой гибели граждан Ливии и Ирака, уничтожению их экономики (что является международным преступлением (п. «с» ч. 1 ст.

²⁶⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (послед. ред.) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

5, ст.8 Римского статута²⁷⁰)), цинично и демонстративно казнившие С. Хусейна (по суду) и М. Каддафи (без суда), многочисленные покушения на глав Сирии, Ирана, Кубы, Венесуэлы и многих других государств, не подсудны национальному суду государства-жертвы. Ключевой проблемой привлечения к ответственности за преступную политику политического руководства иностранного государства является их недоступность для национального законодательства ввиду иммунитета, которым они обладают.

Формально-юридически предоставление служебного иммунитета означает, что лицо, пользующееся им, освобождается от уголовной, гражданской и административной юрисдикции государства пребывания в отношении действий, совершаемых при исполнении служебных обязанностей. Если же правонарушение совершено не при исполнении служебных обязанностей, данное лицо может быть привлечено к ответственности в стране пребывания, но только «на основании постановлений судебных властей»²⁷¹.

Если говорить о доктрине международного права в целом, то можно отметить отсутствие универсального подхода к проблеме служебного иммунитета как государств, так и его должностных лиц. Эта же проблема прослеживается и при анализе договорных и законодательных норм, а также консульской практики различных государств. В целом вопросы относительно служебного иммунитета зачастую вызывают конфликтные ситуации в консульских отношениях двух государств. Чтобы избежать такого рода конфликты, Консульский устав Российской Федерации устанавливает правило, согласно которому консульские должностные лица и члены их семей обязаны соблюдать законы и правила государства пребывания, уважать местные обычаи и воздерживаться от любых действий, которые могут рассматриваться как вмешательство во внутренние дела государства пребывания (ч. 2 ст. 15)²⁷². В данном правиле находит отражение общепризнанный принцип международного права невмешательства во внутренние дела государства и уважение государственного суверенитета. Если данный принцип нару-

²⁷⁰ Римский статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17.07.1998 на Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

²⁷¹ Плотникова О.В. Консульские отношения и консульское право. М.: Норма, 1998. С. 75.

²⁷² Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «Консульский устав Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 28. Ст. 3554.

шается кем-либо из консульских должностных лиц, то такое лицо может быть объявлено государством пребывания персоной нон грата²⁷³.

Таким образом, случаи, когда лицо, обладающее иммунитетом и совершившее преступление, находясь на территории действия иностранного уголовного закона, имеет хоть какое-то законодательное регулирование. Однако иммунитет главы иностранного государства от юрисдикции иного государства не гарантирован ни международным договором, ни каким-либо иным правовым документом. Такие случаи решаются посредством международно-правового обычая выступающего против привлечения к ответственности действующих глав государств в уголовных судах иностранного государства. Но этот обычай тоже понимается неоднозначно и применяется избирательно²⁷⁴.

Национальное законодательство России основывается на Конституции России и общепризнанных принципах и нормах международного права, что исключает возможность привлечения к ответственности политических деятелей иностранных государств, совершающих преступления против интересов России или ее гражданина, хотя формально такая возможность предусмотрена в ч. 3 ст. 12 УК РФ. Россия, как и другие государства, по фактам вмешательства во внутренние дела может только делать заявления и выражать ноту протеста. Но представляется, что при определенных условиях следовало бы допустить возможность и уголовной ответственности. Для этого нужно внести коррективы в международно-правовой обычай об иммунитете. Тогда иностранные политики могли быть привлечены к ответственности по УК России после сложения ими своих полномочий и выведения из-под иммунитета, если они окажутся на территории действия УК РФ, если срок давности не истек. Практика международного права не знает таких прецедентов. Представляется, что сам факт возбуждения уголовного дела по нормам УК России или сама возможность этого за вмешательство во внутренние дела могли бы быть серьезным сдерживающим фактором. «Смогут ли когда-нибудь Ирак, Сирия или Ливия, используя свое национальное законодательство, осудить глав других государств, виновных в уничтожении населения и разграблении их стран?». Риторический вопрос! Одна-

²⁷³ Венская конвенция о консульских сношениях (вместе с «Факультативным протоколом о приобретении гражданства», «Факультативным протоколом об обязательном разрешении споров») (заключена в г. Вене 24.04.1963) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 207-209.

²⁷⁴ Решение Европейского суда по правам человека от 04.10.2006 «По вопросу приемлемости жалобы № 76642/01 «Ассоциация «СОС Аттента» (Association SOS Attentats) и Беатрикс де Боэри (Beatrix de Voery) против Франции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

ко представляется важным наличие в национальном уголовном законодательстве механизма, позволяющего это сделать.

Еще одним распространенным инструментом вмешательства во внутренние дела государства является эксплуатация проблемы права народа на самоопределение. Это право закреплено в ряде международных документов, в частности в Уставе ООН²⁷⁵ и Пактах о правах человека 1966 года²⁷⁶, и является одним из принципов международного права. Но на практике в одних случаях на международном уровне это право ставят под сомнение (Палестина, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье), заявляя, что право на самоопределение народов вступает в противоречие с принципом нерушимости границ и территориальной целостности государства. В других случаях такое право признаётся (государства бывшей Югославии). Соответственно, в зависимости от политических интересов мировых игроков приоритетным выступает то принцип территориальной целостности (что мы наблюдаем в отношении Грузии, Молдовы и Украины), то право народов на самоопределение, как это было в бывшей Югославии.

Право народа на самоопределение ставится под сомнение в тех случаях, когда то или иное государство, отказывая в этом праве народу, компактно проживающему на части его территории, стремится сохранить государственную целостность и не допустить изменения государственной границы. Заручившись поддержкой западных стран и США, государство (например, Грузия, Украина и др.) меняет свое внутреннее законодательство, признавая такие устремления части народа экстремистскими, террористическими, поддерживающими терроризм и прочее. В некоторых научных работах реализацию принципа права на самоопределение считают допустимым исключительно в рамках государства, в которое входит территория²⁷⁷.

Как видим, вопрос самоопределения народов на практике осложняется требованием соблюдать нерушимость границ и территориальную целостность государств.

²⁷⁵ Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

²⁷⁶ Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

²⁷⁷ Мирзоев С. Национальные меньшинства и проблема сецессии / Симпозиум по урегулированию карабахского конфликта, организованного Датским Центром по правам человека. Копенгаген, 1991. Цит. по: Алексанян А.А. Реализация права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 63–67.

Расчленение существующих государств не в интересах и ООН, поскольку дробление и образование новых государств ведёт к нестабильности международных отношений. Эта мысль прослеживается и в докладе Генерального секретаря ООН «Повестка дня для мира», в котором говорится, что «если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет притязать на государственность, то не будет предела дроблению, а всеобщий мир, безопасность, экономическое благополучие станут ещё более труднодостижимой целью»²⁷⁸.

Но надо заметить, что и вопрос о праве на самоопределение возникает только в случаях, когда титульные народы допускают дискриминацию других коренных народов, находящихся в меньшинстве, компактно проживающих на территории того или иного государства. Если народам, составляющим какое-либо государство, комфортно находиться в содружестве друг с другом, и их языкам, культурам, обычаям и традициям ничто не угрожает, то, как правило, малые народы довольствуются правом на так называемое внутреннее самоопределение (самоопределение на уровне самоуправления или автономии, необходимой для сохранения самобытности в рамках федеративного государства). В тех случаях, когда совершается постоянное нарушение прав малых народов (в сталинские времена вне закона были поставлены многие народы бывшего СССР, высланные из родных земель, которым запрещалось разговаривать на родном языке), проводятся попытки их ассимиляции с титульным народом, что приводит к массовым недовольствам, выступлениям против такой политики и вооружённому противостоянию с титульной нацией, этим народам должно быть обеспечено право на самоопределение вплоть до отделения и образования собственного государства.

Стремление государства сохранить свою территориальную целостность с отрицанием принципа самоопределения является прагматическим, поскольку отделение от государства какой-либо территории наносит экономический ущерб и влечёт нарушение прав не только тех, кто хочет отделиться, но и тех, кто этого не хочет. Возведя в принцип право на самоопределение, в силу которого народы свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие, акты международного

²⁷⁸ См.: Повестка дня для мира: превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. Доклад Генерального секретаря в соответствии с заявлением, принятым 31 января 1992 года на заседании Совета Безопасности на высшем уровне // Цифровая библиотека ООН. https://digitallibrary.un.org/record/144858/files/A_47_277--S_24111-RU.pdf (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

права не предусмотрели механизма реализации этого принципа. Это приводит к тому, что на практике доминанты мировой политики в зависимости от своих собственных интересов либо отрицают этот принцип, либо противопоставляют ему принцип территориальной целостности государства и нерушимости границ²⁷⁹.

Произвольное толкование принципа права народа на самоопределение при отсутствии ясного механизма его реализации является фактором, порождающим сепаратистские движения в различных странах мира, поддерживаемые извне. Абсолютное большинство мировых конфликтов на межнациональной, межрелигиозной почве имеют в своей основе нерешённость вопроса о статусе и гарантиях пребывания малых народов в составе единого государства, в котором доминирует титульная нация. На эксплуатации проблемы ущемления прав малочисленных народов суперэтносом вскармливается различные сепаратистские движения, которые используются для дестабилизации политической обстановки в стране и последующей смены политической власти и получения доступа к национальным богатствам государства. Этот механизм использовался во всех современных конфликтах, но особенно ярко проявился в Ираке и в Ливии. Во всех случаях эти конфликты подогревались внешними силами, которым ни национальное, ни международное право оказались не способными противостоять. Подобные внешние силы правильно именуется в современной криминологии глобальной олигархической властью (ГОВ).²⁸⁰

Минимизации сепаратистских движений способствовала бы разработка надёжного, утверждённого на уровне международного права механизма реализации принципа самоопределения. Этот механизм должен включать в себя ряд условий, которые обязательно должны соблюдать и отделяющаяся, и отделяемая, и присоединяющая стороны.

Какими бы могли быть эти условия?

Во-первых, волеизъявление компактно проживающего населения, выраженное на референдуме, проведённом с соблюдением всех требований международного права. При этом нужно учитывать возможность противодействия проведению такого референдума со стороны государства (или государств), не заинтересованных в этом. Вероятны провокации, дискредитация, аресты или даже убийства лидеров-инициаторов

²⁷⁹ Дикаев С.У., Дикаева Д.М. О механизме реализации принципа права народа на самоопределение при сохранении государственного суверенитета // Юридическая мысль. 2018. № 2 (106). С.26-29.

²⁸⁰ Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12-23.

референдума. Избежать этого можно, если в механизме реализации права народа на самоопределение предусмотреть возможность подачи заявки в ООН с указанием всех подробностей предполагаемого плебисцита, в том числе с указанием численности населения, его национального, языкового, культурного состава, границ проживания, экономического, ресурсного, природного потенциала, лиц, уполномоченных организовывать референдум, и прочее. Эти лица должны получить международную защиту и поддержку, в том числе и финансовую, в проведении референдума.

Всякое отделение части территории всегда сопряжено с нарушением производственных циклов, разрывом экономических связей, поражением социальных, экономических и политических прав части населения, особенно тех, кто не согласен с результатами референдума об отделении. Несогласные жить в новом государстве должны иметь не только право выбора, где жить, но и время, и возможности, в том числе (а может и прежде всего) материальные, реализовать своё право выбора: оставаться ли им в новом государстве или изменить место жительства. Более того, само решение большинства населения об отделении ещё не означает, что государство может существовать как самостоятельный субъект международного права. Поэтому вторым непременным условием должно быть установление периода времени, достаточного для цивилизованного решения всех вопросов, которые возникают на пути обретения суверенитета. Представляется, что 20-летний период был бы оптимальным сроком с учётом того, что и детям по мере достижения ими совершеннолетия должно быть предоставлено право самим определиться с гражданством, чтобы они не стали заложниками тех решений, которые за них приняли их родители (опекуны, попечители). Этого времени достаточно и для того, чтобы новое государство апробировало свои возможности не просто существовать как субъект международного права, но и обеспечить достойный уровень жизни населения. За это время и титульная нация будет иметь возможность скорректировать свою политику относительно населения отделяемой территории и предпринять реальные шаги по созданию ему благоприятных условий автономного существования в рамках единого государства.

Следовательно, третьим условием должно быть проведение повторного референдума спустя 20 лет после первого с вынесением на голосование уже двух вопросов: о желании отделиться или о желании существовать в едином государстве с политическим статусом автономии. Если на втором референдуме население повторно проголосует за отде-

ление, тогда ООН создает комиссию (или другой орган), которая непосредственно решает вопрос отделения, создания и международного признания нового субъекта международного права.

На уровне международного права должны быть признаны абсолютно неприемлемыми любые попытки как насильственного отделения, так и насильственного удержания в составе единого государства. Любые такие попытки должны быть предметом расследования Международного уголовного суда. Такое же отношение должно быть и к случаям любого вмешательства иностранных государств в процесс становления нового суверенного государства. Даже помощь с их стороны должна быть санкционирована ООН.

Соблюдение этих условий позволит обеспечить полноту прав и свобод всех людей, проживающих на обеих территориях. Но главное, что наличие международного механизма реализации права на самоопределение народов позволит минимизировать сепаратистские движения и их использование в международных отношениях.

Другой коллизией мирового значения является реализация права на воссоединение разделённых территорий между несколькими государствами, образовавшимися в этом регионе. Эта проблема актуальна не только для русского народа. Например, по обе стороны российско-грузинской границы расположены Северная Осетия и Южная Осетия, в которых проживает один и тот же разделённый народ – осетины.

Сложно рассуждать о том, насколько комфортно жилось жителям Южной Осетии в составе Грузии до объявления последней о своём желании вступить в НАТО. Это решение является суверенным правом Грузии. Но взятый грузинскими властями курс на полную интеграцию в НАТО лишил Грузию возможности объединить территории и проживающие на них народы, поскольку это решение Грузии затрагивает интересы абхазского и осетинского народов, которые выступают против вступления Грузии в НАТО. В такой ситуации, уважая волю осетинского и абхазского народов, Россия имела право на защиту своих граждан, преимущественно населяющих Абхазию и Южную Осетию и выступающих против вступления Грузии в эту организацию. В условиях, когда общепризнанные принципы международного права перестают быть незыблемыми, возникла ситуация, когда на первый план вышло право народа на своё воссоединение.

Аналогичная ситуация сложилась и в Крыму, исторически являющимся российской территорией с преимущественно русским населением.

Пока международное право не предусмотрело такого инструмента цивилизованного решения вопроса об отделении или воссоединении, то

следует ожидать, что практика вмешательства во внутренние дела, поощряя разного рода оппозиционно настроенных группировок ведущих подрывную деятельность, склоняющих население выступать против действующей власти, стравливающих разные народы и конфессии, будут продолжаться. Но и здесь надо иметь в виду следующее.

Возможны различные законные и незаконные формы и методы выражения недовольства внутренней или внешней политикой государства. К числу законных методов относятся митинги, демонстрации, шествия и пикеты. К незаконным формам, соответственно, относятся те же формы, но нарушающие закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»²⁸¹, а также формы, которые сами по себе являются незаконными (массовые беспорядки, экстремистские действия, терроризм, блокирование коммуникации и др.). В сложноустроенных государствах, каковым является Россия, методом внешнего вмешательства в суверенитет государства является еще и внешняя поддержка сепаратизма.

Поэтому любая власть должна отслеживать эти процессы, знать о возможностях внешнего вмешательства в суверенитет и предпринимать меры по самозащите. Эта работа в России поставлена на очень высокий уровень, что видно из анализа принятых за последнее время политических решений, а также изменений и дополнений в действующее законодательство.

В частности, можно отметить следующее.

Внесение изменений в закон о некоммерческих организациях, где введено понятие некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, а также введение административной ответственности за нарушение установленного порядка регистрации, предоставления сведений (ст. 13.15, 15.27.2, 19.7.5-2, 19.34, ч. 2 ст. 20.28 КоАП РФ) позволили в большей степени взять под контроль финансирование через такие организации деструктивной деятельности иностранных государств²⁸².

На примере событий в Украине оперативно были внесены изменения и дополнения в УК России²⁸³. Так, были скорректированы нормы об

²⁸¹ Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Российская газета. 2004. 23 июня.

²⁸² Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях» // Российская газета. 1996. 24 января; Приказ Минюста России от 30.11.2012 № 223 «О порядке ведения реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Российская газета. 2012. 3 декабря.

²⁸³ Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 7 мая.

ответственности за массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ); установлена ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212.1 УК РФ); расширена и ужесточена ответственность за экстремистскую и террористическую деятельность, в том числе увеличены сроки лишения свободы в случае совокупности преступлений и совокупности приговоров (30 лет и 35 лет лишения свободы); установлена административная ответственность с возможностью назначения юридическим лицам штрафа до 60 млн рублей (ст.15.27.1 КоАП РФ) и др.

Из числа политических решений следует назвать создание войск национальной гвардии²⁸⁴, лично подчиняющихся Президенту России. В числе задач, которые войска призваны решать: участие в противодействии экстремизму и терроризму; участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции. Данное политическое решение позволяет поставить под единый контроль деятельность всех законных вооруженных формирований, в том числе и частные охранные предприятия, а также контролировать весь оборот гражданского оружия в стране.

Перечень принятых государственных мер обеспечения суверенитета России можно было бы продолжить, но и из сказанного видно, что власть очень серьезно относится к возможности подрыва устоев государства изнутри.

Однако для обеспечения внутренней стабильности в долгосрочной перспективе только лишь организационно-репрессивных мер недостаточно. Они могут дать временный эффект, поскольку не устраняют причины экстремизма и сепаратизма, а напротив, загоняют проблему вглубь. Внутренняя стабильность в любом демократическом государстве напрямую связана с комфортом жизнедеятельности народа, с его уверенностью в завтрашнем дне. При таких условиях попытки внешних сил дестабилизировать политическую власть внутри страны обречены на провал, во всяком случае, массовой поддержки у населения они не найдут. Во все времена готовым всегда восстать против власти была и остается беднота. Бедность населения – вечная проблема России, которая всегда была детерминантом бунтов, революций и другой политической преступности²⁸⁵.

²⁸⁴ Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»// Российская газета. 2016. 6 июля.

²⁸⁵ Дикаев С.У., Дикаева Д.М. Политико-правовые меры защиты государственного суверенитета от деструктивного внешнего вмешательства //Российская полиция: три века слу-

Несмотря на определенные достижения власти за последние годы по преодолению бедности, большое число граждан России остаются в крайне тяжелом материальном положении.

Так, по данным Госкомстата, в 2020 году численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляла 17,8 млн чел (12,1%); в 2019 – 18,1 млн чел. (12,3%); в 2018 – 18,4 млн чел. (12,6%); в 2017 году 18,9 млн чел. (12,9%); в 2016 – 19,8 млн чел. (13,5%) от численности населения страны²⁸⁶.

Величина прожиточного минимума в 2012 г. составила 6510 рублей в месяц; в 2013 г. – 7306 руб.; в 2014 г. – 8050 руб.; в 2015 г. – 9701 руб.; в 2016 г. – 9828 руб.; в 2020 г. – 11653 руб.; в 2022 году запланирован в размере 11950 руб. Выходит, что в России, самой большой и богатой ресурсами стране мира с относительно немногочисленным, но высокообразованным населением, почти 20 млн человек получали зарплату, равную около 140 евро в месяц!

В одном из докладов Всемирного Банка отмечалось, что основная часть беднейшего населения России приходится на долю пенсионеров, работников бюджетной сферы, государственных предприятий и семьи с детьми²⁸⁷. В эту статистику не попадают лица, чьи доходы незначительно превышают порог бедности, получающие зарплату в размере минимального размера заработной платы, который в текущем году составляет 12 792 руб. Из этой суммы вычитывается налог 13%! Индекс Кейтца (процент МРОТа от усреднённой зарплаты по стране) в России по состоянию на май 2020 года составляет около 23,9%, тогда как по рекомендациям Международной организации труда он должен составлять не менее 50%. Европейская социальная хартия, которую Россия подписала, подчеркивает, что соотношение минимальной и средней заработной платы (за вычетом налогов) не должно быть ниже 60%.

При этом ужесточаются условия эксплуатации человека и изъятия у него и так не достаточных ему денежных средств путем введения новых штрафов, налогов и сборов, повышения штрафных санкций за различные нарушения, увеличения стоимости государственных услуг и проч. Низкие зарплаты вынуждают людей искать дополнительные источники доходов и работать на полторы и даже на две ставки, что ухудшает качество жизни, подрывает здоровье и влечет за собой мно-

жения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23-25 апреля 2018 г. / Под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 44-49.

²⁸⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

²⁸⁷ За гранью физического выживания // Новые известия. 2015. 16 июня.

жество других негативных последствий. Но и это не позволяет ощутимо улучшить уровень жизни.

Исследования В. Лунеева²⁸⁸ и В. Сергачёва²⁸⁹ и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), позиционирующей себя в качестве международной экономической организации развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики, приводят цифры, показывающие степень порабощенности россиян:

Россиянин проводит на работе в среднем 1978 часов в год, что на 44% больше, чем в Германии, на 18% больше, чем в Великобритании и на 10,5% больше, чем в США. При этом минимальная почасовая заработная плата в России составляет всего 47 рублей, тогда как в Испании она – 280 руб.; в Израиле – 450 руб.; в США – 500 руб.; в Германии – 654 руб.; в Великобритании – 660 руб. Она выше в Польше, Турции, Китае, Бразилии и даже в Колумбии. Лишь в Индии и на Украине работники получают ещё меньше²⁹⁰. Поэтому совершенно не состоятельны утверждения, что труд россиянина менее эффективен труда европейцев или членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)²⁹¹.

Банковская система России также «заточена» на выкачивание денег у населения. Низкие зарплаты, которые вынуждают людей отказываться от самого необходимого, тем более не позволяют им приобретать товары длительного потребления за «живые» наличные деньги. Даже для приобретения, например, холодильника стоимостью 20 тыс. рублей приходится пользоваться услугами банка. На этой нужде населения расцвело потребительское кредитование под такие проценты, которые нельзя назвать гуманными. А банковские вклады принимаются у населения под процент ниже или равной проценту инфляции. И это притом, что Сбербанк в Праге выдаёт потребительские кредиты под 6,99%, а кредиты на строительство (ипотеку) под 2,26%²⁹².

²⁸⁸ Лунеев В.В. Теории права и криминальные реалии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1 (36). С. 27.

²⁸⁹ Сергачёв В. Работа на износ // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 5 мая.

²⁹⁰ Милуков С.Ф. Солнце криминологии чиновничьей дланью не прикроешь! // Личность преступника и её криминологическое изучение / Под ред. профессора А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 166-167.

²⁹¹ Медведев посетовал на неэффективный труд россиян // ПИК. URL: <https://gazetapik.ru/2017/08/30/medvedev-posetoval-na-neeffectivniy-trud-rossiyan/> (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

²⁹² Почему в сбербанке в Европе проценты ниже, чем в России // Конт. URL: [/https://cont.ws/@tim21/161](https://cont.ws/@tim21/161) (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

Все бы ничего, да только «навар» не остается в стране и не вкладывается в реальный сектор экономики, а вывозится из страны. Наложённые санкции в отношении России существенно ограничили возможности кредитования за рубежом. Однако при совершенно очевидной необходимости ответной меры в виде ограничения свободы перемещения капитала (вывоза капитала из страны) Россия не делает этого, чем пользуются и банковская система, и крупный бизнес.

Например, Банк России объявил о существенном увеличении оттока капитала из России в январе-апреле 2017 года. По данным регулятора, чистый вывоз капитала частным сектором за этот период составил 21 млрд долл. США, что более чем вдвое превышает показатель первых четырех месяцев предыдущего года (было 9,8 млрд долл. США)²⁹³. За девять месяцев текущего года – 59 млрд рублей.

Эти цифры говорят как о серьезной зависимости экономики и финансовой системы от глобальной олигархической власти²⁹⁴, так и о необходимости защитить население от открытых или завуалированных поборов, о накоплении в обществе криминогенно-протестного потенциала. Ближайшей задачей Правительства России должна быть корректировка внутренней политики, искоренение бедности. Если эта задача не будет решена в ближайшее время, а еще хуже обнищание населения и дальше будет продолжаться, то протестные настроения могут быть использованы внешними силами для дезорганизации политической власти в стране.

§ 4. Влияние этнической нетерпимости на распространение этнического терроризма

В последние десятилетия понятие «толерантность» стало важнейшим международным термином в мировой проблематике²⁹⁵. Параллельно с укоренением в международном лексическом обороте названного термина весьма активно стали развиваться междисциплинарные иссле-

²⁹³ Отток капитала из России в январе-апреле 2017 года вырос более чем вдвое // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5915bc8a9a79474771420a4b?from=sory> (Дата обращения: 03.04.2023 г.).

²⁹⁴ Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12-23.

²⁹⁵ См. подробнее: Дорская А.А. Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО и современные государственно-конфессиональные отношения // Медиация: становление и развитие (российский и зарубежный опыт): Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Герценовские чтения – 2011». СПб.: Айсинг, 2011. С. 21-24.

дования самых разнообразных видов и вариантов проявления нетерпимости (интолерантности), в том числе этнической.

Полагаем, что понятие «этническая интолерантность» может быть определено как свойство общности или отдельного индивида, характеризующееся нетерпимостью и неприятием (вплоть до полного отрицания) культуры, традиций, образа жизни и базовых ценностей других этносов. Однако в науке существует множество различных дефиниций данного понятия.

М.Б. Колесниченко и В.В. Серова отмечают, что под этнической толерантностью/интолерантностью понимается социально-психологическая характеристика, проявляющаяся в степени принятия/неприятия представителей других этнических групп. При этом данные исследователи выявляют тесную связь толерантности с идентичностью. Так, «идентичность личности и социальных групп в современном обществе носит множественный характер, формируются "наборы" идентичностей, в том числе этнической, что сопровождается сложностью определения границ видов идентичностей. Изменчивая социальная среда, неоднозначные ситуации могут требовать мгновенного реагирования, срочного принятия решений в процессе проявления этнической идентичности. Ослабление интернациональной идентичности, с одной стороны, усиление традиционных, этнокультурных практик, с другой, влияют на трансформацию государственно-гражданской (национальной) идентичности. В некотором смысле это можно охарактеризовать как противоречие традиционных и посттрадиционных ценностей и идентичностей»²⁹⁶.

Как неоднократно отмечалось в научной литературе, взаимная нетерпимость и непонимание негативно влияют на всех субъектов общественных отношений. Непонимание порождает настороженность, и в своих оценках индивидуумы и группы зачастую руководствуются ранее сформированными интолерантными стереотипами²⁹⁷. Под этническим стереотипом подразумевается схематизированный, весьма примитивный и, как правило, в чем-то искаженный образ определенной этнической общности, выражающий знания или представления о психологических, культурных, поведенческих и бытовых особенностях представителей конкретной этнической группы.

²⁹⁶ Колесниченко М.Б., Серова В.В. Этническая толерантность: опыт разведывательного исследования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 99.

²⁹⁷ См. подробнее: Багновская Н.М. Толерантность как объективный фактор и условие существования мультикультурных групп // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1. № 2. С. 8.

Этническая интолерантность может проявляться в пассивной и активной формах:

1. Пассивная этническая интолерантность. Она зачастую выражается в негативном восприятии каких-либо сторон жизни отдельных этнических групп. Такая интолерантность формируется на уровне обыденного сознания и может иметь проявления в коммуникативной сфере, когда представители разных этносов на основе сформировавшихся стереотипов не понимают друг друга и не доверяют друг другу, высказывают негативные суждения в отношении представителей других этнических групп либо сторонятся тех, кого считают чуждыми себе по этническому признаку. Пассивная интолерантность негативно влияет на «атмосферу» в обществе и способна серьезно дестабилизировать межэтническое общение.

2. Активная этническая интолерантность. Она наиболее опасна для общественной безопасности и проявляется в открытых враждебных действиях в отношении представителей определенных этнических групп, в отдельных случаях переходящих в вооруженное противостояние.

Однако следует понимать, что пассивная этническая интолерантность способна породить активную интолерантность, а потому она также весьма опасна и разрушительна.

По справедливому замечанию Г.А. Сагалаковой, «причины роста интереса среди ученых, политических и общественных деятелей к проблеме толерантности и интолерантности в современном мире очевидны: это и усиление экстремистских и террористических тенденций, и расширение экономических, политических, культурных связей между странами мира, и необходимость сосуществования и взаимодействия различных культур, традиций, религиозных направлений в рамках одного государства или мирового сообщества в целом, и необходимость профилактики и преодоления международных и локальных конфликтов, и многие другие проблемы»²⁹⁸.

Что касается проблематики интолерантности и экстремизма, разделяем мнение о том, что «экстремисты интолерантны по сути. Они носители экстремальной картины мира, в которой постоянно присутствует реальная угроза потери жизни или идентичности (личностной, культурной, цивилизационной и т.д. – в зависимости от того,

²⁹⁸ Сагалакова Г.А. Проблема толерантности и интолерантности в современном мире // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 1. № 2 (78). С. 230.

кто является главным действующим лицом в экстремальном явлении – человек, этнос или цивилизация)»²⁹⁹.

Интолерантность является мощной питательной средой для распространения этнического терроризма и межэтнических конфликтов.

В современных условиях абсолютно очевидно, что в регионах, охваченных этническими конфликтами, существует почва для проявления террористического насилия. Так, этнические конфликты, имевшие место в Северо-Кавказском регионе России, сопровождались активной, ожесточенной террористической деятельностью³⁰⁰. При рассмотрении любого общества, испытывающего напряженность в межэтнической, межконфессиональной, межрасовой и иных сферах, по мнению А.В. Цопановой, «особое внимание привлекает возрастание межгрупповой напряженности, укрепление уже существующих негативных стереотипов и интолерантных установок. И в этом случае терроризм может выступать в качестве средства манипуляции в разжигании конфликтов»³⁰¹.

В отечественной науке выявлено весьма важное свойство этнического фактора как такового. Так, считается, что он, «став однажды влиятельным политическим фактором, отличается большой стабильностью и воспроизводимостью, поскольку закрепляется во властно-политических позициях, запечатлевается в исторической памяти народа, передается из поколения в поколение»³⁰².

Исследователи все чаще оперируют таким понятием, как этнофанатичное сознание. Как отмечают З.У. Омарова и З.Г. Султанахмедова, «этнофанатичное сознание не способно к адекватному восприятию социальной действительности и даже не стремится к таковому. Понимание реального положения вещей ослабляет фанатичную веру, расшатывает незыблемость принципов и установок, которых придерживается фанатик. Поэтому фанатизм рекрутирует своих сторонников как из числа прекраснодушных идеалистов, так и в среде негодяев, склонных к преступлениям, что объясняется мифологичностью фанатичного сознания. На фоне этого возникают извращенные формы удо-

²⁹⁹ Цопанова А.В. Развитие толерантности как стратегическая задача концепции антитеррора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 3. С. 108.

³⁰⁰ См. подробнее: Остроухов Н.В. Теоретико-методологические, правовые и прикладные вопросы генезиса, эволюции и разрешения этнических конфликтов в современной России (опыт системного исследования). М.: Юрлитинформ, 2008. С. 204-207.

³⁰¹ Цопанова А.В. Развитие толерантности как стратегическая задача концепции антитеррора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 3. С. 106.

³⁰² Политическая конфликтология / Под ред. С.А. Ланцова. СПб.: Питер, 2008. С. 81.

влетворения потребностей в самовыражении, основанном на ложных идеалах. Другим важным элементом фанатичного сознания является иллюзия вседозволенности, проявление экстремистских настроений и действий»³⁰³.

Этническая нетерпимость может быть результатом как внешних обстоятельств, так и личностных характеристик. Для этнически интолерантных лиц, по мнению Г.У. Солдатовой, характерны следующие особенности:

- гиперидентичные установки, что «изнутри» мотивирует их стремление придать своей группе более высокий позитивный статус, поднять ее престижность;

- упор на различия между «своей» и «чужой» группой в процессе межэтнического восприятия;

- высокая эмоциональная вовлеченность в этноконтактные ситуации;

- стремление дистанцироваться «от других», особенно в сфере неформальных отношений;

- склонность в межличностных отношениях к стилю соперничества;

- радикализм сознания, который, в частности, выражается в одобрении насилия как формы социального контроля в межэтнических конфликтах;

- выбор агрессии как способа разрешения конфликтных ситуаций, соответственно, снижено стремление решить ситуацию примиряющим образом³⁰⁴.

Нельзя обойти вниманием такое явление, как этнополитическая мобилизация, которая также может рассматриваться как один из факторов развития этнического терроризма. Конфликтологами дается следующее определение этнополитической мобилизации – «это процесс, посредством которого группа, принадлежащая к одной этнической категории (или приписывающая себе принадлежность к таковой), в борьбе за политическую власть и лидерство с членами другой/других этнических групп или государством манипулирует этническими обычаями, ценностями, мифами и символами в политических целях, используя их как

³⁰³ Омарова З.У., Султанахмедова З.Г. Этнический фанатизм как деструктивная форма сознания и практики // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 3 (12). С. 43-44.

³⁰⁴ См. подробнее: Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.; Вагабова Н.М. Социально-психологическое исследование этнической толерантности в поликультурном регионе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6 (166). С. 114.

главный ресурс во имя обретения общей идентичности и политической/государственной организации группы»³⁰⁵.

Предпосылки современного этнического терроризма в целом прослеживаются в экстремистских векторах развития национально-освободительных движений. И самой основной предпосылкой возникновения этнического конфликта выступает мнимое или же существующее в действительности ущемление интересов группы лиц, относимых в большинстве случаев к одному этносу, в пределах определенной территории³⁰⁶.

Этнический терроризм не имеет универсального определения, хотя представляет собой один из наиболее распространенных в современном мире типов терроризма. Под этническим терроризмом принято понимать насильственную форму борьбы против реального или мнимого ущемления прав и интересов отдельных наций и этнических групп.

Цель этнического терроризма – изменение государственного строя и административно-территориального устройства государства или правового статуса какого-либо входящего в данное государство территориального образования. Часто этнический терроризм имеет явные сепаратистские устремления к созданию новых государств за счет расчленения уже существующих. Феномен этнического терроризма связан с деятельностью как широко известных террористических организаций (ИРА, ЭТА, «Тигры освобождения Тамил Илама»), так и менее известных («Фронт национального освобождения Корсики», «Фронт освобождения Бретани»)³⁰⁷.

В целом этнический терроризм означает использование террористических методов борьбы в достижении интересов отдельных этнических групп. Основными чертами этнического терроризма являются следующие:

- 1) идейной и политической основой этнического терроризма выступает этнонационализм;
- 2) этнический терроризм, как правило, имеет ярко выраженную сепаратистскую направленность;
- 3) заметно взаимопроникновение этнического и религиозного терроризма³⁰⁸, это можно наблюдать в различных конфликтных зонах со-

³⁰⁵ Политическая конфликтология / Под ред. С.А. Ланцова. СПб.: Питер, 2008. С. 73.

³⁰⁶ Бейда И.А. Этнический элемент терроризма: исторический аспект // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 11-1. С. 12.

³⁰⁷ Политическая конфликтология / Под ред. С.А. Ланцова. СПб.: Питер, 2008. С. 122.

³⁰⁸ См. подробнее: Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю.М. Антоныяна. М.: Аспект Пресс, 2006. 318 с.

временного мира (так, в Северной Ирландии терроризм не только вдохновляется идеями ирландского национализма, но и имеет религиозную основу);

4) основным внутренним ресурсом этнополитической мобилизации становится идея «этнической чистоты», диктующая враждебное отношение к «иным» («иные» воспринимаются в качестве врагов, необходимость борьбы с которыми становится очевидной).

Таким образом, этническая интолерантность несет в себе сильнейший деструктивный заряд, а потому должна рассматриваться как один из ключевых факторов распространения этнического терроризма в современном мире.

§ 5. Направления, методы и особенности использования терроризма и кибертерроризма против стабильности центральноазиатских обществ и меры противодействия

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется стремительным развитием научно-технического прогресса, в который включается и сфера высоких технологий. Информационные коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование и стабильность общества XXI в. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. Вместе с тем развитие научно-технического прогресса всегда сопровождается всплеском негативных общественных проявлений, таких как терроризм и кибертерроризм.

Кибертерроризм связан с электронной обработкой информации, и кибертеррористы используют Интернет как средство пропаганды, передачи информации, как новое оружие. Этот вид терроризма сегодня уже представляет реальную угрозу центральноазиатским обществам, где есть банковская, транспортная и энергетическая системы, особенно когда правительство, государственный и частный сектор экономики опираются на информационные сети и быстрый доступ к высоким технологиям. В отличие от традиционного, этот вид терроризма использует в террористических акциях новейшие достижения науки и техники в области компьютерных и информационных технологий, радиоэлектроники, геной инженерии, иммунологии. Совершать киберпреступления против стабильности центральноазиатских обществ сегодня способна любая из существующих в настоящее время террористических органи-

заций – религиозные группировки типа «Исламское государство» (ИГИЛ), Аль-Каида, Братья-мусульмане, Лашкари-И-Тайба, Движение Талибан и др.³⁰⁹

Кибертерроризмом могут быть признаны только действия индивидов, независимых групп или организаций. Любая форма кибератак, предпринимаемая правительственными и иными государственными организациями, является проявлением кибервойны³¹⁰.

Какие факторы способствуют совершению кибертерроризма против государств Центральной Азии? Во-первых, использование кибертерроризма обусловлено такими факторами ее геополитического положения, как наличие существенных природных ресурсов, прежде всего энергетических, нерешенность проблем трансграничных водотоков, высокий транзитный потенциал и возможности его использования в развитии транспортной инфраструктуры, соединяющей важнейшие регионы мира. Во-вторых, внимание к Центральной Азии обусловлено географическим положением стран региона, а именно непосредственная близость нестабильного Афганистана. В-третьих, существование в регионе угроз безопасности, таких как вооруженные конфликты, совершение международных преступлений, в том числе терроризм, религиозный экстремизм, незаконный оборот наркотиков и др., незавершенность процессов делимитации и демаркации государственных границ с соседями и др.

Многие приходят к выводу о том, что процессы развития интеграционных процессов, усиление геополитического соперничества ЕС, России, США, Китая, Турции и Ирана в регионе, а также вывод коалиционных войск из Афганистана все больше ставят под сомнение целостность региона Центральной Азии и его стабильность.

Прежде всего, оружием Запада против Центральной Азии является использование радикальных течений исламистов – ваххабизм, салафизм. Центральноазиатские исламисты оказывают друг на друга влияние, находясь в постоянной связи. Происходящее сейчас в Сирии является наглядным примером того, что может произойти в Центральной Азии.

³⁰⁹ Указанные организации признаны террористическими в соответствии с законодательством Российской Федерации. См. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (Дата обращения: 17.07.2021 г.).

³¹⁰ Gable K.A. Cyber-Apocalypse Now: Securing the Internet against Cyberterrorism and Using Universal Jurisdiction as a Deterrent // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. 2010. Vol. 43, No. 1. P. 57-118.

По мнению экспертов, сценарий будущего таков: после вывода американских войск из Афганистана и прихода талибов к власти, международные террористические организации (МТО) переместятся на территории государств Центральной Азии. Поначалу МТО станут распространять свою идеологию на население Центральной Азии. После того как огромная часть жителей окажется под их влиянием, радикалы начнут диктовать условия остальной части населения и властям. Затем может вспыхнуть восстание, и регионами станут править ваххабиты, превратив их в сплошной джамаат. Подобное уже происходило. Поселившиеся в городе Андижане боевики-ваххабиты устроили в 2005 году беспорядки, попытались захватить власть. Переворот, правда, удалось подавить.

Одно из направлений терроризма и его разновидности – кибертерроризма – является использование высоких технологий для достижения религиозно-экстремистских целей. Исследуя ситуацию с кибертерроризмом в мировом информационном пространстве, можно прийти к выводу, что проявления этого современного культурно-психологического феномена время от времени встречаются в самых разных информационных ресурсах, как печатных, так и электронных. В то же время, если взять наиболее полный и наиболее информативный свод источников – всемирную паутину – отметим, что ресурсов, всю тематику которых можно определить как кибертеррористическую, – очень много. На сегодняшний день в этих целях активно используются такие социальные сети и Интернет-ресурсы, как Facebook³¹¹, Tumblr, Twitter³¹². По словам Асомуддина Атоева, главы Ассоциации Интернет-провайдеров Таджикистана, у кибертеррористов на этих социальных сетях более 30 тыс. аккаунтов, более 13-миллионная аудитория, а видео таджикских боевиков, которые воюют в Сирии, в YouTube набрало до 70 тыс. просмотров.³¹³

Следует отметить, что 84% молодежи, оказавшейся в признанном террористической организацией ИГИЛ, были привлечены в его ряды посредством сети Интернет. Выступая 7 июня 2017 г. на заседании нижней палаты парламента председатель комитета Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли РТ по правопорядку, обороне и безопасности Джурахон Маджидзода отметил: «Сейчас в Таджикистане имеется почти 3 миллиона пользователей Интернета, более 80% из этого числа с

³¹¹ Социальная сеть Facebook признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации.

³¹² Социальная сеть Twitter заблокирована на территории Российской Федерации.

³¹³ У вербовщиков – миллионные аудитории // Asia-Plus. № 36(1019) от 11 мая 2015 г.

помощью социальных сетей целенаправленно или случайно имеют доступ к материалам террористического характера. Согласно данным Общественного фонда гражданской инициативы и политики Интернет в Таджикистане, пропагандистские службы экстремистско-террористической организации так называемого ИГИЛ ежедневно в адрес граждан Таджикистана и других стран Центральной Азии направляют более 90 тыс. SMS-сообщений с призывом присоединиться к этой организации»³¹⁴. По данным правоохранительных органов РТ большинство из более чем 1000 граждан РТ, которые присоединились к признанному террористической организацией ИГИЛ, были завербованы пропагандистами салафизма через Интернет и попали на территории Сирии, Ирака и Афганистана.

Другим направлением кибертерроризма является использование информационных технологий для организации и приведения в исполнение атак против телекоммуникационных сетей, информационных систем и коммуникационной инфраструктуры. Примерами могут служить взлом информационных систем, внесение вирусов в уязвимые сети, дефейс веб-сайтов, DoS-атаки, террористические угрозы, доставленные электронными средствами связи.

В киберпространстве могут быть использованы различные способы для совершения кибертерракта:

- получение несанкционированного доступа к государственным и военным секретам, банковской и личной информации;
- нанесение ущерба отдельным физическим элементам информационного пространства, например, разрушение сетей электропитания, создание помех, использование специальных программ для разрушения аппаратных средств;
- кража или уничтожение информации, программ и технических ресурсов путем преодоления систем защиты, внедрения вирусов, программных закладок;
- воздействие на программное обеспечение и информацию;
- раскрытие и угроза публикации закрытой информации;
- захват каналов СМИ с целью распространения дезинформации, слухов, демонстрации мощи террористической организации и объявления своих требований;
- уничтожение или активное подавление линий связи, неправильная адресация, перегрузка узлов коммуникации;

³¹⁴ Ибодуллоев харфҳоивакилно “муболиғаомез” номид (Ибодуллоев назвал слова депутата «преувеличенными»). URL: <https://www.ozodi.org/a/is-sms-tajik-citizens/28533165.html> (Дата обращения 17.07.2021 г.).

– проведение информационно-психологических операций и т.д.³¹⁵

Эти способы постоянно совершенствуются в зависимости от средств защиты, применяемых разработчиками компьютерных сетей.

Проведенный анализ явления кибертерроризма показывает, что к его особенностям относятся:

1) он является информационным оружием, так как использует компьютерные системы и сети, специальное программное обеспечение и информационные технологии;

2) он носит международный характер, поскольку преступники находятся в одном государстве, а их жертвы за рубежом;

3) он отличается многообразием целей;

4) он характеризуется высоким уровнем латентности и низким уровнем раскрываемости;

5) он требует сравнительно небольших финансовых затрат и наносит огромный материальный ущерб³¹⁶.

Горький опыт гражданских войн в Афганистане, Сирии и Таджикистане подтвердил правильность следующего вывода: активизация политического ислама может привести к коррозии национальной государственности, а активизация религиозного экстремизма нарушает стабильность в обществе и государстве, приводит к ущемлению прав и свобод граждан. Используя свободу слова и права на образование, неискушенные родители бесконтрольно и неофициально отправляли тысячи своих детей за рубеж в частные сомнительные религиозные учебные заведения. Затем сторонники экстремистских течений переправляли их в лагеря по подготовке террористов, а оттуда в горячие точки – Афганистан, Ирак, Сирия, Йемен... «Именно поэтому, – справедливо заметил Президент РТ Эмомали Рахмон, – наряду с защитой национальных и государственных интересов мы осознаём свою ответственность за чистоту духовной самобытности религиозных ценностей и недопущение любых форм религиозного экстремизма»³¹⁷.

Специфическую кибертеррористическую нагрузку несут сайты, созданные против мусульман. Предметом жесткой критики в них слу-

³¹⁵ Collin B. The Future of Cyberterrorism // Crime & Justice International Journal. 1997. Vol. 13. Issue 2. P. 15-18.

³¹⁶ Иванов С., Томило О. Кибертерроризм: угроза национальной и международной безопасности. URL: <http://www.arms-expo.ru/news/archive/kiberterrorizm-ugroza-nacional-noy-i-mezhdunarodnoy-bezopasnosti14-03-2013-18-35-00/> (Дата обращения 14.07.2021 г.).

³¹⁷ Выступление Президента Республики Таджикистан Э. Рахмон на Международном симпозиуме «Великий Имам и современный мир» 5 октября 2009 года // НИАТ «Ховар». URL: www.khovar.tj (Дата обращения 17.07.2021 г.).

жит связь ислама с терроризмом, а также арабо-мусульманские действия на Ближнем и Среднем Востоке.

Институт предотвращения онлайн-ненависти – австралийская организация, занимающаяся проблемой растущей Интернет-ненависти, выпустила доклад, посвященный онлайн-ненависти по отношению к мусульманской общине. Авторы доклада «Исламофобия в Интернете: рост онлайн-ненависти по отношению к мусульманам»³¹⁸ просмотрели и проанализировали страницы Facebook³¹⁹ и изучили антимусульманские комментарии.

Наличие таких страниц в Facebook, особенно тех, чьей единственной целью является содействие языку вражды по отношению к религиозной группе, весьма серьезная проблема. Богословская дискуссия и критика религии должны быть защищены в соответствии со свободой выражения, однако поношение группы людей на основе их религиозных убеждений или практик является одним из серьезных оскорблений человеческого достоинства.

Подобный доклад, составленный в странах Европейского Союза, был направлен на привлечение внимания к проблеме языка вражды в социальной сети в такой степени, что подобные публикации становятся рычагом в разжигании ненависти в отношении мусульман, которая в настоящее время циркулирует в обществе. Авторы доклада надеются, что эти данные помогут общественным лидерам, политикам, законодателям и исследователям лучше понять и реагировать на эту угрозу интегрированного общества³²⁰.

Широкий доступ к онлайн-разжиганию ненависти в отношении конкретных групп имеет отрицательное влияние на общество в целом, не говоря уже о многих физических и эмоциональных последствиях. В демократии вовлеченность рассматривается как общественное благо, как таковой подобный язык вражды является нападением не только на мусульманскую общину, но и на общество в целом.

С помощью этих сайтов происходит мобилизация врагов ислама на гибридную войну. Такая война ведется Западом на идеологическом, на ментальном поле боя. Целью этой войны является борьба с традиционными ценностями мусульманских народов, навязывание западных ценностей.

³¹⁸ Ненависть в сети // IslamToday. URL: <https://islam-today.ru/obsestvo/nenavist-v-seti/> (Дата обращения 14.07.2021 г.).

³¹⁹ Социальная сеть Facebook признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации.

³²⁰ Summary Report on Islamophobia in the EU after 11 September 2001 // European Union Agency for Fundamental Right. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/199-Synthesis-report_en.pdf (Дата обращения 14.07.2021 г.).

Аман Мамбетсеидов, заместитель председателя ГКНБ Кыргызской Республики, выступая в парламентском комитете по обороне и безопасности, сказал: «Наши молодые граждане, которых завлекли вербовщики экстремистов под предлогом получения иностранного образования, вступают в ряды оппозиционных групп в Сирии. В последние годы молодежь оказалась под влиянием Интернет-ресурсов и сайтов в социальных сетях, на которых джихадисты ведут упорную пропаганду»³²¹.

Кибертерроризм как форма международного терроризма вышел на уровень медийного информационного пространства. Пресса ищет и изобличает «преступную сущность» исламского экстремизма и терроризма, формируя имидж мусульманина в СМИ с помощью группы политехнологов. К этим группам относятся: а) работники СМИ; б) экспертное сообщество; в) исламские религиозные деятели, которые дают многочисленные интервью, комментируют события и т.п.

Структурно формирование этого имиджа состоит из следующих компонентов: 1) мусульмане как некий объект, имидж (образ или облик) которого формируется; 2) потребители этой информации или адресаты этого информационного воздействия; 3) информационные технологи (те, кто этот имидж формирует), т.е. профессиональные имиджмейкеры, исполняющие определённый социальный заказ по ретрансляции фобийных установок.

Следует отметить, что кибертерроризм как медийный продукт превратился в очень опасное оружие. В виртуальном мире обширное использование социальных медиа стало легкой и безнаказанной платформой для распространения пропаганды ненависти. Такое деструктивное явление, как кибертерроризм, необходимо преодолеть. Это означает, что представители как христианской, так и мусульманской цивилизации должны сделать шаг на встречу к примирению на всех уровнях, в том числе и в Интернет-пространстве.

В Интернете необходимо развивать проекты, связанные с профилактикой тенденции нарастающей радикализации молодежи, снизить накал религиозного радикализма. Решение расовой и религиозной дискриминации требует и изменение законов. Требуются совместные усилия, чтобы бросить вызов негативному поведению и изменить культуру отношений между мусульманами и последователями других религий³²².

³²¹ Кыргызстан намерен остановить вербовку на войну в Сирию //Asia-plus. № 37(920). 15 мая 2014 г.

³²² Кочубей М.А., Мареев П.Л., Смирнов А.А., Сутормина Е.В. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. СПб.: Русь, 2018. С. 5-6.

Как справедливо писал Тарик Рамадан, «если Европа хочет выиграть пари культурного и религиозного плюрализма в своих обществах, ей нужно срочно оставить логику невмешательства и развивать диалог, переговоры и доверие, которые настоятельно необходимы между государством и его гражданами, как средство против вмешательства иностранных государств во внутренние дела. Это поступок правового демократического государства, которое уважает закон и своих граждан в равной мере»³²³.

От себя добавим, что Интернет должен стать площадкой для межнационального и межрелигиозного диалога между цивилизациями, а не конфликта, толерантности, а не враждебного отношения к исламу и мусульманам, сосуществованию культур, а не столкновений цивилизаций, плюрализма мнений, а не религиозного фанатизма. Интернет-ресурсы должны способствовать получению знаний о религии и культуре друг друга, так как только знание способно ломать любые границы и стереотипы.

Таким образом, кибертерроризм как политический фактор используется в сети Интернет определенными западными и антимусульманскими кругами в качестве практического инструментария для получения политических и материальных дивидендов. Как психологическое оружие, умело разработанное и расчётливо внедрённое в общество, кибертерроризм используется во внутри- и внешнеполитической борьбе западных стран для достижения политических, экономических, идеологических и других целей на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Проведенный анализ состояния борьбы с терроризмом и кибертерроризмом дает нам основание выдвинуть следующие предложения по повышению ее эффективности:

1. Угроза терроризма и кибертерроризма вынуждает различные государства сотрудничать в борьбе с ним. Этим занимаются международные органы и организации: ООН, Совет Европы, Международная организация экспертов, ОЭСР, Интерпол. Все эти организации вместе с различными многосторонними неформальными партнерствами играют важную роль в координации международных усилий, построении международного сотрудничества в борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий. С этой целью необходимо создать международную конвенцию по борьбе с терроризмом и кибертерроризмом.

³²³ Ramadan T. Le musulmans de l'Europe prises en tenaille // Le Monde diplomatique. Juin, 2000. URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2000/06/RAMADAN/2368> (Дата обращения 14.07.2021 г.).

2. В рамках международных и региональных организаций необходимо создать контркибернетические подразделения и провести совместные учения и тренинги по борьбе с кибертеррористами.

3. Необходимо создать национальные подразделения по борьбе с киберпреступностью и международный контактный пункт по оказанию помощи для реагирования на транснациональные компьютерные инциденты.

4. Есть необходимость в проведении международных конференций по кибербезопасности при участии приглашенных ИТ-экспертов с целью выработки коллективных мер, направленных на борьбу с террористическими ИТ-угрозами.

5. Было бы хорошо маркировать веб-сайты экстремистско-террористического характера и опубликовать их на сайте Антитеррористического центра государств-участников СНГ³²⁴.

6. К нарушителям норм законодательства о пользовании Интернетом применить уголовные, административные и судебные меры.

§ 6. Информационный терроризм: эффективны ли конвенции по борьбе с киберпреступностью?

Понятие информационного терроризма в отношении системы международных отношений может быть определено в результате анализа такого понятия, как международный терроризм.

В рамках настоящей работы представляется целесообразным воспользоваться определением международного терроризма, которое дается в международных документах.

Наиболее удачным представляется определение, данное в Модельном законе «О противодействии терроризму», принятом Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ 3 декабря 2009 года³²⁵. Модельный закон последовательно раскрывает понятие терроризма и акта терроризма. Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организаци-

³²⁴ Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/> (Дата обращения 14.07.2021 г.).

³²⁵ Модельный закон «О противодействии терроризму» (принят на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 33-18 от 3 декабря 2009 года)) // Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9129/249> (Дата обращения: 04.02.2023 г.).

ями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Акт терроризма – совершение действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях устрашения населения и (или) принуждения органов власти, международных организаций или отдельных должностных лиц к выполнению требований террористов.

В определение терроризма как такового включены и акты международного терроризма – практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, осуществляющими суверенные функции государственной власти другого государства, или международными организациями, связанная с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Модельный закон также определяет международную террористическую деятельность с учетом содержания террористической деятельности. Террористическая деятельность – совершение любых из ниже следующих деяний:

- организация, планирование, подготовка и совершение акта терроризма;
- пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования и Интернета;
- организация незаконного военизированного формирования, преступной организации или группы в целях совершения акта терроризма, а равно участие в таких структурах;
- вербовка, вооружение, обучение или использование террористов;
- пособничество в организации, планировании, подготовке и совершении акта терроризма;
- подстрекательство к акту терроризма;
- финансирование террористической деятельности;
- любые формы содействия организациям, деятельность которых признана террористической в соответствии с законодательством государства.

Международная террористическая деятельность – террористическая деятельность, осуществляемая:

- террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб интересам более чем одного государства;

- гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;
- за пределами территории государств, гражданами которых являются террорист и его жертва.

Информационный терроризм можно определить как применение информационного оружия, имеющее целью подрыв конституционного строя иных государств либо международного правопорядка и международных отношений в целом.

Учитывая общее понятие террористической деятельности, информационный терроризм включает такие деяния, как:

- организацию, планирование, подготовку и совершение акта терроризма в информационных системах;
- пропаганду идей терроризма, распространение информации, призывающей к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающей или оправдывающей необходимость осуществления такой деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования и Интернета;
- вербовку, обучение террористов с использованием информационных систем;
- пособничество в организации, планировании, подготовке и совершении акта терроризма в информационных системах;
- подстрекательство к акту терроризма с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования и Интернета.

В настоящее время все большее распространение в доктрине получает понятие кибертерроризма. Кибертерроризм следует рассматривать как современную форму информационного терроризма, при которой террористические акты совершаются с использованием компьютерных сетей. Д.Е. Деннинг пишет: «В 1980-х годах Барри Коллин, старший научный сотрудник Института безопасности и разведки в Калифорнии, ввел термин "кибертерроризм" для обозначения конвергенции киберпространства и терроризма. Марк Поллитт, специальный агент ФБР, предлагает рабочее определение: "Кибертерроризм – это преднамеренная, политически мотивированная атака на информацию, компьютерные системы, компьютерные программы и данные, которая приводит к насилию со стороны субнациональных групп или тайных агентов". Политически мотивированные атаки, которые наносят серьезный ущерб, такие как серьезные экономические трудности или длительная потеря электроэнергии или воды, также могут быть охарактеризованы как кибертерроризм»³²⁶.

³²⁶ Denning D.E. Activism, Hacktivism, and Cyberterrorism: The Internet as a Tool for Influencing Foreign Policy // Nautilus Institute. URL: <https://nautilus.org/global-problem->

Как следствие, выделены следующие компоненты кибертеррористических действий: 1) атаки на информацию, компьютерные системы, компьютерные программы и данные; 2) атаки на компьютерные системы жизнеобеспечения населения.

С. Гордон и Р. Форд проводят обзор определений кибертерроризма: «Большинство определений сходятся в том, что для того, чтобы акт квалифицировался как кибертерроризм, он должен быть спровоцирован из ИТ-системы через киберпространство, причем прямой целью является другая ИТ-система. С тех пор как термин был впервые введен Барри Коллином, многие эксперты, профессионалы и политики заявили, что угроза кибертерроризма может быть такой же катастрофической, как и события в реальном мире, и паникерские определения, такие как электронный Перл-Харбор, цифровой Армагеддон и электронный Чернобыль, использовались для разжигания страхов перед кибертерроризмом и поддержания высокого уровня общественной тревоги»³²⁷. Следует поддержать этих авторов в их стремлении дать чёткое, очищенное от эмоций и политических влияний определение кибертерроризма.

Таким образом, кибертерроризм включает как непосредственно террористическую деятельность с использованием компьютеров, сетей, информации в сетях, так и различные вспомогательные операции: координацию, подготовку и организацию террористической деятельности с использованием сетей и информации в сетях, распространение знаний о терроризме и навыков террористов.

Отдельные примеры кибертерроризма известны со второй половины XX в. В 1985 г. в Японии леворадикальная группировка с помощью компьютерных систем предприняла атаку на единую сеть управления железной дорогой. К счастью, у компьютеров железной дороги оказалась надежная защита, взломать которую не удалось.

Существует мнение, что потенциальная опасность кибертерроризма сильно преувеличена. А. Астахов проводит обзор основных мифов, связанных с кибертерроризмом, и приходит к выводу о том, что крайне редко кибертерроризм может нарушить системы жизнеобеспечения и привести к гибели людей. Для этого кибертеррористы должны не только получить доступ к определенным системам, но и обладать специальными техническими навыками и знаниями³²⁸. Иной точки зрения придержи-

solving/activism-hacktivism-and-cyberterrorism-the-internet-as-a-tool-for-influencing-foreign-policy-2/ (Дата обращения: 04.02.2023 г.).

³²⁷ Gordon S., Ford R. Cyberterrorism? // *Computers & Security*. 2002. Vol. 21(7). P. 636-647.

³²⁸ Астахов А. Реалии и мифы кибертерроризма // *OSP – Гид по технологиям цифровой трансформации*. URL: <https://www.osp.ru/os/2003/05/183045> (Дата обращения: 04.02.2023 г.).

живается М.Е. Бауман: он сравнивает электронный эквивалент терроризма с монгольским нашествием, произошедшим семь столетий назад. Как и кибертеррористы, монголы прерывали коммуникации, атаковали в избранное ими место и время, а также посылали грозные предупреждения³²⁹.

Поскольку ранее были приведены примеры кибертерроризма, подтверждающие его существование как социального явления, необходимость борьбы с кибертерроризмом является одной из задач международного права.

Кибертерроризм следует рассматривать в качестве составной части компьютерной преступности.

В рамках настоящей работы компьютерная преступность понимается широко – как любое преступление, совершенное посредством использования компьютерных сетей, компьютерных программ, отдельных компьютеров.

В доктрине международного права предлагается классификация преступлений на международные преступления и преступления международного характера³³⁰. Если международные преступления влекут угрозу международному миру и безопасности, то преступления международного характера – это те общеуголовные преступления, в борьбе с которыми государства сотрудничают.

С использованием компьютеров могут совершаться международные преступления. Глобальные компьютерные сети позволяют вести пропаганду войны, геноцида, апартеида и расовой дискриминации. Более того, использование компьютеров для технологий военного назначения может привести к тому, что электронные коммуникации станут средством агрессии. К международным преступлениям следует отнести и кибертерроризм.

На сегодняшний день феномен кибертерроризма привлекает внимание ИТ-специалистов, политологов, социологов, правоведов, имеется свыше 1000 публикаций по различным аспектам борьбы с кибертерроризмом³³¹.

Что касается преступлений международного характера, то меры борьбы с ними предусматриваются в международных договорах.

Следует отметить, что существующие международные договоры по вопросам компьютерной преступности (Конвенция о преступности в

³²⁹ Bowman M.E. Is International Law Ready for the Information Age? // Fordham Law Journal. 1996. Vol. 19. Iss. 5. P. 1936.

³³⁰ Блищенко И.П., Каламкарян Р.А., Карпец И.И. и др. Международное уголовное право. М.: Наука, 1995. С. 112.

³³¹ Данные взяты с сайта ResearchGate. URL: <https://www.researchgate.net/topic/Cyber-Terrorism/publications> (Дата обращения: 04.02.2023 г.).

сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г., Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г.³³², Конвенция Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных от 27 июня 2014 г.³³³) подходят к компьютерным преступлениям в основном как к преступлениям международного характера. Они определяют составы преступлений, которые должны быть уголовно наказуемыми по национальному праву, а также международные меры сотрудничества в борьбе с такими преступлениями.

В рамках настоящего исследования предлагается ответить на вопрос: эффективны ли существующие конвенции по борьбе с киберпреступностью в борьбе с отдельными проявлениями кибертерроризма?

На сегодняшний день уровень развития новых технологий таков, что террористы осуществляют посягательства и используют не отдельные компьютеры, а информационные системы. Категория информационных систем известна отдельным региональным конвенциям по борьбе с киберпреступностью.

Так, например, Конвенция 2001 г. определяет компьютерную систему как любое устройство или группу взаимосвязанных или смежных устройств, одно или более из которых, действуя в соответствии с программой, осуществляет автоматизированную обработку данных. Сходным образом Африканская конвенция 2014 г. определяет, что компьютерная система означает, электронные, магнитные, оптические, электрохимические или другие устройства высокоскоростной передачи данных или их обработки либо группу взаимосвязанных устройств, выполняющих логические, арифметические функции, а также функции хранения данных, которая включает любые хранилища данных и средства коммуникации, с вышеуказанными устройствами связанные.

Соглашение СНГ никак не определяет компьютерную систему, что обуславливает неопределенность в объекте посягательства.

И Конвенция 2001 г., и Соглашение СНГ, и Африканская конвенция 2014 г. определяют компьютерную информацию. При этом Соглашение дает более краткое понятие: это информация, находящаяся в памяти компьютера, на машинных или иных носителях, в форме,

³³² Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 1(37). С. 138-145.

³³³ Текст см. на официальном сайте Африканского союза. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/29560-treaty-0048_-_african_union_convention_on_cyber_security_and_personal_data_protection_e.pdf (Дата обращения: 04.02.2023 г.).

доступной для восприятия, или передающаяся по каналам связи. Данное определение представляется неполным. Африканская конвенция 2014 г. также определяет компьютеризированные данные достаточно лаконично. Они означают любое представление фактов, информации или концепций в форме, пригодной для обработки в компьютерной системе.

В Конвенции 2001 г. дано более широкое понятие: компьютерная информация включает любую информацию в форме, подходящей для обработки компьютером, в том числе программы, способные заставить компьютерную систему выполнять ту или иную функцию. Как следствие, Соглашение СНГ не учитывает те программы, которые недоступны для человеческого восприятия, но заставляют компьютерную систему работать. Вмешательство в такие программы общественно опасно. В данном случае следует считать оправданным широкий подход, предлагаемый Конвенцией 2001 г.

Что касается унифицированных составов компьютерных преступлений, то они различны в Конвенции 2001 г. и Соглашении СНГ. Часть преступлений совпадают по их наименованию, но не по существу. Так, например, Конвенция 2001 г. и Соглашение СНГ предусматривают в качестве преступного деяния неправомерный доступ к информации. Однако Соглашение СНГ крайне лаконично. Оно рассматривает в качестве уголовно наказуемого деяния осуществление неправомерного доступа к охраняемой законом информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию или копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Конвенция 2001 г. указывает на то, что сам по себе доступ к компьютерной системе в целом или к ее части без права на это образует преступление, не указывая на дополнительные квалифицирующие признаки. Таким образом, Конвенция 2001 г. преследует всякий незаконный доступ к компьютерной системе, а Соглашение СНГ – только тот, который повлек определенные последствия.

В Конвенцию 2001 г. включен ряд составов преступлений, которые не предусмотрены Соглашением СНГ. Это противозаконный перехват данных, нарушение целостности данных, противозаконное использование устройств, подлог с использованием компьютеров, мошенничество с использованием компьютеров, правонарушения, связанные с детской порнографией. Характерным для Конвенции 2001 г. является то, что она учитывает некоторые общеуголовные преступления (подлог, мошенничество), которые становятся значительно более опасными в силу того, что совершаются с помощью компьютеров.

Если обратиться к тексту Соглашения СНГ, то в борьбе с кибертерроризмом могут быть использованы только отдельные его положения, Во-первых, это установление двух составов компьютерных преступлений:

1) осуществление неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети;

2) создание, использование или распространение вредоносных программ. Эти преступления могут совершаться в процессе международной террористической деятельности.

Во-вторых, отдельные установленные Соглашением СНГ формы межгосударственного сотрудничества могут быть использованы в непосредственной борьбе с кибертерроризмом, а именно:

1) обмен информацией, в том числе: о готовящихся или совершенных преступлениях в сфере компьютерной информации и причастных к ним физических и юридических лицах; о формах и методах предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений в данной сфере; о способах совершения преступлений в сфере компьютерной информации;

2) исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также процессуальных действий в соответствии с международными договорами о правовой помощи;

3) планирование и проведение скоординированных мероприятий и операций по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации;

4) создание информационных систем, обеспечивающих выполнение задач по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации.

Конвенция 2001 г. также ввела составы преступлений, позволяющие бороться с кибертерроризмом. Во-первых, это составы, указанные в подразделе 1 раздела 1 главы 2 Конвенции 2001 г., – преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, в том числе: противозаконный доступ к данным, неправомерный перехват данных, воздействие на данные, воздействие на функционирование системы, противозаконное использование устройств. Особо актуальным является уголовное преследование при воздействии на функционирование системы. Каждая Сторона принимает законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления согласно ее внутриго-

сударственному праву умышленное создание неправомерно серьезных помех функционированию компьютерной системы путем ввода, передачи, повреждения, удаления, ухудшения качества, изменения или блокирования компьютерных данных.

Не менее значима борьба с противозаконным использованием устройств. Каждая Сторона принимает законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления согласно ее внутригосударственному праву производство, продажу, приобретение для использования, импорт, оптовую продажу или иные формы предоставления в пользование:

1) устройств, включая компьютерные программы, разработанных или адаптированных прежде всего для целей совершения какого-либо из правонарушений, предусмотренных Конвенцией;

2) компьютерных паролей, кодов доступа или иных аналогичных данных, с помощью которых может быть получен доступ к компьютерной системе в целом или любой ее части, с намерением использовать их в целях совершения какого-либо из правонарушений, предусмотренных Конвенцией.

Конвенция 2001 г. посредством гармонизации составов общеуголовных преступлений косвенно способствует борьбе с кибертерроризмом. Однако для борьбы с кибертерроризмом должен использоваться механизм унификации международно-правовых норм, содержащих различные составы кибертерроризма.

Конвенция 2001 г. также предусмотрела гармонизированные процессуальные нормы, которые детально рассмотрены в правовой доктрине.³³⁴

Следует отметить, что предлагаемые процессуальные нормы не обеспечивают унификации процедуры раскрытия, расследования и судебного преследования компьютерных преступлений и иных преступлений, по которым сбор доказательств осуществляется в электронной форме. Конвенция, по существу, урегулировала только содержание отдельных розыскных, следственных и судебных действий, оставив на усмотрение государств целый ряд вопросов. Во-первых, это вопрос о том, какие органы компетентны отдавать распоряжения о сохранности данных, о предъявлении данных и т.п. Во-вторых, при описании процессуальных мер используется ряд оценочных понятий. Например, государства-участники должны принять такие законодательные и иные меры, какие будут необходимы, чтобы обязать определенное лицо хранить

³³⁴Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М.: Юрлитинформ, 2002. С. 253-261.

компьютерные данные и обеспечивать их сохранность в течение адекватного периода времени.

Кроме того, Конвенция 2001 г. содержит положения о незамедлительном обеспечении сохранности хранимых компьютерных данных, а также данных о потоках информации. При этом незамедлительность должна обеспечиваться путем установления конкретного процессуального срока для издания распоряжения компетентного органа.

Конвенция 2001 г. также предписывает поставщикам услуг в ряде случаев сотрудничать с компетентными органами, назначенными государствами-участниками. Поставщики услуг обязаны сотрудничать с компетентными органами и помогать им в сборе или записи в реальном масштабе времени данных о потоках информации или содержании сообщений. При этом не предусмотрены условия, на которых поставщики привлекаются для выполнения процессуальных действий. В частности, не установлена возможность обжалования соответствующих предписаний об оказании содействия.

Конвенция 2001 г. адаптировала ряд традиционных мер правовой помощи к специфике компьютерных технологий. Так, например, она предусмотрела обыск в компьютерных сетях, осуществляемый в одном государстве по просьбе другого государства, сбор в реальном масштабе времени данных о потоках информации, сбор или запись в реальном масштабе времени данных о содержании сообщений. Два последних действия Конвенция не регулирует в отношении процедуры их совершения, ссылаясь на внутреннее законодательство и специальные соглашения между государствами. Все эти меры объединяет то, что они производятся по просьбе одного государства на территории другого государства. Таким образом, применяется общий механизм правовой помощи, но ее содержание отличается спецификой.

Вместе с тем указанная Конвенция предусмотрела специальную предварительную меру, которая позволяет зафиксировать следы компьютерного преступления. Это незамедлительное обеспечение сохранности хранимых компьютерных данных. Если одно государство в дальнейшем намерено обратиться с просьбой к другому государству об обыске, о досмотре, выемке или раскрытии данных, оно предварительно может обратиться с просьбой о том, чтобы такие данные были сохранены. При этом может быть применено общее правило о направлении запроса путем электронной почты.

Следует отметить, что Конвенция 2001 г. предусматривает функционирование сети ежедневного круглосуточного доступа, т.е. каждое государство назначает контактную точку, работающую 24 часа в сутки 7

дней в неделю. В ее задачи входит и обеспечение сохранности данных. По существу, такая процедура может занять несколько минут.

Конвенция 2001 г. предусматривает обязательство государства, к которому поступил запрос о сохранении данных, в случае обнаружения того факта, что в передачу данных вовлечен поставщик услуг в запрашивающем государстве, немедленно поставить в известность запрашивающее государство. В данном случае на основании полученной информации запрашивающее государство может само принять меры в отношении поставщика услуг на своей территории и, возможно, самостоятельно получить требуемую информацию.

Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. не содержит положений об оперативных мерах, содержащихся в Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. В нем содержится только общая формулировка об оказании правовой помощи при проведении оперативно-розыскных мероприятий среди форм сотрудничества.

Таким образом, Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. предусмотрела новую оперативно-розыскную меру, при осуществлении которой государства сотрудничают, – обеспечение сохранности компьютерных данных.

В Конвенции 2001 г. содержатся определенные случаи, когда органы одного государства могут действовать на территории другого государства. Вернее, речь идет не о территории как таковой, а о виртуальном пространстве под юрисдикцией другого государства. Подобных положений нет в Соглашении о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г.

Согласно Конвенции 2001 г., одно государство может, не прибегая к разрешению другого государства, получить доступ к общедоступным компьютерным данным независимо от их географического места нахождения. В первую очередь речь идет о данных, содержащихся в Интернете. Если какой-либо сайт не снабжен кодами доступа и информация на нем может быть доступна каждому, ею могут воспользоваться оперативно-розыскные, следственные и судебные органы. По существу, Конвенция закрепила общую практику доступа к информации в открытых компьютерных сетях. Можно говорить о существующем международном обычае, в соответствии с которым государства не ставят специ-

альных ограничений на распространение общедоступной информации в компьютерных сетях.

Кроме того, можно получить доступ через компьютерную систему, находящуюся на территории одного государства, к хранимым компьютерным данным, находящимся на территории другого государства, если лицо, осуществляющее хранение данных, добровольно согласно на их раскрытие. В данном случае необходимо непосредственное обращение государственного органа одного государства к провайдеру, находящемуся в другом государстве.

Таким образом, развитие института правовой помощи по уголовным делам, происходящее под влиянием борьбы с компьютерными преступлениями, идет по пути не только внедрения технологий электронных коммуникаций при осуществлении традиционных видов правовой помощи, не только конкретизации мер правовой помощи применительно к особенностям технологий электронных коммуникаций, но и по пути радикального изменения содержания этого института.

В целом Конвенция 2001 г. предусмотрела эффективные процессуальные меры борьбы с компьютерными преступлениями, которые в значительной степени могут использоваться в борьбе с кибертерроризмом.

Африканская конвенция 2014 г. содержит положения, в большей степени способствующие борьбе с кибертерроризмом. Во-первых, она ввела понятие критических информационных структур и меры их защиты. Критическая кибернетическая инфраструктура означает кибернетическую инфраструктуру, которая необходима для оказания жизненно важных для общества услуг, обеспечения общественной безопасности, экономической стабильности, национальной безопасности, международной стабильности, а также устойчивости и восстановления критического киберпространства. Критическая кибернетическая инфраструктура является особенно уязвимой для кибертеррористических атак.

Во-вторых, каждое государство-участник Конвенции обязуется разработать в сотрудничестве с заинтересованными сторонами национальную политику кибербезопасности, в которой признается важность критических информационных структур, определяются риски, с которыми сталкивается страна при использовании подхода «все опасности», и устанавливаются конкретные меры. При этом меры защиты критических информационных структур регламентируются отдельно.

В-третьих, каждое государство-участник принимает такие законодательные и/или нормативные меры, которые оно считает эффективны-

ми, рассматривая в качестве существенных уголовных преступлений деяния, которые затрагивают конфиденциальность, целостность, доступность и жизнеспособность информационно-коммуникационных систем, обрабатываемых ими данных и базовой сетевой инфраструктуры, а также эффективные процессуальные меры по преследованию и судебному преследованию правонарушителей.

Африканская конвенция 2014 г. также учла подходы, разработанные в Конвенции 2001 г.: определила в качестве уголовно наказуемых атаки на компьютерные системы и компьютерные утечки данных; предусмотрела актуальные уголовно-процессуальные меры, в том числе сбор данных в режиме реального времени.

Таким образом, наиболее действенные меры в борьбе с кибертерроризмом предлагает Африканская конвенция 2014 г. В то же время все рассмотренные конвенции предусматривают преимущественно меры на национальном и двустороннем уровнях, но борьба с кибертерроризмом должна вестись на универсальном уровне.

ГЛАВА III

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ АГРЕССИИ В ОБЩЕСТВЕ

§ 1. Правовые механизмы преодоления агрессии в обществе: взгляд французской политико-правовой доктрины второй половины XIX века

Агрессия является междисциплинарным понятием, которое исследуется в психологии, социологии, истории, юриспруденции в различных дискурсах.

В частности, агрессия в психологии определяется, как «целенаправленное деструктивное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным или неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояния напряженности, страха, подавленности и др.)»³³⁵. Поскольку речь идет об агрессии как о социальном явлении, то применительно к Франции рассматриваемого времени агрессию целесообразно анализировать не как феномен индивидуального поведения, а в контексте совместной, коллективной активности. Как отмечает П. Штомпка: «Один из аспектов наследия Великой Французской революции – это явно выраженная во французском обществе склонность к коллективным бунтам, тенденция к массовым выступлениям, к самоорганизации в целях защиты групповых интересов»³³⁶. Подобная трактовка французского общества обуславливается рядом причин.

«Мы хотим иметь длительную и сильную власть, чтобы обеспечить социальное развитие и создать счастливое общество!» – восклицал Ж. Симон³³⁷. Как этого достичь во Франции, где общество середины XIX в. было социально сегментированным, разделалось на различные классы, общественные группы, профессиональные категории. Характерной чертой, несмотря на внешнюю прогрессивность на тот момент политических институтов, была «замкнутость правящего слоя, поскольку до-

³³⁵ Ениколопов С.Н. Психология зла // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Под ред. А.Л. Журавлева и А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 316-317.

³³⁶ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 172.

³³⁷ Simon J. La liberté politique. 4-e éd. Paris: Librairie Hachette et C, 1871. P. 323.

пускали в него главным образом крупных земельных собственников как дворянского, так и буржуазного происхождения, причем обновление и расширение избирательного и депутатского корпуса происходило во Франции крайне медленно. Доступ в него из широкого предпринимательского слоя, обладавшего капиталом, но не крупной недвижимостью, был крайне ограничен»³³⁸.

Кроме того, для Франции характерно образование различных социальных движений, имевших неформальный характер, и которые были вызваны депривацией как генерирующим фактором, вызывающим агрессию.

Наконец, во французском общественном сознании наличествовало различное восприятие роли государства, его взаимодействия с социальными институтами в контексте реализации прав и свобод и т.д. Последнее объяснялось разной оценкой революции как конца XVIII в., та и революционных потрясений, происходивших в стране в первой половине XIX в.

Например, Ш. Ремюза в 1860 г. писал о революции, независимо от ее характера, как о социальном и политическом феномене. Революция должна изменять общество, но эти изменения не могут происходить без того, чтобы правительство не стремилось приспособиться к новому порядку общества: «Так везде происходили социальные и политические революции». Французская революция была как социальной, так и политической. Сначала это не была политическая революция. С 1789 г. французское общество в результате продолжительной борьбы со старым режимом пришло к политическому кризису и к принятию некой гражданской конституции, которая больше не менялась, в отличие от политической. Таким образом, во Франции, по мнению Ш. Ремюза, существовала стабильность в социальной сфере и нестабильность в политической³³⁹.

«Революции достойны восхищения, когда они созрели и необходимы, потому что лишь тогда они совершают насилие над эгоизмом или предрассудками меньшинства, которое стремится к абсурдному или невозможному сохранению старого»³⁴⁰, – отмечал Э. Вашеро, который подчеркивал, что если меняется правительство, то государство остается.

Ж. Симон неоднозначно оценивал революционные события, произошедшие во Франции в конце XVIII в. Учредительное собрание при-

³³⁸ Обичкина Е.О. Либерализм и демократия. У истоков Третьей республики // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М.: МГУ, 2001. С. 125.

³³⁹ Rémusat Ch. de. *Politiquelibérale, ou Fragments pour servir à la défense de la Révolutionfrançaise*. Paris: Michel Lévy frères, 1860. P. 302.

³⁴⁰ Vacherot É. *La démocratie*. Paris: F. Chamerot, 1860. P. 355.

няло Декларацию прав человека и гражданина в 1789 г. (далее – Декларация 1789 г.), провело реформы, которые пришли на смену привилегиям. Однако «раз вышедшая на путь реформ революция не смогла остановиться вовремя... Мы проскользнули крутой склон мудрой свободы к чрезмерной свободе, то есть к анархии. Анархия в свою очередь привела к деспотизму»³⁴¹.

Однако в целом французская политико-правовая доктрина второй половины XIX в. анализировала революцию в контексте трансформационных изменений, прежде всего социальных, которые по своему вектору движения происходили как революционным, так и эволюционным путем, что объясняет цикличность развития, характерного для французского государства. Как отмечал Л.-А. Прево-Парадол: «Трансформация аристократического общества в демократическое, медленно или быстро, насильственно или мирно, тем не менее неизбежно и бесповоротно»³⁴². Таким образом, революция рассматривалась как один из возможных процессов (насильственных) в создании нового государственно-правового устройства и установлении демократического социального государства.

Демократическое социальное государство, в котором сглажены социальные противоречия, должно основываться на подлинно демократическом обществе. Э. Вашеро подчеркивал, что в каждом обществе есть по крайней мере два элемента: индивид и государство, правильными отношениями, регулируемыми их взаимодействием, являются свобода и порядок³⁴³. Аналогичные идеи высказывали Л.-А. Прево-Парадол и Э. Лабулэ, считавшие, что свободу могут обеспечить только демократические государства, т.е. те, в которых интересы народа соблюдаются в наибольшей степени³⁴⁴.

Постулат свободы трактовался в духе Декларации 1789 г.: человек, рождаясь свободным, должен поддерживать и развивать свою свободу в социуме и в государстве. Человеческая свобода подчиняется естественным законам, которые являются универсальными и обязательными: «Первый символ естественного закона, это его универсальность. Он не будет обязательным, если не будет всеобщим»³⁴⁵.

³⁴¹ Simon J. La liberté politique. P. 30.

³⁴² Prévost-Paradol L.-A. La France nouvelle. Paris: Michel Lévy frères, 1868. P. 17.

³⁴³ Vacherot É. La démocratie. P. 219.

³⁴⁴ См.: Prévost-Paradol L.-A. La France nouvelle. P. 45; Лабулэ Э. Государство и его пределы. В связи с современными вопросами администрации, законодательства и политики. СПб.: Издание Н.И. Ламанского, 1868. С. 27.

³⁴⁵ Simon J. La liberté politique. P. 30.

Понятия политической свободы и общественной свободы во французской политико-правовой доктрине второй половины XIX в. разделялись.

Политическая свобода основывается на трех принципах. Во-первых, письменный закон должен повсеместно заменить произвол. Во-вторых, закон, а точнее справедливый закон, который устанавливает и гарантирует соблюдение естественных и неотчуждаемых прав человека. В-третьих, правительство обязано действовать в каждом случае как слуга и министр общих интересов.

«Свобода становится полной, когда все полномочия (власти – С.Б.) вытекают из закона»³⁴⁶, – отмечал Ж. Симон. В таком государстве свободный человек только тот, кто повинуется исключительно закону.

Расширение каталога естественных и неотчуждаемых прав человека, происходившее в XIX в., в частности включение в него неприкосновенности жилища, свободы вероисповеданий, свободы образования, является только разъяснением или гарантией единственного права – права быть свободным, которое есть основа естественного права, а безопасность – его гарантия.

Общественная свобода основывается на справедливых законах. Обеспечивать соблюдение справедливых законов, не изменяя или искажая их суть, призвана судебная власть.

Для общественной свободы необходимы, во-первых, письменные законы. Во-вторых, принятие законов осуществляется народом, посредством избираемых представителей, поскольку «принцип современных обществ, это – суверенитет народа; следствие этого принципа – участие всех в законодательной власти через своих представителей»³⁴⁷. Следовательно, «право избирать и быть избранным – основное право, база и санкция других политических прав»³⁴⁸. В третьих, необходимо обеспечить соблюдение справедливых законов как властью, так и народом.

Таким образом, политическая и общественная свободы базируются на законе, который должен приниматься представителями народа (принцип общественной свободы). Законы устанавливают и гарантируют соблюдение естественных и неотчуждаемых прав человека (принцип как политической, так и общественной свободы). Соблюдать справедливые законы должна власть, которая действует в общих

³⁴⁶ Ibid. P. 159.

³⁴⁷ Ibid. P. 172.

³⁴⁸ Ibid. P. 171.

интересах (принцип политической свободы), так и народ (принцип общественной свободы). Только при соблюдении этих принципов государство будет свободным.

Как примирить свободу и порядок?

Для этого необходимо, чтобы власть была сильной: только господство сильных может установить порядок, свободу и стабильность. Об этом в первой половине XIX в. писал Ф. Гизо, отмечая применительно к установлению Июльской монархии, что «Франция хотела революции, которая не была бы революцией и которая дала бы ей одновременно порядок и свободу. Это было ее желание, которое было девизом ее флага»³⁴⁹.

Впоследствии А. Тьер в своей речи перед Законодательным корпусом 11 января 1864 г. подчеркивал, что законное правительство страны должно обеспечить соблюдения двух других принципов – порядка и свободы, поскольку «общество, лишённое порядка, склонно к деспотизму, а лишённое свободы – стремится к революциям».

Франция не может обойтись без свободы, и для ее осуществления необходимо пять условий. Первое условие – свобода личности или индивидуальная свобода, которая включала в себя безопасность, свободу передвижения и гарантии со стороны государства. Свобода прессы – это второе условие. А. Тьер ставил знак равенства между свободой прессы и свободой обмена идеями, поскольку они формируют общественное мнение. Третье и четвертое условия свободы – это свобода выборов и национального представительства. И последнее условие «заключается в том, чтобы сделать общественное мнение большинства руководителем действий правительства»³⁵⁰.

Итак, демократическое социальное государство, базирующееся на порядке и свободе, посредством правовых механизмов должно стремиться к социальному согласию. К подобным правовым механизмам французская политико-правовая доктрина второй половины XIX в. относилась:

1. Предоставление конституционных гарантий, обеспечивающих соблюдение основных прав и свобод человека.

2. Изменения в избирательной системе, которая предоставит избирательные права большинству граждан страны. Отметим, что во Франции в последней четверти XIX в. мажоритарная избирательная система

³⁴⁹ Guizot F. Trois générations 1789-1814-1848. Paris: Michel Lévy frères, 1863. P. 182.

³⁵⁰ Adolphe Thiers: les cinq conditions nécessaires à la liberté (11 janvier 1864) // Assemblée nationale. URL: <http://www2.assemblee-nationale.fr/decouvrir-l-assemblee/histoire/grands-moments-d-eloquence/adolphe-thiers-11-janvier-1864> (Дата обращения: 03.11.2021 г.).

видоизменялась от униномиальной к полиномиальной и наоборот, что, насколько возможно, максимально «персонифицированно» обеспечивало представительство местных интересов в Палате депутатов. Это в конечном счете придавало определенную устойчивость политической и социальной системе Франции последней четверти XIX в., одним из важнейших элементов которой является избирательная система.

3. Медиатизация общественных отношений. Г. Тард отмечал связь между формами коллективной деятельности и общенациональной прессой, поскольку газеты «стали направлять и изменять мнение»³⁵¹. Пресса рассматривалась как основной инструмент публичности. Кроме того, свобода печати обеспечивает свободу выборов, выполняя контрольные функции к властным институтам. Свобода печати позволит подтвердить и укрепить мнение избирателей, что является «гарантией того, что кандидат может получить поддержку известной газеты и общественного мнения, которое представляет эта газета»³⁵². Наконец, пресса укрепляет и защищает нравственные устои общества, посредством печатного слова «миллионы христиан просвещаются в одно и то же время»³⁵³.

4. Свободу прессы должна обеспечивать независимая судебная власть. Свободное общество должно законодательно регулировать свободу прессы. Баланс интересов между властью и печатью должен обеспечиваться независимой судебной властью. Предлагалось создать специальные суды присяжных для рассмотрения исков, в которых стороной по делу выступает пресса³⁵⁴. Это позволит, с одной стороны, создать механизм защиты свободы печати, а с другой стороны, оградит людей от диффамации, а власть – от посягательств на общественные интересы.

§ 2. Правовые средства противодействия терроризму: проблемы эффективности

Современный терроризм, являясь транснациональным преступлением и приобретая характерные черты «террористического интер-

³⁵¹ Тард Г. Законы подражания. СПб.: Типография и литография С.Ф. Яздовского, 1892. С. 67.

³⁵² Simon J. La liberté politique. P. 205.

³⁵³ Laboulaye E. Le Partilibéral. Son programme et son avenir. 8-e éd. Paris: Charpentier et C, 1871. P. 252.

³⁵⁴ См.: Prévost-Paradol L.-A. La France nouvelle. P. 208.

национализма», представляет реальную угрозу не только личной безопасности граждан и общественной безопасности отдельных государств, но и безопасности всего международного сообщества в целом. Любое государство может существовать и развиваться только при наличии определенных условий, обеспечивающих нормальное функционирование всех сфер жизнедеятельности его граждан, общественных и государственных институтов. Эти условия регламентированы и гарантированы социальными нормами, призванными обеспечивать охрану личности, общества и государства от преступных посягательств. К их числу относятся нормы морали, нравственности и правовые нормы,

Мировое сообщество, осознавая высочайшую общественную опасность терроризма и стремясь выработать эффективные меры по его противодействию, приняло ряд правовых норм, в которых были предприняты попытки раскрыть понятие этого явления. Одно из первых определений терроризма, под которым понималось «применение какого-либо средства, способного терроризировать население в целях уничтожения всякой социальной организации»³⁵⁵, было предложено на V Мадридской конференции по унификации уголовного законодательства в 1934 году³⁵⁶. В 1937 году более 20 государств подписали Конвенцию о предупреждении и наказании терроризма, определившую терроризм как «преступные действия, направленные против государства, цель и характер которых состоят в том, чтобы вызвать ужас у определенных лиц или среди населения»³⁵⁷.

В последующем, особенно в конце XX – начале XXI столетия, было принято значительное количество правовых актов, разработанных международным сообществом под эгидой ООН: Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979), Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997), Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999), Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001), Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (2005) и др. Определения международного терроризма, содержащиеся в этих документах, основывались не только на правовом,

³⁵⁵ Цит. по кн.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. М.: NOTE BENE, 2000. С. 14.

³⁵⁶ Этому предшествовала подготовительная деятельность по разработке понятия терроризма на III-й (Брюссель, 1930 г.) и IV-й (Париж, 1931 г.) Международных конференциях по унификации уголовного законодательства, организованных Международной ассоциацией уголовного права.

³⁵⁷ Цит. по кн.: Емельянов В.П. Указ. соч. С. 15.

но и на философском, социально-политическом понимании этого явления. Конвенциональные дефиниции были дополнены значительным количеством доктринальных определений терроризма, авторы которых предлагали различные критерии для конструирования модели и юридических признаков терроризма, отражающих как концептуальные, так и понятийные аспекты. К сожалению, ни одно из них, несмотря на, казалось бы, ясное понимание термина «терроризм» на уровне бытового и правового сознания, не смогло стать хотя бы относительно общепризнанным на международном уровне вследствие как объективных, так и субъективных причин. В юридической литературе справедливо подчеркивалось, что невозможности мирового сообщества прийти к единому мнению по вопросу о понятии терроризма «находится только одно объяснение – нежелание государств лишиться идеального во всех отношениях инструмента решения неограниченного числа задач»³⁵⁸.

Терроризм представляет собой сложное, динамичное, многомерное явление, затрагивающее не только правовые, но и социальные, исторические, психологические, технологические проблемы, что объективно усложняет разработку общеприемлемого юридического определения на международном уровне.

Основная причина, затрудняющая решение этой проблемы и, как следствие, усложняющая выработку координированных и эффективных действий по противодействию международному терроризму, является крайняя политизированность оценок этого явления. В зависимости от господствующей государственной идеологии подчас происходит подмена целей национально-освободительной борьбы методами их достижения, которые, по существу, являются террористическими, и наоборот. Терроризм ни при каких обстоятельствах не может быть оправдан соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного характера.

В основе современного терроризма, как правило, лежат политические, социально-экономические, национальные или религиозные конфликты, не получившие официального урегулирования. Террористический акт – это своеобразный взрыв, который происходит на максимальном пике столкновения интересов различных государств, социальных или национальных групп, их отдельных представителей. И в этой ситуации важно провести тщательный анализ идеологии и практики терроризма, который позволил бы его отграничить от национально-

³⁵⁸ Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 21.

освободительной борьбы, оппозиционного противостояния различных социальных групп или несовпадения их политических интересов.

Профессор С.У. Дикаев утверждает, что причины современного международного терроризма нельзя рассматривать только лишь в социальном, идеологическом и религиозных контекстах. Первопричиной, порождающий международный терроризм, по его мнению, являются геополитические интересы, а именно – «стремление экономически развитых стран находить свою выгоду в новых (нетрадиционных для них) геополитических условиях и извлекать ее без учета национальных интересов народов, проживающих на данном географическом пространстве, а чаще всего и вразрез с ними»³⁵⁹.

Для терроризма характерна не только политическая мотивация. Из любого правила есть исключения: мотивами терроризма могут быть и корысть, и месть, и экономическая конкуренция, и, нередко, иррациональная мотивация, обусловленная психическими заболеваниями, лежащими в основе девиантного поведения людей. Мотивы и цели террористов могут быть самыми различными – «от корыстного мотива и цели достижения материальной выгоды до человеконенавистнических мотивов и цели уничтожения всей цивилизации»³⁶⁰.

Кроме того, в последнее время мы всё чаще становимся свидетелями так называемых «анонимных» террористических актов, ответственность за совершение которых не берёт на себя ни одна террористическая организация, что затрудняет выяснение истинной мотивации преступников. Поэтому при разработке на концептуальном уровне понятийных характеристик терроризма принципиально важен отказ от избыточной политизации этого социально-правового явления.

Другой причиной, препятствующей выработке общепризнанного понятия международного терроризма, является «многопрофильный» подход к изучению и анализу этого явления различными специалистами. На протяжении всей истории своего существования терроризм становился объектом исследования не только юристов, но и философов и филологов, политологов и психологов, историков и журналистов, и др. Естественно, что в этих случаях терроризм оценивался с позиций научных или иных профессиональных интересов исследователей, которые акцентировали своё внимание на различных сторонах этого социального явления, что порой приводило к «размыванию» понятия терроризма. В одних случаях эти специалисты ошибочно относили к терроризму пре-

³⁵⁹ Дикаев С.У. Указ. соч. С. 183.

³⁶⁰ Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. М.: NOTA BENE, 2000. С. 125.

ступления, связанные с насилием, – убийство, бандитизм, массовые беспорядки и т.п., в других – исключали из этого понятия преступления явно террористической направленности.

Практически все исследователи считают, что борьба с терроризмом на международном уровне может быть эффективной только при объединении усилий различных государств, создании четкой понятийной характеристики терроризма как социально-правового явления, унификации их национальных законодательств и создании единого правового поля с учетом международных правовых документов и установленных ими стандартов для борьбы с терроризмом.

Необходимо, на наш взгляд, определить сферу международной антитеррористической деятельности, создав близкие по содержанию и юридико-технической форме национальные уголовные законы, которые позволят привлекать к ответственности террористов, применяя нормы материального права, независимо от их гражданства и места совершения террористических преступлений.

Унификация уголовно-процессуального законодательства в свою очередь позволит более эффективно и качественно развивать систему взаимодействия специальных и полицейских служб, в том числе по обеспечению систематического обмена оперативной и иной информацией о выявленных или разрабатываемых террористических актах, а также лицах, причастных к изготовлению взрывных устройств, проводить совместные согласованные мероприятия по предупреждению и пресечению террористических актов, оперативные и следственные мероприятия на территории различных государств. Кроме того, унификация законодательства позволит упростить процедуру экстрадиции (выдачи) иностранных граждан, совершивших террористические преступления на территории того или иного государства, что в конечном итоге позволит надежно обеспечить международную безопасность.

Отсутствие в международном законодательстве точной или общепризнанной дефиниции понятия «терроризм» отчасти может быть компенсировано национальной законотворческой инициативой. Осознание опасности терроризма для государственной целостности и независимости стран – участниц СНГ обусловило принятие в 1998 году Межпарламентской Ассамблеей СНГ модельного закона «О борьбе с терроризмом». Несмотря на его рекомендательный характер, модельный закон оказал значительное влияние на принятие и унификацию национальных нормативных правовых актов этих государств, направленных на противодействие терроризму.

В России борьба с терроризмом является одним из главных приоритетов национальной политики и осуществляется в соответствии с Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.³⁶¹ (далее – Концепция). Концепция определяет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации, под которой в соответствии со ст. 5 понимается «совокупность субъектов противодействия терроризму и нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма».

Противодействие терроризму в России осуществляется по трем основным направлениям: а) предупреждение (профилактика) терроризма; б) борьба с терроризмом; в) минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма (ст. 12 Концепции). Все три направления при относительной самостоятельности преследуют одну и ту же основную цель (защита личности, общества и государства от террористических актов и иных проявлений терроризма), тесно связаны между собой и составляют единое целое.

В юридической литературе предупреждение (профилактика) преступности рассматривается как специфический вид социального управления, имеющий целью удержать преступность на минимальном уровне посредством устранения или нейтрализации порождающих её причин³⁶². В полной мере это относится и к предупреждению (профилактике) терроризма как одного из направлений противодействия этому социальному явлению.

К основным внутренним факторам, обуславливающим возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации, Концепция относит: а) межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия; б) наличие условий для деятельности экстремистски настроенных лиц и объединений; в) недостаточную эффективность правоохранительных, административно-правовых и иных мер по противодействию терроризму; г) ненадлежащий контроль за распространением

³⁶¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. № 198. 20.10.2009.

³⁶² Криминология: учебник / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф. Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2002. С. 193.

идей радикализма, пропагандой насилия и жестокости в едином информационном пространстве Российской Федерации; д) недостаточно эффективную борьбу с организованной преступностью и коррупцией, незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Причинами, т.е. явлениями, которые предшествуют терроризму и порождают его, как правило, являются политические, социально-экономические, национальные, сепаратистские или религиозные конфликты, не получившие официального урегулирования. Все остальные факторы, перечисленные в Концепции, относятся, на наш взгляд, к условиям, способствующим возникновению и распространению терроризма, перечень которых можно было бы дополнить: высоким уровнем финансирования террористической деятельности; возросшей технической оснащенностью наиболее опасных террористических группировок; профессионализмом и подготовленностью террористов на основе большого опыта их участия в различных конфликтах; тесной связью терроризма с организованной преступностью и наемничеством.

Важнейшее место в предупреждении (профилактике) терроризма занимает информационно-пропагандистское воздействие на граждан, целью которого является разъяснение сущности терроризма и его общественной опасности, формирование стойкого неприятия обществом идеологии насилия, а также привлечение граждан к участию в противодействии терроризму.

Другим направлением противодействия терроризму является борьба с этим социально-правовым явлением, эффективность которой во многом определяется состоянием нормативно-правовой базы, призванной обеспечивать уголовное преследование за террористическую деятельность, и практикой её применения.

Правовую основу противодействия терроризму в России составляют Конституция Российской Федерации³⁶³, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³⁶⁴, Федеральный за-

³⁶³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (Дата обращения: 23.03.2023 г.).

³⁶⁴ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (послед. ред.) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3031.

кон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³⁶⁵, нормативные акты Президента РФ и другие нормативные правовые акты направленные на противодействие терроризму³⁶⁶, среди которых особое место занимает Уголовный кодекс РФ³⁶⁷. Нормативно-правовая база противодействия терроризму должна в идеале представлять собой систематизированную совокупность нормативных правовых актов, находящихся в определенной иерархической зависимости. Она не только должна гибко и адекватно реагировать на постоянные изменения способов, форм, методов и тактики деятельности субъектов террористической деятельности, учитывать международный опыт, реальные социально-политические, национальные, этноконфессиональные и другие факторы, но и обеспечивать эффективность уголовного преследования за террористическую деятельность.

Достаточно спорным является вопрос о том, какие нормативные акты образуют фундамент правовой основы противодействия терроризму и обладают приоритетом по отношению к другим документам в этой сфере. Международное сообщество, несмотря на многочисленные попытки, как это уже отмечалось ранее, не смогло выработать универсальное определение понятия «терроризм», которое бы в полной мере соответствовало бы интересам национальной безопасности России.

В связи с вышеизложенным принципиально важным и своевременным представляется предложение Президента Российской Федерации о внесении в Конституцию Российской Федерации поправки, прямо гарантирующей ее приоритет в правовом пространстве России. Формулируя это предложение, Президент Российской Федерации пояснил, что «требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции»³⁶⁸. Это предложение президента РФ было реализовано в по-

³⁶⁵ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (послед. ред.) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

³⁶⁶ За период с 1996 года, по оценке С.У. Дикаева, в России принято свыше 300 нормативных правовых актов, «так или иначе, прямо или косвенно призванных противодействовать проявлением терроризма» (Дикаев С.У. Терроризм, террор и террористические преступления». СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 511).

³⁶⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (послед. ред.) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

³⁶⁸ Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (Дата обращения: 23.03.2023 г.).

правке к ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», в соответствии с которой «признанные не соответствующими Конституции Российской Федерации не вступившие в силу международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению»³⁶⁹, что в полной мере касается и международного антитеррористического законодательства.

Не простым является и вопрос о месте, которое занимают в нормативно-правовой базе, направленной на противодействие терроризму, Федеральный закон «О противодействии терроризму» и Уголовный кодекс РФ. Казалось бы, федеральный закон должен обладать приоритетом по отношению ко всем остальным нормативным правовым актам в сфере противодействия терроризму в силу того, что он является базовым, основным, межотраслевым документом. Но Уголовный кодекс РФ обладает статусом кодифицированного федерального закона, вследствие чего он, с одной стороны, не может противоречить Конституции РФ или федеральным конституционным законам РФ, а с другой – федеральные законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить уголовному закону. В случае противоречия между уголовным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует уголовный закон, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 1 УК РФ законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ. Следовательно, федеральный закон «О противодействии терроризму» должен соответствовать УК РФ в части определения террористической деятельности, за которую может быть установлена уголовная ответственность.

Понятие террористической деятельности, содержащееся в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», включает в себя: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновы-

³⁶⁹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (послед. ред.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.

вающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Сравнительный анализ ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» и УК РФ приводит нас к выводу о том, что все эти правонарушения являются преступлениями, но в УК РФ перечень преступлений террористической направленности, в отличие от федерального закона «О противодействии терроризму», представлен более широко. В целях уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму и в интересах выполнения международных обязательств УК РФ устанавливает ответственность за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361.

Вместе с тем необходимо учитывать, что Федеральный закон «О противодействии терроризму» предусматривает не только возможность уголовной ответственности за террористические преступления (и в этой части он должен соответствовать УК РФ), но и содержит определения терроризма, противодействия терроризму, контртеррористической операции, основных принципов противодействия терроризму, международного сотрудничества РФ в области борьбы с терроризмом и др. (в этой части УК РФ должен соответствовать Федеральному закону «О противодействии терроризму»).

Понятие терроризма, содержащееся в Федеральном законе «О противодействии терроризму», требует, на наш взгляд, дальнейшей корректировки. Ещё в 90-е годы прошлого столетия проф. А.Э. Жалинский справедливо говорил о том, что если стоит цель реализовать правовые возможности в борьбе с терроризмом, то «в его анализе должны быть: оценка насилия, анализ целей, характеристика возможных субъектов и оценка его последствий»³⁷⁰.

Сегодня Федеральный закон «О противодействии терроризму» определяет терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий». Существующая конструкция официального понятия терроризма в целом представляется достаточно удачной, но некоторые уточнения всё же необходимы.

Во-первых, совершенно очевидно, что современный терроризм преследует не только цель воздействия на принятие решений органа-

³⁷⁰ Терроризм: психологические корни и правовые оценки: круглый стол // Государство и право. 1995. № 4. С. 27-31.

ми государственной власти или международными организациями, но и цель дестабилизации их деятельности. Необходимо также учитывать, что в случаях «анонимных» террористических актов, которые в последние десятилетия получили распространение и ответственность за совершение которых не берёт на себя ни одна террористическая организация, или террористических актов, явившихся девиантным поведением, вызванного психическими заболеваниями, какие-либо конкретные требования террористами к органам государственной власти с целью воздействия на принятие ими решений не выдвигаются. В этих случаях у террористов цель одна – дестабилизация деятельности органов государственной власти или международных организаций. Указание в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» при определении понятия терроризма на дестабилизацию деятельности органов государственной власти или международных организаций в качестве альтернативной цели, преследуемой террористами, позволит охарактеризовать терроризм как социально-правовое явление, исключив его сугубо политический окрас, более точно определить задачи, правовые, организационные и материальные ресурсы в борьбе с терроризмом.

Во-вторых, требует уточнения и насилие как признак терроризма, который носит устрашающий и публичный характер. На сегодня самым эффективным методом террора, по мнению многих исследователей, стало насилие не в отношении представителей власти, а против мирных, незащищенных и, что крайне важно, не имеющих отношения к адресату преступной акции людей. Устрашение населения является неотъемлемым свойством насилия, которое во многом достигается тем, что взрыв, поджог или иные действия создают реальную опасность наступления одного из трех альтернативных последствий, указанных в ч. 1 ст. 205 УК РФ: гибели человека, причинения значительного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Террористы обязательно демонстрируют обществу катастрофические результаты террора, используя для этого средства массовой информации, прежде всего телевидение и Интернет, для предъявления должностным лицам, обладающим властными полномочиями, условий прекращения насилия.

Публичный характер насилия обеспечивается террористами за счет использования СМИ для усиления эффекта устрашения, увеличения ощущения незащищенности и уязвимости, применения психологических инструментов давления на население при описании последствий террористических преступлений. Причем для терроризма насилие всегда связано с преднамеренным созданием страха, ощущения незащи-

щенности, подавленности, напряжения, а публичный характер исполнения террористических преступлений является их отличительной чертой. Устрашение выступает не в качестве целей терроризма, а в качестве средства достижения этих целей. Устрашение населения – это комплексный объективно-субъективный признак терроризма, выражающий его сущность.

Терроризм – это всегда насилие, но не все насильственные преступления являются террористическими. Использование в официальном определении терроризма (ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму») слов «...и/или иными формами противоправных насильственных действий...» размывает границу между террористическими преступлениями, характеризующимися устрашением и публичностью, и преступлениями, связанными с насилием, но не являющимися террористическими в силу отсутствия названных признаков, – убийством, вымогательством, массовыми беспорядками, бандитизмом и др.

Целесообразно, на наш взгляд, внести изменения в ст. 3 «Основные понятия» федерального закона «О противодействии терроризму», изложив пункты 1 и 2 этой статьи в следующей редакции:

«Ст. 3 Основные понятия:

1) терроризм – идеология и практика насилия с целью дестабилизации деятельности органов государственной власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, связанные с устрашением населения и носящие публичный характер;

2) террористическая деятельность – деятельность, включающая в себя:

а) террористический акт (ст. 205 УК РФ);

б) содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ);

в) публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ);

г) прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ);

д) организацию террористического сообщества и участие в нём (ст. 205.4 УК РФ);

е) организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ);

ж) несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ);

з) захват заложника (ст. 206 УК РФ);

и) организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нём (ст. 208 УК РФ);

- к) угон воздушного или водного транспорта (ст. 211 УК РФ);
- л) незаконное обращение с ядерными или радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ);
- м) хищение либо незаконное вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ);
- н) пиратство (ст. 227);
- о) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277) УК РФ);
- п) насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ);
- р) вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ);
- с) нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ);
- т) акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ)».

Понятие террористического акта, ответственность за который предусмотрена ст. 205 УК РФ, крайне важно для понимания сути и содержания современного терроризма и террористической деятельности. Поэтому требует, на наш взгляд, уточнения диспозиция ч. 1 ст. 205 УК РФ, которая в современной редакции свидетельствует о том, что террористический акт совершается путем только активных действий – взрывов, пожаров или иных действий. Тем не менее террористический акт, может совершаться и путем бездействия, например, посредством умышленного неисполнения обязанностей по соблюдению правил производственной безопасности, приведшего к взрыву, пожару и т.п. Целесообразно, на наш взгляд, заменить термин «действие» на «деяние».

Кроме того, объективная сторона террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) характеризуется реальным деянием (действием или бездействием) либо угрозой совершить это деяние. Реальные деяния (совершение взрыва, поджога и т.п.) и угроза их совершения, на наш взгляд, несопоставимы по степени общественной опасности, и их одновременное использование в ч. 1 ст. 205 УК РФ неоправданно и противоречит правилам юридической техники и здравому смыслу. Общественная опасность угрозы всегда существенно ниже общественной опасности реальных действий, что находит своё отражение в санкциях соответствующих статей УК РФ. Примером могут служить ст. 105 УК РФ, предусматривающая ответственность за убийство, и ст. 119 УК РФ – угроза убийством. Санкции этих статей существенно различаются, что является косвенным подтверждением различной степени общественной опасности упомянутых преступлений.

В случае с террористическим актом мы предлагаем выделить из ст. 205 УК РФ угрозу совершения взрыва, поджога или иных действий в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений в качестве самостоятельного преступления, ответственность за которое может быть предусмотрено отдельной статьей УК РФ (например, ст. 205.7 «Угроза совершения террористического акта»).

Требует уточнения и термин «иные тяжкие последствия», применяемый законодателем в ч. 1 и 2 ст. 205 УК РФ для обозначения одного из трех альтернативных последствий, реальная опасность наступления которого может быть вызвана взрывом, пожаром или иными действиями. К «иным тяжким последствиям» применительно к пункту «в» части 2 ст. 205 УК РФ в соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного суда РФ «...могут относиться, в частности, причинение тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку, средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам...»³⁷¹.

Если учесть, что законодатель в УК РФ дифференцирует умышленный вред, причиняемый здоровью человека на легкий (ст. 115), средней тяжести (ст. 112) и тяжкий (ст. 111), то мы должны прийти к выводу о том, что законодатель вольно или невольно провоцирует правоприменителя использовать ограничительное толкование уголовного закона, которое вносит существенное изменение в содержание и смысл этого закона.

Исходя из приведенных положений постановления Пленума Верховного Суда РФ, Т.Д. Устинова приходит к выводу, что причинение легкого вреда здоровью даже нескольким лицам как не подпадающее под определение иных тяжких последствий охватывается ч. 1. ст. 205 УК РФ. Но это вряд ли, по ее мнению, позволяет сделать конструкцию основного состава террористического акта, сформулированного как состав угрозы или создания опасности. Мы согласны с предложением автора, что более адекватным было бы отдельно выделить в п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ причинение вреда здоровью, поскольку «при таком подходе иные тяжкие последствия охватывали бы все другие случаи организационного и иного материального и нематериального вреда, так подробно перечисленные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ»³⁷².

³⁷¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. Апрель, 2012.

³⁷² Устинова Т.Д. Квалификация преступлений против общественной безопасности: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. С. 6.

На наш взгляд, террористический акт создает угрозу не только жизни человека, но и его здоровью, поэтому, во-первых, законодателю основной состав террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) более правильно определить как совершение террористических действий, создающих опасность не только гибели людей, но и их здоровью (так как в большинстве случаев потерпевшим причиняется именно вред здоровью различной степени тяжести), выделить в квалифицированном составе (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ) причинение вреда здоровью. Во-вторых, правоприменителю следует исключить из п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ толкование «иных тяжких последствий» в части причинения вреда здоровью, как явно выходящее за пределы его полномочий, определённых ст. 126 Конституции Российской Федерации и ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде РФ» от 29 января 2014 г.³⁷³

Современный Уголовный кодекс РФ после распада СССР действует на протяжении почти четверти века. За это время в него было внесено более 400 изменений, в том числе и влияющих на квалификацию преступлений. И если в первые годы своего существования Кодекс можно было сравнивать со смокингом, отвечающим требованиям времени и европейской моды, то сегодня он напоминает скорее «тришкин кафтан» с многочисленными заплатами. Эти «заплаты» – вынужденная дань стремительно изменяющимся отношениям в обществе, на которые вынужден реагировать российский законодатель.

Сегодняшний день требует системных изменений, которые вряд ли могут быть применены в действующем УК РФ, и поэтому наши предложения и рекомендации обращены к будущему уголовному законодательству России. При построении системы Особенной части уголовно права «необходимо ответить на три основных вопроса: 1) по какому признаку должны быть сгруппированы отдельные составы преступлений; 2) какие группы должны быть созданы в результате такого объединения; 3) в какой последовательности они должны быть размещены»³⁷⁴.

Отвечая на эти вопросы, мы исходим из традиционной для большинства государств четырехзвенной классификации объектов преступлений (общий-родовой-видовой-непосредственный) и предлагаем сле-

³⁷³ Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.02.2014. № 6. Ст. 550.

³⁷⁴ Уголовное право России. Особенная часть. Учебник., 3-е изд. доп. и переработанное / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Векленко, В.Ф. Щепелькова. СПб.: Изд. СПбГУ, 2021. С. 14.

дующую структуру Особенной части уголовного права, состоящую из разделов, глав и отдельных статей.

Общим объектом для всех составов преступлений, образующих Особенную часть уголовного права, является национальная безопасность, т.е. состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан РФ, достойное качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие РФ³⁷⁵. Национальная безопасность включает в себя в качестве компонентов личную, общественную и государственную безопасность, что может служить основанием для выделения в Особенной части уголовного права трех основных разделов.

Основанием для объединения статей в раздел «Преступления против общественной безопасности» УК РФ является родовый объект – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, под которой понимается «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»³⁷⁶.

Общественная безопасность (родовой объект), являясь составной частью национальной безопасности (общий объект), в свою очередь подразделяется на отдельные виды безопасности в различных сферах человеческой деятельности (видовые объекты), что и предопределяет структуру раздела «Преступления против общественной безопасности», который может состоять из пяти глав: гл. 24 «Террористические преступления против общей безопасности», гл. 25 «Преступления против безопасности в сфере здоровья населения и общественной нравственности», гл. 26 «Преступления против экологической безопасности», гл. 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», гл. 28 «Преступления в сфере информационной безопасности».

Таким образом, мы предлагаем объединить все статьи, предусматривающие ответственность за террористические преступления в самостоятельную главу под названием «Террористические преступления,

³⁷⁵ Ст. 6 Стратегии национальной безопасности РФ. См. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

³⁷⁶ Ст. 4 Концепции общественной безопасности в РФ, утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685. Документ опубликован не был.

посягающие на общую безопасность», входящую в раздел «Преступления против общественной безопасности».

Нельзя не согласиться с проф. С.У. Дикаевым, что создание нормативно-правовой базы для противодействия терроризму предполагает «государственное определение приоритетности научных исследований в области национальной безопасности в целом и отдельных ее составляющих в частности, внесение соответствующих изменений и дополнений в базовое и отраслевое законодательство России, а также в международно-правовые акты в той мере, в которой это необходимо для решения внутренних задач»³⁷⁷. Научное обеспечение противодействия терроризму включает в себя разработку рекомендаций и предложений, направленных на повышение эффективности применения уголовно-правовых средств в борьбе с терроризмом.

В заключении хотелось бы отметить, что терроризм как сложное и динамичное явление требует постоянного научного и практического осмысления.

§ 3. Противодействие терроризму и вопросы реализации института обстоятельств, исключающих преступность деяния

Распространение идеологии экстремизма все больше приобретает транснациональный характер, что приводит к невосприимчивости экстремистской идеологии к отдельным комплексам национальных предупредительных мер. Технологическое обновление средств и методов деятельности экстремистских организаций, использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет для распространения своей идеологии и координации преступной деятельности указывает на возможность его качественных преобразований путем задействования внутренних человеческих и материальных резервов. Все указанное свидетельствует о необходимости поддержания в актуальном состоянии организационных и правовых механизмов противодействия данному негативному социальному явлению, в том числе мерами уголовной политики³⁷⁸.

Анализ динамики экстремизма в стране с 2012 по 2020 гг. дает основания говорить о наличии сложной, но контролируемой ситуации в сфере противодействия экстремизму. Однако мы полагаем, что имею-

³⁷⁷ Дикаев С.У. Указ. соч. С. 278.

³⁷⁸ Абдулганеев Р.Р. Противодействие экстремизму в Федеративной Республике Германии и Российской Федерации (теоретические и практические аспекты). Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2021. С. 56.

щиеся в распоряжении нормы уголовного законодательства не в полной мере предоставляют возможность адекватного противодействия преступности в рассматриваемой сфере, причём мы вовсе не выступаем за усиление ответственности и ужесточение уголовного законодательства. Впрочем, об этом мы расскажем ниже.

В соответствии со статистическими данными с 2020 г. наблюдается рост проявлений экстремизма как внутри страны, так и за ее пределами, имеющий своей целью в виде дестабилизацию ситуации в России³⁷⁹.

Государство, сталкиваясь с различными проявлениями экстремизма, пытается найти способы противостояния рассматриваемому негативному социальному явлению, которое непосредственным образом воздействует на объекты критической социальной и правовой инфраструктуры путем выработки и поддержания в актуальном состоянии мер законодательного воздействия.

Необходимо отметить, что в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.10.2021 № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»³⁸⁰) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, предусмотренные статьями 280, 280¹, 282, 282¹, 282², 282³ УК РФ, пунктом «л» части 2 статьи 105, пунктом «е» части 2 статьи 111, пунктом «б» части 1 статьи 213 УК РФ, а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с пунктом «е» части 1 статьи 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание³⁸¹.

На основе анализа норм действующего уголовного законодательства представляется возможным разграничить составы преступлений экстремистской направленности по четырем основаниям:

³⁷⁹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (ред. от 29.05.2020): утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753 // Собрание законодательства РФ. 01.06.2020. № 22. Ст. 3475.

³⁸⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности"» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. Ноябрь, 2018.

³⁸¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8; Российская газета. 2016. 16 ноября.

1) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие безопасность государства в области функционирования и деятельности религиозных, общественных объединений и иных организаций (ст. 282¹, 282², 282³ УК РФ);

2) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие охрану личности человека от незаконных посягательств вследствие ненависти или вражды (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 111 и 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 и 116 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ);

3) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие охрану государственных основ толерантного взаимного сосуществования (ст. 136, 280, 282 УК РФ);

4) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие должное функционирование общественной безопасности и общественного порядка (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, ч. 2 ст. 214 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ).

При этом важно знать, что более обстоятельно вопрос категоризации преступлений экстремистской направленности регламентирован в перечне № 20 Указания Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»³⁸². Так, данным перечнем определены преступления:

1) относящиеся к преступлениям экстремистской направленности без дополнительных условий. Их целесообразно систематизировать следующим образом:

а) преступления против жизни и здоровья (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ);

б) преступления против общественной безопасности (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ);

в) преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 280, 280¹, 282, 282¹, 282², 282³ УК РФ);

г) преступления против мира и безопасности человечества (ст. 357 УК РФ);

2) отнесение которых к преступлениям экстремистской направленности зависит от времени (даты) совершения преступления: преступле-

³⁸² Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России N 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Документ опубликован не был.

ния против жизни и здоровья (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ в случае его совершения позже или в период 12.08.2007 г., п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ в случае его совершения ранее 15.07.2016 г., а также ч. 2 ст. 119 УК РФ в случае его совершения ранее 06.08.2019 г.);

3) относящиеся к преступлениям экстремистской направленности при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы:

а) преступления против жизни и здоровья (ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ, ст. 116 УК РФ);

б) преступления против конституционных прав и свобод гражданина (ст. 136, 148, 149 УК РФ);

в) преступление против собственности (ст. 167 УК РФ);

г) преступления против общественной безопасности (ст. 212 УК РФ, ч. 2 ст. 213 УК РФ, ч. 2 ст. 214 УК РФ);

д) преступления против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 239, 243, 244 УК РФ);

е) преступления против порядка управления (ст. 317, 318 УК РФ);

ё) преступления против военной службы (ст. 335, 336 УК РФ);

ж) преступления против мира и безопасности человечества (ст. 354¹ УК РФ);

4) преступления, отнесение которых к перечню при наличии в статистической карточке дополнительной отметки о совершении преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы зависит от времени (даты) совершения преступления:

а) преступления против жизни и здоровья (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в случае его совершения позже 12.08.2007; ч. 2 ст. 119 УК РФ в случае их совершения позже или в период 06.08.2019 г.);

б) преступления против конституционных прав и свобод гражданина (ст. 141, 142, 142¹ УК РФ, ч. 4 ст. 150 УК РФ в случае их совершения позже или в период 12.08.2007 г.);

в) преступления против общественной безопасности (ст. 213 УК РФ, в случае ее совершения ранее 12.08.2007, ст. 214 УК РФ в случае ее совершения ранее 01.06.2007);

г) преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 278, 279 УК РФ в случае их совершения позже или в период 12.08.2007).

5) преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о связи совершенных преступлений с экстремистской деятельностью:

а) преступления против общественной безопасности (ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 226 УК РФ);

б) преступления против порядка управления (ст. 317, 318 УК РФ);

в) преступления против мира и безопасности человечества (ст. 355 УК РФ).

Нельзя не упомянуть и значительные дополнения и изменения, внесенные Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.10.2021 № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам», касающиеся вопросов квалификации экстремистских преступлений. Речь идёт о необходимости выявлять и доказывать исключительно прямой умысел и специальную цель. Отрадно, что высказывание суждений в научных или политических дискуссиях и текстах, не связанных с намерением побудить других к экстремизму, не признается экстремизмом.

Кстати, в Германии озаботились экстремистскими проявлениями в рядах полицейских, и социологи придумали необычный способ узнать о праворадикальных настроениях – проводить исследования непосредственно в патрульных группах оперативников. О росте радикализма среди немецких полицейских, а также военных много писали немецкие СМИ. За последние несколько лет в органах безопасности страны на разных уровнях было зарегистрировано 380 подозрений в правом экстремизме. В одном только МВД земли Северный Рейн-Вестфалия внутренняя проверка выявила 53 таких случая³⁸³.

Полицейские форумы в России так же пестрят сообщениями о преступлениях мигрантов, что лишь усугубляет ситуацию. Отечественные правоохранители, на наш взгляд, заражены ультраправыми взглядами и широко применяемой «жесткой» практикой в отношении правонарушителей и преступников, прибывших из республик бывшего СССР и даже Северного Кавказа. Создается не просто ореол нетерпимости к преступлениям, совершаемым неславянским населением, но и отсутствие какой-либо маломальской толерантности к поведению таковых, может быть и не всегда законопослушных, представителей.

³⁸³ Забродина Е. В Германии проверяют праворадикальные настроения в рядах полиции // Российская газета 2021. 27 октября.

Обратимся, наконец, к имеющимся возможностям противодействия преступным проявлениям в указанной сфере. Еще в первом десятилетии нового века многие российские ученые-криминалисты говорили о кризисе уголовной политики³⁸⁴. Причем имелась в виду ее неадекватность криминальной ситуации.

В СМИ неоднократно публиковались работы профессоров: А.И. Бойко, Ю.В. Голика, С.А. Елисеевой, Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, В.П. Коняхина, А.И. Коробеева, Н.А. Лопашенко, В.А. Якушина и других с предложениями о необходимости обновления действующего УК целиком, его новой редакции³⁸⁵.

Не имея возможности охватить в настоящей работе весь УК целиком, мы предлагаем обратиться к его восьмой главе, нормы которой посвящены обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния. При этом сделаем акцент на тех обстоятельствах, которые еще не получили законодательного закрепления в действующем уголовном законодательстве России, но хорошо известны науке уголовного права.

В первую очередь этим обстоятельством может выступать проведение оперативно-розыскных мероприятий. Так, согласно ч. 4 ст. 16 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г.³⁸⁶. «При защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга». Очевидно, что указанный Закон допускает совершение деяний, объективно содержащих признаки какого-либо преступления, однако УК России по этому поводу молчит.

Между тем, давно назрела необходимость включения рассматриваемой нормы в Уголовный кодекс РФ³⁸⁷. Для успешного осуществле-

³⁸⁴ См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. С. 6.

³⁸⁵ Российская газета. 2010. 10 июня. См., также: Кузнецова Н.Ф. О совершенствовании уголовного закона // Российская юстиция. 2009. № 5. С. 12-16; Наумов А.В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Уголовное право. 2009. № 4. С. 44-48.

³⁸⁶ Закон РФ от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 12.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

³⁸⁷ См. подробнее: Петровский А.В. Оперативно-розыскная деятельность и обстоятельства, исключаяющие преступность деяния // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: Сборник научных трудов. Москва-

ния оперативной работы, выявления и задержания виновных, предупреждения и пресечения преступлений, особенно экстремистской направленности, следует законодательно предусмотреть права должностных лиц, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. Это позволит шире использовать оперативное внедрение в организованные преступные группы с целью их последующего задержания и изобличения в содеянном, а также разложения и даже ликвидации. Так, П.В. Агапов предлагает включить в УК ст. 42¹ «Выполнение специального задания по пресечению либо раскрытию деятельности организованной группы или преступного сообщества»³⁸⁸, против чего выступал профессор В.В. Вандышев, необоснованно, на наш взгляд, полагая, что в указанных случаях может использоваться крайняя необходимость³⁸⁹.

Именно таким образом поступил украинский законодатель, предусмотрев в ст. 43 УК Украины соответствующую норму – «Выполнение специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации»³⁹⁰. Причем уголовная ответственность в таких случаях может наступать лишь при совершении умышленных особо тяжких или тяжких преступлений, связанных с насилием над потерпевшим, причинением тяжкого вреда здоровью или наступлением тяжких последствий (ч. 2 ст. 43). Кроме того, за указанные действия не может быть назначено пожизненное лишение свободы, а максимальный размер превышать половину наиболее строгого вида наказания (ч. 3 ст. 43 УК Украины).

Тем не менее указанная норма справедливо подвергается критике, так как распространяется только на борьбу с организованной преступностью, не охватывая деятельности убийц, насильников и экстремистов-

Ставрополь, 2007. С. 209-216. См., также: Астафьев Ю.В. Уголовно-правовые границы допустимого поведения сотрудников оперативно-розыскных органов и их доверенных лиц в процессе производства ОРМ // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. трудов Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 2009. С. 5-15; Крапива И.И. Соблюдение законности в оперативно-розыскной деятельности и провокация // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 87-92; Савинский А.В. Оперативный эксперимент: провокация или правомерное оперативно-розыскное действие // Актуальные проблемы правовой науки: матер. междунар. научно-практ. конф. Вып. 5 / Отв. ред.: Матвеева Т.Д. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2011. С. 277-285.

³⁸⁸ Агапов П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности. Монография. СПб.: СПб ун-т МВД РФ, 2011. С. 73.

³⁸⁹ Вандышев В.В. Рецензия на монографию Агапова П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности // Российский криминологический взгляд. 2012. № 1. С. 453-457.

³⁹⁰ См.: Уголовный кодекс Украины. Харьков, 2011. С. 20.

одинок, а также предусматривает такие права лишь при выполнении специальных заданий, подавляя инициативу сотрудников и граждан³⁹¹. Правда, по мнению Л.В. Брусницына, проявление инициативы в указанных случаях слишком рискованно и может повлечь гибель оперативно-го сотрудника или лица, оказывающего ему содействие³⁹². Однако без риска вряд ли мыслима эффективная оперативно-розыскная деятельность вообще.

Аналогичные нормы есть в УК Казахстана – ст. 34¹ («Проведение оперативно-розыскных мероприятий») ³⁹³, Республики Беларусь – ст. 38 («Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию») ³⁹⁴, Литовской Республики – ст. 32 («Исполнение задания правоохранительной инстанции») ³⁹⁵. Об исполнении долга или обязанностей, указанных в законном распоряжении властей, говорят УК Австралии, Аргентины, Бельгии, Голландии, Франции³⁹⁶.

По мнению ряда ученых, предлагается вообще исключить институт превышения пределов необходимой обороны при предотвращении убийства, разбоя, изнасилования, терроризма, захвата заложников и других насильственных преступлений, угрожающих безопасности людей³⁹⁷. На наш взгляд, указанное предложение обосновано существующей криминогенной ситуацией в стране и нерешительными мерами государственных органов в отношении особо опасных преступных проявлений. По нашему мнению, требуются нетрадиционные решительные

³⁹¹ См. подробнее: Милюков С.Ф., Сиятскова Л.А. Необходимая оборона по уголовному законодательству России как элемент гражданской самозащиты: Монография. Н. Новгород: Мир, 2005. С. 95.

³⁹² См.: Брусницын Л.В. Государственная защита лиц, содействующих уголовному правосудию: состояние и вопросы развития законодательства // Государство и право. 2010. № 5 (май). С. 42-54.

³⁹³ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001. С. 55; Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Учебник. 2-е изд. / Под ред. В.П. Ревина. Алматы, 2015. С. 261-263.

³⁹⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 66.

³⁹⁵ См.: Уголовный кодекс Литовской республики. СПб., 2003. С. 145.

³⁹⁶ См.: Уголовный кодекс Австралии. СПб., 2002. С. 77; Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2004. С. 52; Уголовный кодекс Бельгии. СПб., 2004. С. 71; Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2001. С. 174; Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. С. 80.

³⁹⁷ См. подробнее: Водяницкий В.А. Превышение пределов необходимой обороны в российском уголовном праве // Проблемы уголовной политики, экологии и права. Сб. матер. межд. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 588-589; Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовые и правоприменительные аспекты. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. 24 с.; Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование). Дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2004. 345 с.; Он же. Террор, терроризм и преступления террористического характера: Монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 464 с.

меры борьбы с преступностью (прежде всего с терроризмом и экстремизмом), такие как «... встречный захват заложников из числа родственников террористов, внесудебное уничтожение наиболее опасных преступников и т.п. Подобная практика уже имеет место, хотя, как правило, остается за пределами теоретического рассмотрения представителями юридической науки»³⁹⁸.

Оперативное внедрение позволяет раскрывать и сложные экономические (беловоротничковые) преступления. Криминальные бизнес-структуры оказываются хорошо защищенными, в том числе за счет создания контрразведывательных формирований с участием бывших сотрудников МВД и ФСБ.

Некоторые ученые предлагают включить в состав главы 8 УК такое обстоятельство, как провокация, дополнив ее ст. 39¹ УК («Правомерная провокация»)³⁹⁹. О возможности легализации рассматриваемого обстоятельства мы уже говорили⁴⁰⁰, памятуя при этом о составе преступления, предусмотренном ст. 304 УК⁴⁰¹.

³⁹⁸ Корецкий Д.А., Милуков С.Ф. Правда о современной российской преступности и стратегия борьбы с ней // Проблемы уголовной политики, экологии и права. Сборник материалов международной научно-практической конференции 24-25 мая 2010 г. СПб.: ОАО ИПП «Искусство России», 2010. С. 83.

³⁹⁹ См. подробнее: Сандаковский С.А. Правовая природа провокации и меры борьбы со взяточничеством // Российский криминологический взгляд. 2008. № 2. С. 171-173; Радачинский С. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1. С. 72-73; Он же. Провокация как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2009. № 2. С. 64-69; Милуков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: монография. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. 768 с.; Милуков С.Ф., Никуленко А.В. Неочевидные решения проблем силового противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 36-45; Клейменов М.П. Полицейский произвол: мифы и реальность // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 46-54.

⁴⁰⁰ Никуленко А.В. Перспективы уголовной политики в сфере законодательного закрепления новых обстоятельств, регламентирующих правомерное причинение вреда // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели. Материалы VII Российского Конгресса уголовного права 31 мая-1 июня 2012 г. М.: Проспект, 2012. С. 186-191.

⁴⁰¹ См. подробнее: Милуков С.Ф. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. СПб., 2009. С. 491. См., также: Комиссаров В.С., Яни П.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 3-8. О включении в гл. 8 УК статьи «О правомерности причинения вреда личности, общества или государства при пресечении террористического акта или при совершении предписанных или разрешенных действий по борьбе с терроризмом» говорит А.И. Рарог, имея в виду ст. 22 Федерального закона от 25 февраля 2006 г. «О противодействии терроризму» признающую правомерными «лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица...». См. подробнее: Рарог А.И.

Такая провокация может быть направлена на побуждение преступника выдать себя для последующего его задержания. Не случайно, самым действенным способом изобличения педофилов является так называемая ловля «на живца», когда под видом ребенка с вероятным преступником в контакт вступает доброволец или сотрудник правоохранительных органов. Кроме того, по вопросу о правомерной провокации, полагаем, можно обратиться к грузинскому опыту, где, позволяя ее осуществлять, практически победили коррупцию в МВД. Грузинские полицейские просто не берут взятки, опасаясь потерять высокооплачиваемую работу. Или, если угодно, нам может помочь опыт Сингапура, широко разрекламированный отечественными СМИ.

Указанное предложение, несомненно, может быть распространено и успешно использоваться при выявлении и раскрытии преступлений экстремистской направленности и изобличения лиц, виновных в их совершении. Тем более, что экстремистские сообщества характеризуются высоким уровнем законспирированности, что не позволяет оказывать предупредительное воздействие без проведения широкого круга оперативно-розыскных мероприятий, в том числе внедрения в таковую организованную группу.

Тем не менее хотелось бы отметить, что вопрос о включении в УК РФ новых обстоятельств, регламентирующих правомерное причинение вреда правоохраняемым интересам, представляется не таким уж бесперспективным. Жизнь не стоит на месте, а законодательство хотя и не поспевает, но должно стараться идти в ногу со временем. Правда, пока отечественный законодатель не стремится наделять граждан и правоохранителей надежным инструментарием для обеспечения надежной защиты своих прав и законных интересов.

§ 4. Правовое и организационное обеспечение противодействия экстремизму в молодежной среде

Различные формы проявления экстремизма беспокоят сегодня все человечество. Экстремизм носит транснациональный характер, именно поэтому противодействие, предупреждение и преодоление последствий

Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. 8-й Межд. науч.-практ. конф. 27-28 янв. 2011 г. М.: Проспект, 2011. С. 5.

экстремистских проявлений выступают задачами не только отдельно взятого государства, но и всего мирового сообщества.

Российская Федерация является многонациональным и поликонфессиональным государством, гарантирующим самоопределение народов, сохранение и приумножение национальных культурных ценностей, свободу вероисповедания и религиозное многообразие народов России. В России проживает около 190 национальностей и народностей, зарегистрировано более 30 тыс. религиозных организаций⁴⁰². Справедливо утверждение о том, что духовно-нравственные принципы российской жизни складывались на протяжении тысячелетней истории России, сформировавшей непоколебимый духовно-нравственный пласт уникальной российской культуры, которая регулирует весь образ жизни отдельного человека и всего российского общества⁴⁰³. Для России, как и любого другого демократического, правового государства, профилактика и противодействие экстремизму – это прежде всего вопрос гарантированности защиты прав и свобод человека, обеспечения национальной безопасности, государственной целостности и суверенитета. По данным Отчета Генеральной прокуратуры РФ о состоянии преступности за 2020 г., число зарегистрированных преступлений террористического характера и экстремистской направленности существенно выросло по сравнению с предыдущим годом, в 2020 году в России было зарегистрировано 2342 преступления террористического характера (что на 29,7% больше по сравнению с 2019 г.), в сравнении с 2019 годом более чем на 42% увеличилось количество выявленных преступлений экстремистской направленности⁴⁰⁴. Как отмечается в отчетном документе, большинство преступных проявлений экстремизма связаны с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности (+34,9%, 367), значительная часть из которых совершена с использованием сети Интернет (339). По официальным данным, показатели преследований по административным статьям о демонстрации запрещенной символики и распространении экстремистских материалов не снижаются. Так, по ст. 20.3 КоАП о демонстрации нацистской символики и символики

⁴⁰² Национальный и этнический состав России // Росинфостат. URL: <https://rosinfostat.ru/natsionalnyj-sostav/> (Дата обращения: 10.09.2021 г.).

⁴⁰³ Религиозный вопрос в контексте ценностных доминант России: глазами российских православных исследователей: кол. монография / Ливцов В.А., Зубанова С.Г., Дорская А.А., Меркулов П.А., Гавриленков А.Ф., Филонов В.И., Махно Л.Л. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 13.

⁴⁰⁴ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Генеральная Прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781> (Дата обращения: 12.10.2021 г.).

запрещенных организаций санкции были наложены в первой половине 2020 года 1052 раза (один раз – в отношении юридического лица, два – в отношении должностных, одно – в отношении предпринимателя без юр. лица, 1048 – в отношении иных физических лиц); учитывая, что в 2019 году санкции по этой статье налагались 2388 раз, можно говорить о некотором снижении количества преследований по ней в последние полгода⁴⁰⁵.

В специальной литературе отмечается, что на постсоветском пространстве накоплен «комплекс политических, социально-экономических, этнических, религиозных и иных проблем, многие из которых обусловлены как отсутствием целенаправленной и системной идеологической работы в реформируемой с 90-х годов XX века России, так и новыми вызовами, имеющими глобальный характер (деятельность международных террористических организаций, неуправляемые потоки нелегальной миграции, сложности с интеграцией и адаптацией участников миграционных потоков в политическом, экономическом и социокультурном пространстве в государствах-реципиентах и др.)»⁴⁰⁶. Полагаем, что причины экстремизма как международного явления порождаются не только внутригосударственными причинами, но продуцируются извне прежде всего межгосударственными экстремистскими организациями путем распространения идеологии экстремизма⁴⁰⁷ среди населения (отдельных социальных групп) как средства достижения различных противоправных целей, в том числе вмешательства во внутренние дела государства.

Происхождение и причины экстремизма изучаются специалистами, правоохранными структурами, учеными. По мнению Е.А. Антонян, «стремление к однополярному превосходству отдельных государств, провозглашение высшего положения некоторых рас и религий порождает массовое недовольство граждан других государств, которые считают себя ущемленными и готовы активно противодействовать, в том числе путем применения насилия и реализации экс-

⁴⁰⁵ Официальная статистика судебного департамента // Исследовательский центр «Сова». URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2020/10/d43072/> (Дата обращения: 13.10.2021 г.).

⁴⁰⁶ Шляхтин Е.П., Степаненко Р.Ф. Противодействие деятельности экстремистских организаций и сообществ: актуальные проблемы теории и практики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 101.

⁴⁰⁷ Примечание: идеология экстремизма основана, как правило, на утверждении исключительности, превосходства либо неполноценности человека на почве социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии, а также идеи политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

тремистских и террористических угроз»⁴⁰⁸. Что касается молодежи, то здесь следует отметить, что данная социально-демографическая группа – наиболее подвержена влиянию различных форм воздействия со стороны экстремистских организаций. Специалисты называют различные причины молодежного экстремизма, в том числе экономические, политические, социальные, нравственно-психологические, правовые⁴⁰⁹. Как отмечает А.В. Ростокинский, в условиях значительного социального и культурного расслоения общества, растущей мобильности, интенсификации обменов и контактов обостряются конфликты между представителями различных социальных групп, носителей различных субкультур, которые имеют распространение среди молодежи⁴¹⁰. Учеными также отмечается, что специфическим свойством молодежи является мобильность, экстремальность в проявлении конфликтных интересов, крайне обостренное восприятие социальной действительности⁴¹¹. Если речь идет об обществе с высоким уровнем

⁴⁰⁸ Антонян Е.А. Распространение экстремизма в телекоммуникационных сетях и сети интернет // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу. Сборник трудов по материалам всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. Саратов: СГЮА, 2021. С. 216.

⁴⁰⁹ Кобзарь И.А. Организационные и правовые основы противодействия преступности несовершеннолетних в переходный период: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 23; Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы. Саратов: Науч. книга, 2007. С. 132-134; Сиоридзе А.Т. Групповой молодёжный экстремизм (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 22; Зиядова Д.З. Детерминанты молодежного экстремизма: региональный аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 149-151; Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности: коллективная монография / Пузилов Р.В., Зелинский Я., Рыбаков О.Ю. и др. Тамбов: ТГУ, 2016. С. 15-158; Атагимова Э.И. Образовательные организации как институт влияния на формирование правосознания лиц молодежного возраста // Право. Законодательство. Личность. 2016. № 2 (23). С. 7-13; Антонян Е.А., Зубков И.М. Влияние уголовно-преступной среды на распространение криминальной субкультуры в молодежной среде (региональный аспект) // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Науч. ред. Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. М.: Юриспруденция, 2018. С. 151-157; Рыбаков О.Ю., Рыбакова О.С. Социальная безопасность в контексте национальной безопасности Российской Федерации // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики / Под ред. Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. Казань: ТИСБИ, 2020. С. 20-24 и др.

⁴¹⁰Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодёжных объединений (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дис... д-ра юрид наук. М., 2011. С. 14.

⁴¹¹ Стребков А.И., Алейников А.В., Сунами А.Н. Российский молодежный экстремизм: проблемы понимания и противодействия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 796-806; Зацепин А.М. Криминологическая характеристика молодежного экстремизма как угрозы национальной безопасности // Здоровье нации и национальная безопасность: криминологиче-

жизни и многообразием предлагаемых путей реализации человеческого капитала, экстремальность молодежи воплощается в альтернативных субкультурах, в то время как в обществах с высоким уровнем социального напряжения она находит выход в криминальных, насильственных формах агрессии, в том числе в экстремизме⁴¹². В данном случае молодые люди наиболее подвержены направлению их агрессии в деструктивных целях, чем используются опытные лидеры экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности.

Согласно положениям Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»⁴¹³ к молодежи относятся лица в возрасте от 14 до 35 лет (ст. 2). Именно поэтому многими учеными, изучающими причины молодежного экстремизма, отдельно выделяется возрастная группа молодых экстремистов в возрасте до 18 лет (несовершеннолетние). Специалистами отмечается рост случаев вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, что обусловлено рядом причин, прежде всего тем, что «многие несовершеннолетние не достигают возраста привлечения к уголовной ответственности, их можно использовать, вовлекая в преступную деятельность, в том числе экстремистскую. Более того, они подвержены достаточно эффективному психологическому воздействию и готовы активно реализовывать поставленные перед ними задачи»⁴¹⁴. Е.В. Демидова-Петрова видит причины экстремизма несовершеннолетних в наличии у данной демографической группы специфических социальных и психологические черты, наличие которых определяется возрастными особенностями молодых людей и тем, что их социально-экономическое и общественно-политическое положение, их духовный мир находятся в состоянии становления в условиях деформации социальной и культурной жизни общества в целом⁴¹⁵. Широко известны случаи вовлечения школьников в несанкционированные митинги, например, в январе 2021 года. По данным Следственного комитета, в несогласованных акциях протеста, которые проходили в ряде крупных российских городов в январе 2021 г., прини-

ские и правовые проблемы / Под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2013. С. 227.

⁴¹² Стребков А.И., Алейников А.В., Сунами А.Н. Указ соч. С. 801.

⁴¹³ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2021. № 1 (часть I). Ст. 28.

⁴¹⁴ Антонян Е.А., Милованова М.М. О причинах вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность // Юридическое образование и наука. 2021. № 12. С. 42.

⁴¹⁵ Демидова-Петрова Е.В. Мониторинг причин проявления экстремизма в молодежной среде // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1(14). С. 58.

мали участие почти полторы тысячи (более 1,4 тыс. подростков), задержано около 300 подростков⁴¹⁶. Отсутствие воспитательной компоненты, навыков самостоятельного принятия решений, неумение выражать и сдерживать эмоции, может стать причиной совершения девиации. В данной ситуации, как отмечает Е.В. Демидова-Петрова, несовершеннолетние, определяя свой жизненный путь, решают конфликтные ситуации, исходя из сопоставления возможных вариантов поведения. На ослабление воспитательной компоненты при работе с молодежью, манипулирование сознанием молодежи со стороны средств массовой информации, социальных сетей, особенно в ситуациях социальных конфликтов, экономически нестабильной ситуации, периоды предвыборных кампаний, указывают и другие ученые⁴¹⁷. Полагаем, что детерминирующими факторами вовлечения несовершеннолетних в деятельность экстремистской направленности выступают также: отсутствие четких сформировавшихся морально-нравственных ориентиров; наличие небольшого жизненного опыта и минимизация родительского внимания, влияния и авторитета; снижение (или отсутствие) критического мышления, которое усиливается неопределенностью положения молодого человека и его неустановившимися взглядами на происходящее.

В современных условиях манипулирование молодежью осуществляется в том числе посредством сети Интернет, где экстремистские сообщества пропагандируют свою идеологию. В условиях больших вызовов и киберугроз, происходящих в глобальном информационном обществе, учеными актуализируется необходимость дополнительного изучения потенциальных кибервызовов и киберугроз информационно-коммуникационного пространства, которое не ограничивается территорией одного государства и имеет транснациональный характер⁴¹⁸.

⁴¹⁶ Бастрыкин: в последних противоправных митингах участвовали 1422 подростка // Реальное время. URL: https://realnoevremya.ru/news/205172-bastrykin-v-protivopravnyh-mitingah-uchastvovali-1422-podrostka?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Дата обращения: 12.09.2021 г.).

⁴¹⁷ Молодежный экстремизм. Понятие и противодействие: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность» / Под общ. ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ-Дана, 2020. С. 5-6; Рыбаков О.Ю. Политическое отчуждение человека. Саратов: СГЮА, 1997. С. 27-28; Дородонова Н.В. Регулирование вопросов по организации профилактики правонарушений несовершеннолетних в зарубежном законодательстве: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 191-197; Саламова С.Я. Дети улиц: криминологическая характеристика уличной организованной преступности несовершеннолетних // Юридическое образование и наука. 2020. № 11. С. 27-30 и др.

⁴¹⁸ Общество: пространство, риски, ценности: монография / Устьянцев В.Б., Гобозов И.А., Пигров К.С. и др.; под ред. А. Н. Чумакова. Саратов: Издательство Саратовского универ-

Большую часть времени сегодняшние молодые люди (в том числе несовершеннолетние) проводят в социальных сетях, что не исключает общение с вербовщиками, опытными «наставниками» на путь экстремистской деятельности. Как мы уже отмечали ранее, здесь следует говорить не только о взаимодействии с различными источниками информации, но о сложном процессе взаимодействия между всеми участниками (субъектами) информационных отношений, что обуславливает необходимость изучения возможных рисков и угроз в данной сфере⁴¹⁹. При этом специалистами констатируется недостаточная осмотрительность молодых людей при установлении виртуальных контактов посредством сети Интернет – молодежь зачастую открыто демонстрирует свои взгляды, убеждения и иные позиции по отдельным вопросам, что может заинтересовать профессиональных экстремистов, в целях дальнейшего привлечения молодых людей к противоправной деятельности, в том числе экстремистской направленности⁴²⁰. Сами представители молодого поколения (особенно если речь идет о несовершеннолетних) не всегда осознают и понимают степень противоправности совершенного деяния. В любом случае они подвержены влиянию старших товарищей, они им доверяют, воспринимают навязанную идеологию, что может повлечь дальнейшее участие в незаконных действиях. Более того, современные цифровые каналы способствуют быстрому распространению информа-

ситета, 2012. С. 145-146; Атагимова Э.И., Рамазанова И.М. Некоторые аспекты законодательного уровня обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации // Правовая информатика. 2014. № 2. С. 14–19; Рыбаков О.Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3 (24). С. 71-76; Карцхия А.А., Макаренко Г.И., Сергин М.Ю. Современные тренды киберугроз и трансформация понятия кибербезопасности в условиях цифровизации системы права // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 3 (31). С. 18-23; Гаврилова Ю.А., Рыбакова О.С. Трансформация правовой политики в условиях цифровизации правовой реальности // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 4. С. 17-23.

⁴¹⁹ Рыбакова О.С. Безопасность несовершеннолетних в информационном обществе: анализ киберрисков и угроз // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 65-73.

⁴²⁰ Антонян Е.А. Распространение экстремизма в телекоммуникационных сетях и сети интернет // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу. Сборник трудов по материалам всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. Саратов: СГЮА, 2021. С. 220; Rybakov O.J., Rybakova O.S. Principles of information security of a child on the Internet // Studies in Computational Intelligence. 2019. Vol. 826. P. 427-433; Igova E., Evstifeeva E., Smagina T., Dorodonova N., Gorbachev M. Conceptual and categorical framework in the sphere of prevention of child neglect and juvenile delinquency: comparative analysis // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Vol. 11.Iss 1. P. 59-64; Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения: монография / Под ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2021. С. 418-420; Rybakov O.J., Gavrilova J.A., Kalashnikova N.A., Falaleeva I.N. Algorithms of human activity in the digital age: the problem of preserving traditional values // Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Vol. 155. P. 558-566.

ции среди молодежи. Интернет обеспечивает большой охват аудитории, высокую скорость распространения информации, а в случае блокировки и удаления запрещенного контента – возможность её быстрого воспроизводства через множество удаленных ресурсов.

Следует отметить, что причины молодежного экстремизма не одинаковы в зависимости от возрастных групп. Если в младшей возрастной группе (14-18) можно назвать выше обозначенные причины, то для более старших групп молодежи на первый план выходят причины социальной неустроенности, безработицы, отсутствие стабильного источника дохода и др. В современных условиях молодежный экстремизм проявляется в пренебрежении к действующим в обществе и государстве правилам поведения, выражении неуважения к представителям власти, создании альтернативных молодежных объединений противоправной направленности. Специалисты отмечают, что молодежный экстремизм сопряжен с нетерпимостью экстремистов к гражданам России, принадлежащим к другим социальным группам, этносам и придерживающимся иных моральных, политических, экономических, эстетических, правовых и религиозных идей, в связи с чем опытные лидеры организаций экстремистов для осуществления мероприятий экстремистской направленности активно используют в деструктивных целях психологические факторы, особенно агрессию, свойственную молодежной психологии, и лидерство как атрибут власти⁴²¹. Развитие молодежного экстремизма – это свидетельство недостаточной социальной адаптации молодежи, развития асоциальных установок её сознания, вызывающих противоправные образцы поведения. Изучение и анализ экстремистских проявлений с участием молодежи, агрессивного поведения молодых экстремистов позволяет сформировать основные направления политики государств по противодействию и пресечению данного негативного явления, сформировать правовые и организационные основы, выработать профилактические меры борьбы с подобным антигуманным поведением.

Правовые основы противодействия экстремизму находят свое закрепление в Конституции Российской Федерации⁴²² (далее – Конституция), принятом на её основе российском законодательстве. Важ-

⁴²¹ Профилактика экстремизма в молодежной среде. Проблемы и решения. Иркутск: ОГКУ «Центр социальных и информационных услуг для молодежи», 2016. С. 20.

⁴²² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (Дата обращения: 08.09.2021 г.).

ным элементом выступают общепризнанные нормы и принципы международного права и международных договоров Российской Федерации, которые, согласно положениям части 4 статьи 15 Конституции, являются составной частью российской правовой системы. Прежде всего, это принципы, закрепленные в статье 1 Устава ООН, среди которых: поддержание и укрепление международного мира и безопасности; предотвращение и устранение угрозы миру и подавление актов агрессии мирными средствами; развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов; осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера; уважение к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии.

Конституция закрепляет базовые ценности и принципы построения государства, формирования основ конституционного строя, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, сохранения безопасности и целостности России. Именно «Конституция РФ определяет ценности и идеалы общества, социальную обусловленность и самостоятельность права, обеспечивает идентичность государства и его правовой системы национально-культурным традициям народа и идеалам права, которые приняты обществом»⁴²³. Важнейшее конституционное значение имеют признание, соблюдение и защита прав и свобод человека, создание условий благоприятного развития индивида, защита человеческого достоинства, в том числе от внешних и внутренних угроз. Конституция гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19). На конституционном уровне признаются идеологическое и политическое многообразие (ч. 1 ст. 13), в то же время никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст. 13). Под идеологическим многообразием понимается право граждан и их объединений свободно формировать, выражать, распространять и защищать свои политические и иные воззрения и

⁴²³ Комарова В.В. Конституция страны – ценность государства и общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 64.

идеи. Как указал Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 28.06.2011 г. № 11, «гарантированные Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами свобода мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом могут быть ограничены только в исключительных случаях, прямо закрепленных в федеральном законе, в той мере, в какой это необходимо в демократическом обществе в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, территориальной целостности (ч. 3 ст. 55 Конституции, ч. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ч. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.)»⁴²⁴. Согласно положениям Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, под национальной безопасностью понимается «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» (пп. 1 п. 5)⁴²⁵. Задача обеспечения национальной безопасности носит комплексный, многогранный характер, требует усилий всего общества, не только государственного аппарата.

Данный подход законодателя нашел отражение в юридической доктрине. Реализация конституционных принципов становления и развития общества, формирование демократического правового государства, отмечает Н.С. Бондарь, определяют в качестве одной из важнейших проблему охраны и, что не менее важно, «достижения баланса интересов личности, общества и государства во всех сферах социального бытия, имея в виду как решение публично значимых задач по защите основ конституционного строя, обеспечению обороны страны, безопасности государства, так и выполнение государством конституционных обязанностей по признанию, соблюдению и защите прав и свобод чело-

⁴²⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

⁴²⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

века и гражданина»⁴²⁶. Гарантируя свободу мысли и слова, Конституция устанавливает запрет на пропаганду или агитацию, порождающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ст. 29). Установлен конституционный запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 13). Данный подход отражает основные принципы и нормы международно-правовых стандартов в области прав человека. Провозглашая право каждого на свободное выражение своего мнения, международными стандартами установлен запрет на нарушение прав и свобод других лиц, проявление любых форм агрессии в обществе. В вышеуказанном Постановлении Пленума Верховного Суда от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) со ссылками на международные документы отмечается, что «согласно международным стандартам всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование, всякая дискриминация на основе религии или убеждений должны быть запрещены законом».

Дальнейшее развитие национального законодательства в сфере противодействия экстремизму детерминировано подписанием Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом⁴²⁷, провозгласившей, что «терроризм, сепаратизм и экстремизм вне зависимости от их мотивов, не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны

⁴²⁶ Бондарь Н.С. Конституционный Суд России – гарант конституционной безопасности личности, общества, государства // Конституционный Суд Республики Армения. URL: <https://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/4.22-2003/N.%20S.%20Bondar.htm> (Дата обращения: 08.09.2021 г.).

⁴²⁷ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, заключена в Шанхае 15.06.2001, ратифицирована Российской Федерацией в 2003 г. Федеральным законом от 10.01.2003 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 13.10.2003. № 41.

быть привлечены к ответственности в соответствии с законом». Под экстремизмом в документе понимается «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооружённых формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон» (п. 3 ч. 1 ст. 1). Согласно приведенному определению, экстремизм представляет собой, во-первых, проявление агрессии в отношении действующего государственного режима, во-вторых, совершение действий насильственного характера, направленных на нарушение общественной безопасности, в-третьих, создание незаконных вооруженных формирований с целью захвата и удержания власти.

Принятая в 2003 г. Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1344 рассматривает экстремизм как «форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма»⁴²⁸. В документе обращается внимание на необходимость законодательного ограничения свободы выражения мнений, собраний и объединений, для целей борьбы с экстремизмом подчеркивается, что независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма (п. 3). В документе подчеркивается двойная опасность тенденции стремления некоторых экстремистских движений найти обоснование своих действий в религии, а именно, «с одной стороны, это способствует разжиганию нетерпимости, религиозного фанатизма и фундаментализма, а с другой – ведет к изоляции целых религиозных общин из-за отдельных лиц, злоупотребляющих общечеловеческими ценностями религии» (п. 4). Политический характер экстремизма подчеркивается и в принятой в развитие Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму⁴²⁹ (далее – Кон-

⁴²⁸ Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы 1344 (2003) «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» // Совет Европы. URL: [https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (Дата обращения: 12.09.2021 г.).

⁴²⁹ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, заключена в г. Астане 09.06.2017 (участниками являются Россия, Китай, Индия, Пакистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан), ратифицирована Федеральным

венция ШОС), в которой под экстремизмом понимается «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» (п. 2 ч. 1 ст.1). Конвенция ШОС является важным документом, установившим основные принципы сотрудничества стран-участников в сфере противодействия экстремизму (ст. 3), определившим перечень деяний экстремистского характера, за совершение которых государства-участники обязуются установить административную, гражданско-правовую и уголовную ответственность (ст. 9), а также меры, направленные на предупреждение и пресечение экстремистской деятельности (ст. 10), и порядок выдачи, передачи осужденных и оказания взаимной помощи странам-участникам по вопросам противодействия экстремизма (ст. 11-25). Документ раскрывает ряд терминов в сфере экстремизма: «экстремистский акт», «финансирование экстремизма», «экстремистские материалы», «экстремистская организация», противодействие экстремизму».

Принятое на уровне международного сообщества понимание экстремизма легло в основу базового Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁴³⁰ (далее – Федеральный закон № 114-ФЗ), в который на протяжении последующих лет вносились изменения и дополнения. Следует отметить, что в действующей редакции Федерального закона № 114-ФЗ, так же как и в первоначальной его редакции, отсутствует единая комплексная дефиниция экстремизма, законодатель отождествляет понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» путем перечисления деяний, отнесенных к подобной деятельности. Согласно статье 1 под экстремистской деятельностью (или экстремизмом) понимаются следующие виды противоправных деяний: «насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека

законом от 26.07.2019 № 196-ФЗ, вступила в силу для Российской Федерации 12.10.2019. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.10.2019 (Дата обращения: 12.09.2021 г.).

⁴³⁰ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3031.

по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 УК РФ; использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг». Законодательно установлена уголовная и административная ответственность за совершение вышеперечисленных деяний.

Следует отметить, что наряду с базовым Федеральным законом № 114-ФЗ российское законодательство содержит большое количество законодательных актов, которые в совокупности регулируют отношения в сфере противодействия экстремизму (Федеральный закон от

28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»; Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»; Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»; Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и др.). Важное значение имеют принятые программно-целевые документы, определившие основные направления реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму (Стратегия национальной безопасности РФ (2009)⁴³¹, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2015)⁴³², Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2000)⁴³³, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2016)⁴³⁴, Стратегии развития информационного общества в РФ (2008)⁴³⁵, Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы (2017)⁴³⁶ и др.).

Так, действующая Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года⁴³⁷ определяет цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед Российской Федерацией вызовов и угроз, определяет направления работы всех уровней публичной власти и институтов гражданского общества, организаций и граждан в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, пресечения экстремистской деятельности, укрепления гражданского един-

⁴³¹ Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (документ утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 18.05.2009. № 20. Ст. 2444.

⁴³² Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (документ утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

⁴³³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, (утв. Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895 (документ утратил силу) // Российская газета. № 187. 28.09.2000.

⁴³⁴ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.

⁴³⁵ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212 (документ утратил силу) // Российская газета. № 34. 16.02.2008.

⁴³⁶ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

⁴³⁷ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753 (ред. от 29.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 01.06.2020. № 22. Ст. 3475.

ства, достижения межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранения этнокультурного многообразия народов России, формирования в обществе атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей.

Говоря о методах противодействия экстремизму, следует прежде всего обратиться к Федеральному закону № 114-ФЗ, который указывает два основных направления противодействия экстремизму: 1) принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; 2) выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц. Данный подход законодателя в полной мере согласуется с положениями Конвенции ШОС, где под противодействием экстремизму понимается деятельность государственных участников, «направленная на защиту прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечение территориальной целостности и национальной безопасности от экстремизма, предупреждение, выявление и пресечение экстремизма и ликвидацию его последствий, а также выявление и устранение причин и условий, способствующих его осуществлению» (п. 9 ч. 1 ст. 2).

При всей значимости обозначенных в Федеральном законе № 114-ФЗ направлений противодействия экстремизму следует отметить, что они, на наш взгляд, носят общий характер, могут относиться к любому противоправному деянию, не отражают специфику такого сложного социально опасного явления, как экстремизм. Формулирование и обоснование возможных и необходимых направлений профилактики экстремизма должно быть связано с точным определением специфики объектно-предметной сферы самого понятия «экстремизм», определением его структуры как явления, выбором соответствующих средств достижения целей профилактики. Профилактика экстремизма – это вид государственной деятельности, направленный на сохранение существующего конституционного строя, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, что должно детерминировать направления профилактики экстремизма: во-первых, как социального явления, в силу того, что сама экстремистская деятельность охватывает, как показывает история и современность, все общество; во-вторых, как явления политического, потому что речь идет о сохранении существующей организации государственно-политической власти; в-третьих, как экономического явления, так как в силу действий экстремистского характера наносится вред эконо-

мике, что негативно влияет на остальные сферы общества; в-четвертых, это идеологическое явление, так как с помощью экстремистских взглядов, установок дестабилизируется общественное и правовое сознание, деформируются духовно-нравственные основы ментальности социума; в-пятых, экстремистская деятельность является противоправной деятельностью и негативно влияет на правовой порядок. Все приведенные нами проявления экстремизма образуют специфику как самого явления, так и детерминируют формы, способы, направления его профилактики.

Правовые основы профилактики экстремизма в молодежной среде лишь тогда оказываются эффективными, когда обеспечиваются организационными усилиями государства, всех уровней организации публичной власти, гражданского общества. Здесь мы склонны разделить позицию ученых в том, что нельзя ограничиваться только законодательными мерами ужесточения наказания за совершение правонарушений и преступлений экстремистской направленности, необходимо, прежде всего «работать с людьми, выявлять причины и факторы, порождающие массовые убийства сверстников, участие молодежи в несанкционированных протестных акциях, насильственных противоправных действиях, совершении правонарушений экстремистской направленности»⁴³⁸. Да, безусловно, на законодательном уровне ведется работа по совершенствованию антиэкстремистского законодательства. В то же время необходимо усилить организационную работу по профилактике и противодействию проявления экстремизма в молодежной среде. По справедливому утверждению А.В. Ростокинского, «профилактика экстремистских проявлений участников молодежных субкультурных объединений выступает составной частью общей профилактики правонарушений несовершеннолетних, включающей комплекс законодательных, социально-экономических, культурно-просветительских, организационных и собственно оперативно-следственных мероприятий»⁴³⁹. Профилактика молодежного экстремизма должна предполагать не только общие направления противодействия экстремизму, но учитывать специфику проявления экстремизма в молодежной среде, особенности формирования экстремистских объединений среди молодежи, методику работы с молодежью. Наряду с правоохранительными органами, основная деятельность которых

⁴³⁸ Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 56.

⁴³⁹Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодёжных объединений (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дис... д-ра юрид наук. М., 2011. С. 16.

направлена на предупреждение, пресечение, профилактику вовлечения молодежи в противоправную деятельность, следует назвать иные государственные структуры, которые также должны уделять внимание работе с молодежью в данной сфере: Министерство просвещения РФ, Министерство науки и образования РФ, Министерство культуры РФ, Федеральное агентство по делам национальностей, Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Важное значение имеет межведомственное взаимодействие.

Профилактика экстремизма предполагает организационные усилия по следующим основным направлениям работы с молодежью:

1. Информационное обеспечение противодействия экстремизму в молодежной среде, предполагающее популяризацию достоверной правовой информации об экстремизме как негативной противоправной деятельности, о развитии законодательства в данной сфере, профилактических мерах противодействия данному явлению и т.д. Как правильно отмечается в научной литературе, «государство может и должно создать социально обеспеченные условия юридической защиты всех своих граждан путем проведения целенаправленной государственной информационной политики»⁴⁴⁰. Следует констатировать, что в условиях широкого распространения современных информационных технологий у большей части населения открылся доступ к неограниченному количеству Интернет-источников, далеко не все из которых содержат достоверную и актуальную правовую информацию⁴⁴¹. Результаты исследований специалистов свидетельствуют о низком уровне правовой осведомленности и грамотности населения нашей страны⁴⁴². Следует констатировать, что информация, находящаяся в свободном доступе в сети Интернет, предоставляемая неофициальными источниками, не может рассматриваться как достоверная и объек-

⁴⁴⁰ Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Проблема взаимоотношений человека и государства в теории правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 2 (295). С. 41.

⁴⁴¹ Рыбакова О.С. Социальное значение правового просвещения граждан в условиях конституционных преобразований // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки. Материалы конференций в рамках X Московской юридической недели. В 5-ти частях. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 229-232.

⁴⁴² Атагимова Э.И. Правовая культура общества как основа правового государства // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2017. № 3. С. 77-82; Рыбаков О.Ю. Качество жизни, благополучие человека, ценность права в условиях цифровой реальности // Человек, общество, право в условиях цифровой реальности. Сборник статей. М.: Русайнс, 2020. С. 15-31; Вопросы права государственного языка и языка права (традиции, новации, развитие): кол. монография / Киянова О.Н., Кичева И.В., Арсанукаева М.С. и др. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 52-54 и др.

тивная. Отметим, что в последние годы в России усилилась системная работа уполномоченных органов по правовому информированию граждан, трудовых мигрантов, отдельных социально-незащищенных категорий населения. Вместе с тем необходимо развивать данную деятельность по работе с молодежью.

2. Просветительская работа с молодежью (в том числе по правовому просвещению), предполагающая целенаправленную и систематическую деятельность по разъяснению молодежи норм действующего законодательства о правах и свободах индивида, об основах конституционного строя, о деяниях, за совершение которых установлена юридическая и (или) иные виды ответственности и т.д. Правовое просвещение должно охватывать не только обеспечение доступа к информации правового содержания путем её распространения среди населения посредством открытых источников информации, но скоординированную просветительскую деятельность в области права, осуществляемую уполномоченными субъектами, предполагающую разъяснение необходимого объема предоставленной информации для молодежи, формируя тем самым воздействие на сознание людей, что представляется возможным на уровне системного государственного решения данного вопроса. В этой связи вполне оправдан подход О.Ю. Рыбакова, предлагающего рассматривать правовое просвещение в качестве одного из значимых инструментов реализации российской правовой политики, с помощью которого можно воздействовать на сознание людей, формировать определенный образ мышления индивидов, юридическую культуру общества в целом⁴⁴³. При этом ученый акцентирует внимание на целесообразности реализации данного инструмента правового воздействия от имени государства, т.к. именно органы государственного управления имеют наибольшие ресурсы для реализации обозначенных задач. Подобного понимания придерживается А.А. Жидких, который полагает, что правовое просвещение представляет собой не только правовую пропаганду (распространение в доступной форме правовых сведений), но и правовое обучение (преподавание правовых знаний в образовательных заведениях), а также правовое консультирование (разъяснение отдельных положений законодательства)⁴⁴⁴. Одной из целей правового просвещения молодежи выступает формирование их правового сознания. Следует согласиться с Е.М. Павленко, что правовое сознание содержит в себе как психологические, так и мировоззренческие (идеологические) струк-

⁴⁴³ Рыбаков О.Ю. Правовая политика и защита прав личности // Современное право. 2004. № 10. С. 23-27.

⁴⁴⁴См.: Жидких А.А. Правовое просвещение граждан // Законность. 2010. № 8. С. 58.

туры, впитывающие общечеловеческие ценности, которые, если речь идёт о прогрессивном правовом сознании, должны быть ориентированы в том числе на уважение достоинства личности, признание прав и свобод человека. С одной стороны, осведомлённость каждого человека о своих правах и обязанностях – важнейший элемент культуры прав человека, но в то же время она может выступать в качестве одной из характеристик индивидуального правового сознания⁴⁴⁵. Правовое просвещение рассматривается учеными как важное условие развития правового государства, формирования культуры соблюдения прав человека, обеспечения эффективной системы защиты его прав, предупреждения правонарушений⁴⁴⁶. Правовое просвещение близко по своему содержанию к правовому воспитанию.

3. Воспитательная работа с молодежью, в основе которой видится работа педагогов, специалистов по формированию у молодого поколения активной гражданской позиции, чувства патриотизма, неравнодушия к событиям, происходящим в стране и за её пределами. Тема воспитания была обозначена Президентом РФ в Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁴⁴⁷. В 2020 году Федеральным законом № 304-ФЗ были внесены дополнения в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁴⁴⁸ в части усиления воспитательной составляющей обучающихся. Например, положительной оценки заслуживает реализация госпрограммы по патриотическому воспитанию молодежи⁴⁴⁹, предполагающая формирование общественно-государственной системы, обеспечивающей приобщение российской молодёжи к ценностной ори-

⁴⁴⁵ См.: Павленко Е.М. Влияние деформаций правового сознания на формирование правовой культуры и культуры прав человека // Российское государствоведение. 2016. № 2. С. 16.

⁴⁴⁶ Чернова О.А., Галанов А.А. Правовое просвещение в российской федерации: актуальные проблемы правового регулирования // Актуальные вопросы юридической науки и практики сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции. СПб.: АНО ВО «СЮА», 2018. С. 315-319; Атагимова Э.И. Правовое просвещение и предупреждение молодежной преступности // Мониторинг правоприменения. 2015. № 4 (17). С. 16-22 и др.

⁴⁴⁷ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 27.07.2020. № 30. Ст. 4884.

⁴⁴⁸ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

⁴⁴⁹ Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 11.01.2016. № 2 (ч. 1). Ст. 368.

ентации, подразумевающей ответственность за судьбу своей Родины, сопричастность к её судьбе. Основными задачами выступают: содействие включению молодёжи в программы патриотического воспитания, в том числе по подготовке к службе в Вооружённых Силах, проведению работ по увековечению памяти защитников Отечества; расширение сотрудничества российской молодёжи с организациями ветеранов войны и труда; содействие деятельности поисковых отрядов, археологических и военно-исторических клубов, объединений краеведческой направленности, патриотических молодёжных проектов и программ, патриотических клубов, объединений казачьей молодёжи и иных молодёжных объединений патриотической направленности; укрепление роли молодёжно-студенческих отрядов в патриотическом, нравственном, трудовом воспитании молодёжи; реализация просветительских и иных программ, направленных на укрепление социального, межнационального и межконфессионального согласия в молодёжной среде; реализация программ по сохранению традиционной культуры народов страны (фольклора, этнографии, истории) и традиционных ремёсел в целях развития связей между поколениями.

В правовой доктрине под правовым воспитанием понимается целенаправленный процесс воздействия на сознание личности, социальных групп, общества в целом в целях превращения правовых идей и установок в личные убеждения граждан, в норму их поведения, способствующую формированию позитивных представлений, взглядов, ценностных установок и социально-правовой активности⁴⁵⁰. Субъектами воздействия на человека в данном случае выступают: государство в лице уполномоченных органов, действующих в рамках своих компетенций, общественные организации, объединения, представители профессионального сообщества (например, Ассоциация юристов России, Союз криминалистов и криминологов и т.д.), отдельные граждане, обладающие специальным статусом.

4. Создание условий позитивной социализации молодёжи, предполагающее вовлечение молодых людей в различные виды общественно-полезной активности (развитие волонтерских движений, наставничества и т.д.). Полагаем, что данное направление должно охватывать представителей молодого поколения не только с 14-летнего, но и более раннего возраста. Например, с 01.01.2021 г. в России стартовала реализация фе-

⁴⁵⁰ Рыбаков О.Ю. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2021. С. 153; Теория государства и права: учебник / Рыбаков О.Ю., Аверин М.Б., Бабенко В.Н. и др. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. С. 388-389; Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. М.: Городец, 2010. С. 466.

дерального проекта «Патриотическое воспитание» в рамках национального проекта «Образование». Заслуживает поддержки реализуемый в 2021-2024 гг. в рамках Нацпроекта Образование подпроект «Патриотическое воспитание»⁴⁵¹, направленный на обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Основными индикаторы являются: вовлечение 3 млн детей в деятельность Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников»; вовлечение 600 тыс. детей в деятельность Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия»; создание патриотического движения Ассоциации студенческих патриотических клубов «Я горжусь» и др. Проект направлен на развитие воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, проведение мероприятий патриотической направленности, прежде всего путем усиления воспитательной компоненты на уроках, во внеурочной деятельности и в дополнительном образовании несовершеннолетних.

Итак, правовое и организационное обеспечение профилактики экстремизма в молодежной среде продолжает оставаться актуальным направлением государственной деятельности. Решение сложных общезначимых вопросов требует системных как правовых, так и организационных усилий как со стороны государства, всех уровней публичной власти, так и со стороны гражданского общества. Становится очевидной необходимость координации антиэкстремистской профилактической деятельности, ее последовательное ее осуществление всеми субъектами. Отмеченные нами основные направления работы с молодежью в целях профилактики экстремизма не являются исчерпывающими, но в любом случае эти направления должны быть скоординированными. Необходим дальнейший правовой, организационный мониторинг состояния дел в сфере профилактики экстремизма. Свое несомненное значение имеет научный анализ этой проблемы, формулирование обобщений, выявление закономерностей проявления этого социально опасного явления, что будет способствовать уточнению целей, задач, средств, методов осуществления профилактики экстремизма в молодежной среде.

⁴⁵¹ Паспорт Национального проекта «Образование» // Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (Дата обращения: 12.10.2021 г.).

§ 5. Характерные особенности оптимизации института альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации) при разрешении налоговых споров в Российской Федерации

На сегодняшний день как в Российской Федерации, так и за ее пределами оптимизация альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации) занимает важное место в жизни налогоплательщиков, осуществляющих предпринимательскую деятельность. После анализа практики законодательно урегулированного их предоставления в иностранных государствах можно прийти к выводу: альтернативная процедура урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации) – важнейший элемент бизнеса, для которого необходимо наличие высокой профессиональной подготовки данной категории посредников.

Налоговое право является динамичной, постоянно изменяющейся отраслью права. Его прогрессивное развитие все большее количество граждан делает субъектами налоговых правоотношений, включая сферу бизнеса. Однако такие граждане зачастую не имеют должного уровня знаний в этой сфере, в связи с чем совершают правонарушения, предусматривающие налоговые санкции и ухудшающие положение конкретного предпринимателя. Данное суждение актуализирует предоставление услуг квалифицированным посредником-медиатором.

Прежде чем выявить проблемы альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации) в России, необходимо рассмотреть его понятие, принципы и основные этапы.

Консультирование в сфере налогов и сборов и медиация как ее разновидность представляется видом профессиональной деятельности, заключающейся в оказании консультируемому лицу услуг, осуществляемых на платной основе и способствующих исполнению налогоплательщиками, налоговыми агентами и иными лицами предусмотренных законодательством обязанностей⁴⁵².

Работа консультанта-медиатора направлена на: разъяснение налогового законодательства; составление отчетности о налогах и сборах юридических и физических лиц; содействие ведению налогового учета; дачу необходимых рекомендаций во время проведения

⁴⁵² Землянская И.С. Налоговое консультирование в Российской Федерации: состояние и тенденции развития // Legal Concept. 2018. № 2. С. 78.

налогового контроля. В основу функционирования налогового консультанта-медиатора закладываются принципы законности, объективности, независимости, профессионализма, конфиденциальности и добросовестности.

Приступая к выполнению обязанностей по альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации), медиатор проходит подготовительный этап, который представляет собой разрешение технических моментов. Затем им анализируется конкретная проблема клиента и проектируется способ ее решения. Далее полученные рекомендации используются клиентом, который по окончании оценивает действенность предложенных ему медиатором решений проблемы.

За последние несколько лет профессия налогового консультанта, включая ее разновидность – медиацию, в Российской Федерации стала востребованной, однако она имеет ряд проблем, требующих разрешения для дальнейшего функционирования⁴⁵³.

Наиболее важными и глобальными являются такие проблемы, как неизвестность налогового консалтинга и дороговизна услуг консультирования в этой сфере.

Альтернативная процедура урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации) в области налогообложения не получает должного развития и постоянного применения по следующим причинам:

1. Недостаток культуры управления: руководитель организации не пользуется услугами внешнего профессионального консультанта-медиатора из-за недоверия к нему.

2. Неразвитая конкуренция налогового консультирования на рынке медиации: в условиях конкурентоспособной среды каждое неверно принятое решение имеет значимые негативные последствия, что требует разъяснения ситуации и дачи эффективных советов со стороны профессионалов в сфере налогообложения.

3. Недостаток профессиональных высококвалифицированных кадров: деятельность по альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации) должна осуществляться лицами, имеющими на это законные основания, среди которых – получение высшего образования в учебном заведении, а также повышение квалификации, профессиональная переподготовка, удостоверенные образовательным документом государственного образца. Это необходимо,

⁴⁵³ Урман Н.А. Налоговое консультирование: развитие и проблемы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 4 (24). С. 143-158.

так как консультант-медиатор должен предложить клиенту качественные знания, опыт для решения вопросов налогообложения, отслеживать все изменения законодательства и использовать их. Незаконную деятельность по оказанию налоговых консультационных услуг, способную причинить вред клиенту, необходимо квалифицировать как незаконную предпринимательскую деятельность по статье 171 УК РФ⁴⁵⁴.

4. Недостаток профессиональной подготовки налоговых консультантов-медиаторов: в РФ наблюдается дефицит как преподавателей по налоговому консультированию-медиации, так и учебной литературы, что делает подготовку специалистов неэффективной⁴⁵⁵.

5. Смещение налогового консалтинга с аудитом и адвокатурой. Федеральным законом РФ «Об аудиторской деятельности» указывается возможность оказания аудиторами услуг по налоговому консультированию в качестве сопутствующих⁴⁵⁶. Однако им не урегулировано ни понятие консультационных услуг, ни требований к их оказанию. Сегодня аудиту подлежат только юридические лица и индивидуальные предприниматели. Компании осуществляют аудит и в отношении граждан-налогоплательщиков, что противоречит действующему законодательству.

Таким образом, недостаточное самостоятельное законодательное регулирование налогового консультирования в сфере медиации является главной проблемой. Постановление Минтруда РФ № 57 – единственный в России документ нормативного характера, который регулирует деятельность налоговых консультантов: он внес в Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих квалификационную характеристику «Консультант по налогам и сборам», установил должностные обязанности такого консультанта и требования к его квалификации⁴⁵⁷.

Высказываются мнения, что на законодательном уровне уже урегулированы вопросы налогового консультирования при осуществлении альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации). Например, НК РФ говорит: «Налоговые

⁴⁵⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

⁴⁵⁵ Урман Н.А. Налоговое консультирование: развитие и проблемы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 4 (24). С. 152.

⁴⁵⁶ Об аудиторской деятельности: Федеральный закон от 30.12.2008 № 146-ФЗ: текст с изм. и доп. на 01.10.2021 // Российская газета. 31.12.2008. № 267.

⁴⁵⁷ О внесении дополнения в Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих: Постановление Минтруда РФ от 04.08.2000 № 57 // Бюллетень Минтруда РФ. 2000. № 8.

органы обязаны: проводить разъяснительную работу по применению законодательства о налогах и сборах <...> разъяснить порядок их заполнения, давать разъяснения о порядке исчисления и уплаты налогов и сборов»⁴⁵⁸. Указанная норма обязывает налоговые органы при обращении к ним налогоплательщиков не отказывать в помощи, однако сильная загруженность налоговых органов препятствует им широко заниматься консультированием, включая и процедуру медиации. Такая норма также не в полной мере соответствует интересам налогоплательщиков, которые имеют право не только на предоставление необходимой информации налоговыми органами, но и на представительство⁴⁵⁹. Законом не рассматривается вопрос о совмещении представителя налогоплательщика и его консультанта-медиатора в одном лице: это решается выдачей доверенности или заключением договора. Но статья 29 НК РФ содержит запрет: «Не могут быть уполномоченными представителями налогоплательщика должностные лица налоговых и таможенных органов, органов налоговой полиции, судьи, следователи и прокуроры»⁴⁶⁰. Следовательно, гражданин после обращения за консультацией в налоговый орган вынужден искать лицо, уполномоченное быть его налоговым представителем в том числе при альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации). Его проблема рассматривается несколькими субъектами, что затягивает решение проблем населения.

Нормативная база налогового консультирования в рассматриваемой нами сфере в России является недостаточной. С целью урегулирования данного института в Государственную Думу был внесен Проект Федерального закона «О налоговом консультировании». Он определял правовой статус представителя налогоплательщика, его деятельность по налоговому консультированию, подготовку, аттестацию специалистов, ответственность за консультирование, создание сообщества налоговых консультантов, взаимоотношения этого сообщества с налоговыми органами, налогоплательщиками, самофинансирование налогового консультирования без привлечения средств государственного бюджета, включая, соответственно, альтернативную процедуру урегулирования споров с участием посредника (процедуру медиации). Рассмотрение законопроекта в 2021 году перенесено Советом Государственной Думы на не-

⁴⁵⁸ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ: текст с изм. и доп. на 01.10.2021 // Российская газета. 06.08.1998. № 148-149.

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Там же.

определенный срок, налоговое консультирование так и осталось неурегулированным.

После подробного разбора характерных особенностей альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации) в России и ее оптимизации наметим основные пути рассматриваемого нами развития. Во-первых, целесообразно провести пропаганду значимости в сфере альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации). Во-вторых, необходимо принять Федеральный закон «О налоговом консультировании». В-третьих, создать нормативную базу, которая будет регулировать стандарты и порядок осуществления консультирования в сфере медиации. В-четвертых, необходимо внедрить систему профессиональной подготовки налоговых консультантов-медиаторов, разработать порядок проведения их государственной аттестации и регистрации, а также аккредитации и сертификации.

Все вышеперечисленные способы оптимизации развития медиации в данной сфере должны проводиться параллельно с работой по правовому воспитанию налогоплательщиков через предоставление возможности получения независимых и ответственных консультаций медиаторами. Это также способствует улучшению взаимоотношений с налоговыми органами и понижению уровня совершения налоговых правонарушений.

Таким образом, развитие института альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации) в Российской Федерации является важной и необходимой задачей, которая требует урегулирования в законодательном порядке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдулганеев Р.Р. Противодействие экстремизму в Федеративной Республике Германии и Российской Федерации (теоретические и практические аспекты). Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2021. 90 с.
2. Агапов П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности. Монография. СПб.: СПб ун-т МВД РФ, 2011. 327 с.
3. Алексанян А.А. Реализация права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 63-67.
4. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 143 с.
5. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.
6. Алтухов С.В., Веревкин В.М. Модель управления киберспортом в Китае как основа стимулирования здорового образа жизни и защиты национальных интересов // Управленческие науки. 2020. Т. 10. С. 22-30.
7. Антонян Е.А. Распространение экстремизма в телекоммуникационных сетях и сети интернет // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу. Сборник трудов по материалам всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. Саратов: СГЮА, 2021. С. 214-224.
8. Антонян Е.А., Зубков И.М. Влияние уголовно-преступной среды на распространение криминальной субкультуры в молодежной среде (региональный аспект) // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Науч. ред. Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. М.: Юриспруденция, 2018. С. 151-157.
9. Антонян Е.А., Милованова М.М. О причинах вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность // Юридическое образование и наука. 2021. № 12. С. 42-45.
10. Арчаков М.К. Диагностирование проявлений политического экстремизма в деятельности общественных организаций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-2 (46). С. 16-19.
11. Арчаков М.К. Концепция «консервативной революции» в идеологических установках правоэкстремистских организаций // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2018. № 18. С. 273-280.

12. Астафьев Ю.В. Уголовно-правовые границы допустимого поведения сотрудников оперативно-розыскных органов и их доверенных лиц в процессе производства ОРМ // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. трудов Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 2009. С. 5-15.

13. Астахов А. Реалии и мифы кибертерроризма // OSP – Гид по технологиям цифровой трансформации. URL: <https://www.osp.ru/os/2003/05/183045> (Дата обращения: 04.02.2023 г.).

14. Атагимова Э.И. Образовательные организации как институт влияния на формирование правосознания лиц молодежного возраста // Право. Законодательство. Личность. 2016. № 2 (23). С. 7-13.

15. Атагимова Э.И. Правовая культура общества как основа правового государства // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2017. № 3. С. 77-82.

16. Атагимова Э.И. Правовое просвещение и предупреждение молодежной преступности // Мониторинг правоприменения. 2015. № 4 (17). С. 16-22.

17. Атагимова Э.И., Рамазанова И.М. Некоторые аспекты законодательного уровня обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации // Правовая информатика. 2014. № 2. С. 14-19.

18. Ахромова А.Г., Мегрикан И.Г., Иванова Н.В., Саакова К.Р., Величко А.И. Научно-методические основы противодействия экстремизму и терроризму в образовательных организациях // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты. Коллективная монография. Пенза: Наука и просвещение, 2021. С. 87-97.

19. Багновская Н.М. Толерантность как объективный фактор и условие сосуществования мультикультурных групп // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1. № 2. С. 7-10.

20. Балева М.В. Влияние социальной групповой самоидентификации на социальную перцепцию групп разного типа // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 109-130.

21. Баркер Р. Фрустрация. Конфликт. Защита. // Вопросы психологии. 1991, №6. С. 34-38.

22. Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения: монография / Под ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2021. 424 с.

23. Бейда И.А. Этнический элемент терроризма: исторический аспект // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 11-1. С. 9-14.

24. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
25. Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Учебник. 2-е изд. // Под ред. В.П. Ревина. Алматы, 2015. 504 с.
26. Бергсон А. Творческая эволюция: пер. с фр. / Предисл., примеч. И.И. Блауберг; Рос. акад. естеств. наук. М.: Кучково поле: Канон-пресс, 1998. 382 с.
27. Беттельхейм Б. Люди в концлагере. В кн. Психология господства и подчинения: Хрестоматия / Сост. А.Г. Чернявская. Мн.: Харвест. 1998. С. 157-281.
28. Блищенко И.П., Каламкарян Р.А., Карпец И.И. и др. Международное уголовное право. М.: Наука, 1995. 172 с.
29. Богмацера Э.В., Жамборов А.А. Противодействие финансированию терроризма как элемент системы борьбы с терроризмом на национальном и международном уровне // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 4. С. 25-30.
30. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 2-е изд. М.: Добросвет; КДУ, 2006. 257 с.
31. Бойко О.А., Кишеньков Д.Г., Ревягин А.В., Еремеев С.Г. Профилактика экстремизма в среде студенческой молодежи // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 3 (86). С. 352-359.
32. Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моём отце. М.: Современник 1992. 314 с.
33. Боков Д.К. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: трудности доктринального понимания // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 124-131.
34. Большой психологический словарь / Сост. Б. Мещеряков и В. Зинченко. М.: Олма-пресс, 2004. 672 с.
35. Бондарь Н.С. Конституционный Суд России – гарант конституционной безопасности личности, общества, государства // Конституционный Суд Республики Армения. URL: <https://www.concourt.am/hr/csl/vestnik/4.22-2003/N.%20S.%20Bondar.htm> (Дата обращения: 08.09.2021 г.).
36. Брусницын Л.В. Государственная защита лиц, содействующих уголовному правосудию: состояние и вопросы развития законодательства // Государство и право. 2010. № 5 (май). С. 42-54.

37. Буданов С.А., Колесников Р.В. Молодежный экстремизм: особенности структуры личности преступника // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 139-145.

38. Вагабова Н.М. Социально-психологическое исследование этнической толерантности в поликультурном регионе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6 (166). С. 113-116.

39. Вандышев В.В. Рецензия на монографию Агапова П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности // Российский криминологический взгляд. 2012. № 1. С. 453-457.

40. Васильева Т.А. Борьба с дискриминацией по признаку возраста как необходимая составляющая современной политики // Труды института государства и права Российской академии наук. 2013. № 1. С. 191-214.

41. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.

42. Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 55-64.

43. Величко А.М. Философия русской государственности. СПб.: Изд-во Юридич. ин-та (Санкт-Петербург). 2001. 333 с.

44. Водяницкий В.А. Превышение пределов необходимой обороны в российском уголовном праве // Проблемы уголовной политики, экологии и права. Сб. матер. межд. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 588-589.

45. Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М.: Юрлитинформ, 2002. 496 с.

46. Вопросы права государственного языка и языка права (традиции, новации, развитие): кол. монография / Киянова О.Н., Кичева И.В., Арсанукаева М.С. и др. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2020. 124 с.

47. Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб.: Л.С. Яковлевой, 1994. 352 с.

48. Вьюнов Ю.А. Концепт «русская соборность» как социокультурный феномен // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2018. № 1. С. 446-458.

49. Гаврилова Ю.А., Рыбакова О.С. Трансформация правовой политики в условиях цифровизации правовой реальности // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 4. С. 17-23.

50. Гаджиев Г. А., Ливеровский А.А. Юриспруденция и математика (общность познавательных структур): монография. Махачкала: ДГУ, 2016. 103 с.
51. Гайдук А.О. Агрессия и формы ее проявления в современном обществе // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2020. № 2. С. 180-183.
52. Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество // Хрестоматия по экономической теории / Сост. Е.Ф. Борисов. М.: Юристъ, 1997. 602 с.
53. Герман В.А. Формирование толерантного сознания как средство профилактики экстремизма // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2007. №8. С. 43-48.
54. Гишинский Я. Социальное насилие. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2017.
55. Гишинский Я.И. Человеческое, слишком человеческое. СПб.: Алетейя, 2020. 204 с.
56. Головина С. Ю. Конституционные принципы и права в сфере труда и их конкретизация в трудовом законодательстве России // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 132-145.
57. Грамши А. Тюремные тетради. Избранные произведения в 3 томах. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1959. 565 с.
58. Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая Гвардия, 1991. 446 с.
59. Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. 334 с.
60. Девятков А.В. Секьюритизация/десекьюритизация в современных общественно-политических процессах // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации: материалы международной конференции: Москва, 15-16 октября 2012 г. / Науч. ред. С.А. Панарин, Д.И. Польшвинный; Ивановский гос. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 103-107.
61. Демидова-Петрова Е.В. Мониторинг причин проявления экстремизма в молодежной среде // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1(14). С. 54-63.
62. Диалектика познания сложных систем / Под ред. В.С. Тетюхина. М.: Мысль, 1988. 316 с.
63. Диалектический материализм. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин / Под. ред. В.С. Шевкина. М.: Партийное издательство, 1934. 563 с.
64. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 464 с.

65. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (Уголовно-правовое и криминологическое исследование). Дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 345 с.

66. Дикаев С.У., Дикаева Д.М. О механизме реализации принципа права народа на самоопределение при сохранении государственного суверенитета // Юридическая мысль. 2018. № 2 (106). С. 26-29.

67. Дикаев С.У., Дикаева Д.М. Политико-правовые меры защиты государственного суверенитета от деструктивного внешнего вмешательства // Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23-25 апреля 2018 г. / Под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С.44-49.

68. Дикаев С.У., Дикаева Д.М. Проблемы защиты государственного суверенитета от деструктивного внешнего вмешательства // Юридическая мысль. 2017. № 4 (102). С.74-80.

69. Дмитриев С.В. Безопасность в Китае: термин и коннотации // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15-17 ноября 2011 г.) / Отв. ред. Сергей Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 70-77.

70. Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности: коллективная монография / Пузиков Р.В., Зелинский Я., Рыбаков О.Ю. и др. Тамбов: ТГУ, 2016. 300 с.

71. Долгова В.И., Напримеров А.А., Латюшин Я.В. Формирование эмоциональной устойчивости личности. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 167 с.

72. Дородонова Н.В. Регулирование вопросов по организации профилактики правонарушений несовершеннолетних в зарубежном законодательстве: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 191-197.

73. Дорская А.А. Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО и современные государственно-конфессиональные отношения // Медиация: становление и развитие (российский и зарубежный опыт): Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Герценовские чтения – 2011». СПб.: Айсинг, 2011. С. 21-24.

74. Дорская А.А. Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт. Монография. СПб.: Астерион, 2019. 160 с.

75. Емельянова В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. М.: NOTE BENE, 2000. 320 с.

76. Ениколопов С.Н. Психология зла // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Под ред. А.Л. Журавлева и А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 308-335.
77. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 493 с.
78. Жидких А.А. Правовое просвещение граждан // Законность. 2010. № 8. С. 58-60.
79. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
80. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
81. Забродина Е. В Германии проверяют праворадикальные настроения в рядах полиции // Российская газета 2021. 27 октября.
82. Зацепин А.М. Криминологическая характеристика молодежного экстремизма как угрозы национальной безопасности / Здоровье нации и национальная безопасность: криминологические и правовые проблемы / Под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2013. 384 с.
83. Зеленко Б.И. Согласие власти и общества – шаг к деалиенации? // Вестник Российского философского общества. 2011. № 2. С. 75-78.
84. Землянская И.С. Налоговое консультирование в Российской Федерации: состояние и тенденции развития // Legal Concept. 2018. № 2. С. 76-86.
85. Зенин С.С. Отдельные особенности правового регулирования казачества в субъектах Российской Федерации // LexRussica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 49-59.
86. Зиядова Д.З. Детерминанты молодежного экстремизма: региональный аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 149-151.
87. Иванов С., Томило О. Кибертерроризм: угроза национальной и международной безопасности. URL: <http://www.arms-expo.ru/news/archive/kiberterrorizm-ugroza-nacional-noy-i-mezhdunarodnoy-bezopasnosti14-03-2013-18-35-00/> (Дата обращения 14.07.2021 г.).
88. Ильина Т.Н., Дорская А.А., Дорский А.Ю. Взаимодействие российского государства и общества в правовой сфере: историко-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 4. С. 467-483.
89. Иноценко В.А., Бочарников В.М. Логико-теоретические основания возникновения идеи политико-правового отчуждения личности // Философия права. 2015. № 6(73). С. 48-52.

90. Исаков В.Б. Правовой статус роботов, наделенных искусственным интеллектом: объекты или субъекты? // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: Сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 15 апреля 2021 г. / Под общ. ред. д-ра экон. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юрид. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к. п. н. Н.М. Ладнушкиной. М.: Саратовский источник, 2021. С. 104-112.

91. Искендеров А.У. Международный терроризм: типы современного терроризма и общие причины роста террористической угрозы в современном мире // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2017. № 2. С. 131-136.

92. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2008. 862 с.

93. Карцхия А.А., Макаренко Г.И., Сергин М.Ю. Современные тренды киберугроз и трансформация понятия кибербезопасности в условиях цифровизации системы права // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 3 (31). С. 18-23.

94. Киреев М.П. COVID-19 как новый облик терроризма – терроризма биологического // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 2. С. 221-225.

95. Кирпичников А. Взятка и коррупция в России. СПб.: АЛЬФА, 1997. 350 с.

96. Клейменов М.П. Полицейский произвол: мифы и реальность // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 46-54.

97. Клиническая психология: учебник. 2-е изд. / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб: Питер, 2006. 960 с.

98. Кобзарь И.А. Организационные и правовые основы противодействия преступности несовершеннолетних в переходный период: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2002. 59 с.

99. Кознова И.Е. Аграрные преобразования в памяти российского крестьянства // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 74-85.

100. Колганова Г.Ю., Петрова А.А. Представления о безопасности в Древнем Египте и Ассирии: «теория» и «практика» // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации : материалы международной конференции: Москва, 15-16 октября 2012 г. / Науч. ред. С.А. Панарин, Д.И. Польшин; Ивановский гос. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 15-23.

101. Колесниченко М.Б., Серова В.В. Этническая толерантность: опыт разведывательного исследования // Вестник Пермского нацио-

нального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 98-106.

102. Комарова В.В. Конституция страны – ценность государства и общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 62-66.

103. Комиссаров В.С., Яни П.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключаящее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 3-8.

104. Корецкий Д.А., Милюков С.Ф. Правда о современной российской преступности и стратегия борьбы с ней // Проблемы уголовной политики, экологии и права. – Сборник материалов международной научно-практической конференции 24-25 мая 2010 г. СПб.: ОАО ИПП «Искусство России», 2010. С. 76-86.

105. Кочеврин Ю. Индустриализация, коллективизация... приватизация // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 1. С. 116-120.

106. Кочубей М.А., Мареев П.Л., Смирнов А.А., Сутормина Е.В. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. СПб.: Русь, 2018. 96 с.

107. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 302 с.

108. Крапива И.И. Соблюдение законности в оперативно-розыскной деятельности и провокация // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 87-92.

109. Кризис права: история и современность: монография / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. 514 с.

110. Криминология: учебник / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф. Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2002. 432 с.

111. Кудрина Е.Л., Кудрин В.С. Феномен толерантности в противодействии возникновению экстремизма в молодежной среде // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 33-2. С. 171-176.

112. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976. 286 с.

113. Кузнецова Н.Ф. О совершенствовании уголовного закона // Российская юстиция. 2009. № 5. С. 12-16.

114. Кузнецова Ю.М., Курузов И.А., Смирнов И.В., Станкевич М.А., Старостина Е.В., Чудова Н.В. Текстовые проявления фруст-

рированности пользователя социальных сетей // Медиалингвистика. 2020. Т. 7, № 1. С. 4-15.

115. Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции: уч. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. 215 с.

116. Кыргызстан намерен остановить вербовку на войну в Сирию // Asia-plus. № 37(920). 15 мая 2014 г.

117. Лабулэ Э. Государство и его пределы. В связи с современными вопросами администрации, законодательства и политики. СПб.: Издание Н.И. Ламанского, 1868. 401 с.

118. Лесников Г. Политика и экономика: связи в условиях переходного общества // Власть. 2000. № 7. С. 8-13.

119. Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо: МИДГАРД, 2005. 876 с.

120. Ломоносов М.В. О сохранении русского народа / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 848 с.

121. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс Универс, 1994. 272 с.

122. Лоренц К. Обратная сторона зеркала: пер. с нем. / Под ред. А.В. Гладкого; сост. А.В. Гладкой, А.И. Федоров; послесловие А.И. Федорова. М.: Республика, 1998. 393 с.

123. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 646 с.

124. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Предисловие академика РАН В.Н. Кудрявцева. М.: Издательство НОРМА, 1997. 497 с.

125. Лунеев В.В. Теории права и криминальные реалии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1(36). С. 26-35.

126. Маркс К. Манифест Коммунистической партии. СПб.: Тип. Монтвида, 1906. 61 с.

127. Мартынов В.А. Вызовы, реалии и шансы России // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 10. С. 3-9.

128. Марченко М.Н., Рожко И.Н. Демократия в СССР: факты и домыслы. М.: Мысль, 1988. 282 с.

129. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. 293 с.

130. Матчанова З.Ш. Террористический акт как социальная травма: криминологический анализ // Вестник Академии права и управления. 2018. № 2 (51). С. 107-112.

131. Матчанова З.Ш. Уголовно-правовая характеристика терроризма в контексте теории социальной травмы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 3 (31). С. 56-63.

132. Мелкумян К.С. Противодействие финансированию терроризма как важный фактор борьбы с терроризмом в условиях «идеального шторма» // Время больших перемен: политика и политики. материалы Всероссийской научной конференции РАПН / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 237-239.

133. Мещерякова А.В., Мещерякова С.Н. О формировании пускового механизма правового поведения личности // Философия права. 2015. № 1(68). С. 81-86.

134. Мещерякова А.В., Мещерякова С.Н. О формировании пускового механизма правового поведения личности // Философия права. 2015. № 1(68). С. 81-86.

135. Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области 1928-1934 гг.). Монография. М.: Юрист, 2008. 247 с.

136. Мигущенко О.Н. Использование интеллектуального потенциала образовательных организаций высшего образования в развитии муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. №2. С. 3-8.

137. Мигущенко О.Н. Противодействие религиозному экстремизму: постановка проблемы // Юридический мир. 2015. № 11. С. 54-59.

138. Милюков С.Ф. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. СПб., 2009. 752 с.

139. Милюков С.Ф. Солнце криминологии чиновничьей дланью не прикроешь! // Личность преступника и её криминологическое изучение / Под ред. профессора А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 166-167.

140. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Неочевидные решения проблем силового противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 36-45.

141. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: монография. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. 768 с.

142. Милюков С.Ф., Сиятскова Л.А. Необходимая оборона по уголовному законодательству России как элемент гражданской самозащиты: Монография. Н. Новгород: Мир, 2005. 247 с.

143. Молодежный экстремизм. Понятие и противодействие: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность» / Под общ. ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ-Дана, 2020. 319 с.

144. Мотькин В.Н. Федеральная нормативно-правовая база и правовой статус казаков // Казачьи объединения республики Мордовия: тенденции и прогноз развития. Саранск: Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2021. С. 8-17.

145. Наумов А.В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Уголовное право. 2009. № 4. С. 44-48.

146. Некрасова Е.В. Экстремизм и его особенности в молодежной среде // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4. С. 432-439.

147. Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 53-60.

148. Нигматуллин Р.В. Деятельность международных организаций по совершенствованию нормативной базы борьбы с терроризмом: история и тенденции развития // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 4 (38). С. 157-160.

149. Никуленко А.В. Перспективы уголовной политики в сфере законодательного закрепления новых обстоятельств, регламентирующих правомерное причинение вреда // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели. Материалы VII Российского Конгресса уголовного права 31 мая – 1 июня 2012 г. М.: Проспект, 2012. С. 186-191.

150. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.

151. Новгородцев П.И. Сочинения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. М.А. Колеров, Н.С. Плотников. М.: Раритет. 1995. 446с.

152. Новик А. Россия-НАТО: вместе против терроризма // Центр анализа террористических угроз. URL: <http://catu.su/analytics/532-rossija-nato-vmeste-protiv-terrorizma> (Дата обращения: 23.10.2022 г.).

153. Новиков А.Б., Дорохова А.Ю. К вопросу об охране здоровья трудоспособного населения // Юридическая наука. 2020. № 9. С. 51-54.

154.Новиков А.Б., Рагозина Н.А. Исполнительная деятельность в конституционной концепции правового государства // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 84-89.

155.Нюттен Ж. Экспериментальные исследования фрустрации // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. М., Прогресс, 1975. С. 11-84.

156.Обичкина Е.О. Либерализм и демократия. У истоков Третьей республики // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М.: МГУ, 2001. С. 123-158.

157.Общество: пространство, риски, ценности: монография / Устьянцев В.Б., Гобозов И.А., Пигров К.С. и др.; под ред. А.Н. Чумакова. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2012. 268 с.

158.Омарова З.У., Султанахмедова З.Г. Этнический фанатизм как деструктивная форма сознания и практики // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 3 (12). С. 42-45.

159.Остроухов Н.В. Теоретико-методологические, правовые и прикладные вопросы генезиса, эволюции и разрешения этнических конфликтов в современной России (опыт системного исследования). М.: Юрлитинформ, 2008. 214 с.

160.Павленко Е.М. Влияние деформаций правового сознания на формирование правовой культуры и культуры прав человека // Российское государственное управление. 2016. № 2. С. 15-27.

161.Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1991. 419 с.

162.Панарин С.А. Безопасность как историко-культурная категория (вместо предисловия) // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации: материалы международной конференции: Москва, 15-16 октября 2012 г. / Науч. ред. С.А. Панарин, Д.И. Польшанский; Ивановский гос. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 5-14.

163.Пашенцев Д.А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 31-39.

164.Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021. 184 с.

165. Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / Научн. ред. Е.В. Тимошина. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. 1104 с.

166. Петрова Т.А. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по противодействию распространению агрессии и насилия в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 316-318.

167. Петровский А.В. Оперативно-розыскная деятельность и обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: Сборник научных трудов. Москва-Ставрополь, 2007. С. 209-216.

168. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение: Общ. концепция. Неприкосновенность личности / Отв. ред. И.Б. Михайловская. М.: Наука, 1985. 239 с.

169. Пивоев В.М. Право и история художественной культуры: учеб. пособие для студентов юрид. факультета. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 112 с.

170. Пинкер С. Просвещение продолжается: в защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 632 с.

171. Плотникова О.В. Консульские отношения и консульское право. М.: Норма, 1998. 144 с.

172. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (вопросы теории и практики). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1972. 152 с.

173. Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Лукьянова Е.Г., Скурко Е.В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. 2004. № 3. С. 5-15.

174. Политическая конфликтология / Под ред. С.А. Ланцова. СПб.: Питер, 2008. 319 с.

175. Полищук В.И. Психические расстройства, возникающие у людей, вовлеченных в деструктивные секты // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 1995. № 1. С. 40-20.

176. Поляков А.В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания // Правоведение. 1997. № 4. С. 83-101.

177. Поляков А.В. Общая теория права. СПб.: СПбГУ, 2017. 472 с.

178. Почему в России необходима сильная централизованная власть? URL: <https://maxpark.com/user/1042506032/content/6997638> (Дата обращения: 14.10.2021 г.).

179. Право и история художественной культуры: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В.Г. Вишневский и др.; под ред. М.М. Рассолова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 431 с.

180. Примаков Е. Постиндустриальная эпоха: вызов российским политикам: Интервью // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 45-53.

181. Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. М.: Городец, 2010. 752 с.

182. Профилактика экстремизма в молодежной среде. Проблемы и решения. Иркутск: ОГКУ «Центр социальных и информационных услуг для молодежи», 2016. 105 с.

183. Путин В.В. Выступление на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», 21 октября 2021 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (Дата обращения 21.03.2023 г.)

184. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля.

185. Радачинский С. Провокация как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2009. № 2. С. 64-69.

186. Радачинский С. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1. С. 72-73.

187. Радиков И.В. Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. Вып. 1 (834). С. 54-75.

188. Рарог А.И. Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. 8-й Межд. науч.-практ. конф. 27-28 янв. 2011 г. М.: Проспект, 2011. С. 3-8.

189. Религиозный вопрос в контексте ценностных доминант России: глазами российских православных исследователей: кол. монография / Ливцов В.А., Зубанова С.Г., Дорская А.А., Меркулов П.А., Гавриленков А.Ф., Филонов В.И., Махно Л.Л. М.: ИНФРА-М, 2016. 260 с.

190. Романов Н.А. Политический экстремизм как угроза национальной безопасности. М.: ИСПИ РАН, 1997. 394 с.

191. Романович Н.А. Население Воронежа о причинах и путях преодоления демографического кризиса // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 62-66.

192. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодёжных объединений (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дис... д-ра юрид наук. М., 2011. 49 с.

193. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы. Саратов: Науч. книга, 2007. 418 с.

194. Рустамов Х.У., Зиядова Д.З. Роль традиций и обычаев в противодействии преступности в Республике Дагестан на современном этапе // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 2. С. 204-207.

195. Рыбаков О.Ю. Качество жизни, благополучие человека, ценность права в условиях цифровой реальности // Человек, общество, право в условиях цифровой реальности. Сборник статей. М.: Русайнс, 2020. С. 15-31.

196. Рыбаков О.Ю. Политическое отчуждение человека. Саратов: СГЮА, 1997. 107 с.

197. Рыбаков О.Ю. Правовая политика и защита прав личности // Современное право. 2004. № 10. С. 23-27.

198. Рыбаков О.Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3 (24). С. 71-76.

199. Рыбаков О.Ю. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2021. 240 с.

200. Рыбаков О.Ю., Рыбакова О.С. Социальная безопасность в контексте национальной безопасности Российской Федерации / В сб.: Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики / Под ред. Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. Казань: ТИСБИ, 2020. С. 20-24.

201. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Проблема взаимоотношений человека и государства в теории правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 2 (295). С. 34-42.

202. Рыбакова О.С. Безопасность несовершеннолетних в информационном обществе: анализ киберрисков и угроз // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 65-73.

203. Рыбакова О.С. Социальное значение правового просвещения граждан в условиях конституционных преобразований // В кн.: Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки. Материалы конференций в рамках X Московской юридической недели. В 5-ти частях. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 229-232.

204. Савинский А.В. Оперативный эксперимент: провокация или правомерное оперативно-розыскное действие // Актуальные проблемы правовой науки: матер. междуна. научно-практ. конф. Вып. 5 / Отв. ред.: Матвеева Т.Д. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2011. С. 277-285.

205. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 338 с.

206. Сагалакова Г.А. Проблема толерантности и интолерантности в современном мире // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 1. № 2 (78). С. 230-233.

207. Сайтова В. Что такое фрустрация и нужно ли с ней бороться // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61385cc69a794757b4cda93b> (Дата обращения: 02.11.2021 г.).

208. Саламова С.Я. Дети улиц: криминологическая характеристика уличной организованной преступности несовершеннолетних // Юридическое образование и наука. 2020. № 11. С. 27-30.

209. Сандаковский С.А. Правовая природа провокации и меры борьбы со взяточничеством // Российский криминологический взгляд. 2008. № 2. С. 171-173.

210. Сексте Я.А. Противодействие идеологии экстремизма и террористической деятельности в образовательной и молодежной среде: вызовы, проблемы и новые подходы // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права. Материалы V международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. С. 45-51.

211. Сергачёв В. Работа на износ // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 5 мая.

212. Сёрл Дж.Р. Конструирование социальной реальности. URL: https://www.phantastike.com/social_psychology/designing_social_reality/html/ (Дата обращения 12.03.2023 г.).

213. Сиоридзе А.Т. Групповой молодёжный экстремизм (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 31 с.

214. Скоробогатов А.В. Конструирование правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы // Ученые записки. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань: Отечество, 2021. С. 25-31.

215. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Виртуальный правовой дискурс в коммуникативной парадигме // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 3(36). С. 400-404.

216. Смаилова З.А. О правовой природе пропаганды терроризма и публичных призывов к совершению актов терроризма // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2017. № 3. С. 100-103.

217. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. 184 с.

218. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.

219. Соловей В.Д. О государственной стратегии формирования национальной идентичности в России // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 6. С. 98-109.

220. Социалистическое право, сознание и поведение личности / М.Т. Баймаханов, А.У. Бейсенова, Е.К. Нурпеисов и др. Алма-Ата: Наука, 1988. 236 с.

221. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники, 1886-1916: с 50 портретами, 12 приложениями документов и указателем лиц. 2-е изд., доп. Пг.: Воен. тип., 1918. 623 с.

222. Справедливые и не справедливые социальные неравенства в современной России / Ред.-сост. Р.В. Рывкина. М.: Реферendum. 2003. 663 с.

223. Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 64-74.

224. Стешенко Л.А. Почему распался Союз? (Станкевич З.А. История крушения СССР: политико-правовые аспекты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 320 с.) // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 171-176.

225. Страшун Б.А. Суверенитет государства в современном национальном, международном и наднациональном праве // Lex russica. 2016. № 7. С. 167-176.

226. Стребков А.И., Алейников А.В., Сунами А.Н. Российский молодежный экстремизм: проблемы понимания и противодействия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 796-806.

227. Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / Т.В. Губаева, Д.Б. Миинигулова, А.В. Скоробогатов и др.; под ред. Т.В. Губаевой, А.В. Краснова. М.: РГУП, 2021. 160 с.

228. Тард Г. Законы подражания. СПб.: Типография и литография С.Ф. Яздовского, 1892. 370 с.

229. Теория государства и права: учебник / Рыбаков О.Ю., Аверин М.Б., Бабенко В.Н. и др. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. 472 с.

230. Терроризм: психологические корни и правовые оценки: Круглый стол // Государство и право. 1995. № 4. С. 27-31.
231. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 3-16.
232. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 86-96.
233. Тихомиров Ю.А., Нанба С.Б. Роботизация: динамика правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 532-549.
234. Толстой А.Н. Хождение по мукам. М. Наука, 2012. 478 с.
235. У вербовщиков – миллионные аудитории // Asia-Plus. № 36(1019) от 11 мая 2015 г.
236. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник., 3-е изд. доп. и переработанное / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Векленко, В.Ф. Щепелькова. СПб.: Изд. СПбГУ, 2021. 856 с.
237. Умланд А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Русский национализм в политическом пространстве / Сост. М. Ларюэль. М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. С. 71-87.
238. Урман Н.А. Налоговое консультирование: развитие и проблемы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 4(24). С. 143-158.
239. Устинова Т.Д. Квалификация преступлений против общественной безопасности: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. 112 с.
240. Федоров Г.О., Церковникова А.С. Профилактика негативных проявлений в молодежной среде // Социальные отношения. 2015. № 2 (13). С. 50-66.
241. Фролов Д.Б., Прхвятилов В.В., Беляков Т.В. New media и Арабская весна // Международные отношения. 2012. № 1. С. 60-67.
242. Фрустрация: понятие и диагностика. Учеб.-метод. пособие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 68 с.
243. Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
244. Фукуяма Ф. Великий разрыв: пер. с англ. / Под общ. ред. А.В. Александровой. М.: АСТ, 2008. 474 с.
245. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3. С. 11-20.
246. Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8. С.5-13.

247. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2021. 496 с.

248. Хвалец А.А., Бурыгин А.А. Детский терроризм как одна из основных тенденций развития международного исламского терроризма // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 8 (60). С. 2616-2622.

249. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗИСП: ИНФРА-М, 2019. 234 с.

250. Цопанова А.В. Развитие толерантности как стратегическая задача концепции антитеррора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 3. С. 102-109.

251. Цыбульская Н.В., Шкурова Е.В. Феномен дискриминации в оценках населения Республики Беларусь: опыт социологического исследования // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія». 2020. Том 10. № 3. С. 75-84.

252. Чернова О.А., Галанов А.А. Правовое просвещение в российской федерации: актуальные проблемы правового регулирования // Актуальные вопросы юридической науки и практики сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции. СПб.: АНО ВО «СЮА», 2018. С. 315-319.

253. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5-26.

254. Шатковская Т.В. Традиционное право в контексте цивилизационного подхода // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9(46). С. 1823-1827.

255. Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовые и правоприменительные аспекты. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. 24 с.

256. Шестаков Д.А. Агрессия против суверенной Ливии, набросок формул обвинения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4 (23). С. 10-15.

257. Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12-23.

258. Шихаде М.Ш. Проблема морального отчуждения в философии Ж.-П. Сартра и А. Камю. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991. 25 с.

259. Шляхтин Е.П., Степаненко Р.Ф. Противодействие деятельности экстремистских организаций и сообществ: актуальные проблемы теории и практики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 100-104.

260. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Институт социологии РАН. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf> (Дата обращения: 23.10.2022 г.).

261. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.

262. Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. 2005. №4. С. 87-97.

263. Щербинина Ю.В. Речевая защита. Учимся управлять агрессией. М.: Неолит, 2017. 345 с.

264. Эрдынеева К.Г. Педагогическая проекция экстремистских проявлений в молодежной среде: превентивная парадигма // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 4-5. С. 100-113.

265. Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2006. 318 с.

266. Ясницкая М.И. Молодежный экстремизм, как современная криминологическо-правовая проблема // Военное право. 2019. № 6 (58). С. 232-237.

267. Adolphe Thiers: les cinq conditions nécessaires à la liberté (11 janvier 1864) // Assemblée nationale. URL: <http://www2.assemblee-nationale.fr/decouvrir-l-assemblee/histoire/grands-moments-d-eloquence/adolphe-thiers-11-janvier-1864> (Дата обращения: 03.11.2021 г.).

268. Bix В.Н. Rules and Normativity in Law // Araszkievicz M., Banaś P., Gizbert-Studnicki T., Płeszcza K. (eds.) Problems of Normativity, Rules and Rule-Following. Cham: Springer, 2015. P. 125-146.

269. Bowman M.E. Is International Law Ready for the Information Age? // Fordham Law Journal. 1996. Vol. 19. Iss. 5. P. 1935-1946.

270. Cohn E.S., White S.O. Legal Socialization: A Study of Norms and Rules. NY: Springer-Verlag, 1990. 234 p.

271. Collin B. The Future of Cyberterrorism // Crime & Justice International Journal. 1997. Vol. 13. Issue 2. P. 15-18.

272. Cotterrell R. Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2006. 206 p.

273. Dennett D.C. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Cambridge (Mass.), London. Bradford Books, 1986. 353 p.

274. Denning D.E. Activism, Hacktivism, and Cyberterrorism: The Internet as a Tool for Influencing Foreign Policy // Nautilus Institute. URL: <https://nautilus.org/global-problem-solving/activism-hacktivism-and-cyberterrorism-the-internet-as-a-tool-for-influencing-foreign-policy-2/> (Дата обращения: 04.02.2023 г.).

275. Dolin K. A critical introduction to law and literature. NY: Cambridge University Press, 2007. 160 p.

276. Gable K.A. Cyber-Apocalypse Now: Securing the Internet against Cyberterrorism and Using Universal Jurisdiction as a Deterrent // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2010. Vol. 43, No. 1. P. 57-118.

277. Gergen K. Social Construction in Context. London: SAGE, 2001. 240 p.

278. Gordon S., Ford R. Cyberterrorism? // Computers & Security. 2002. Vol. 21(7). P. 636-647.

279. Guizot F. Trois générations 1789-1814-1848. Paris: Michel Lévy frères, 1863. 296 p.

280. Hertogh M. Nobody's Law: Legal Consciousness and Legal Alienation in Everyday Life. London: Palgrave, 2018. P. 27-48.

281. Hoian I.M. Axiological Aspects of Moral and Legal Decision-Making // Anthropological Measurements of Philosophical Research. 2019. Vol. 16. P. 66-77.

282. Hoian I.M., Budz V.P. Antropological and Axiological Dimensions of Social Expectations and their Influence on Society's Self-Organization // Anthropological Measurements of Philosophical Research. 2020. Vol. 18. P. 76-86.

283. Ilgova E., Evstifeeva E., Smagina T., Dorodonova N., Gorbachev M. Conceptual and categorical framework in the sphere of prevention of child neglect and juvenile delinquency: comparative analysis // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Vol. 11. Iss. 1. P. 59-64.

284. Jacobs B.A., Wright R. Street Justice Retaliation in the Criminal Underworld. NY: Cambridge University Press, 2006. 154 p.

285. Khmil V.V. Ambiguous Janus of Modern Democracy // Measurements of Philosophical Research. 2016. Vol. 9. P. 47-54.

286. Laboulaye E. Le Partilibéral. Son programme et son avenir. 8-e éd. Paris: Charpentieret C, 1871. 344 p.

287. Malherbe N. A psychopolitical interpretation of de-alienation: Marxism, psychoanalysis, and liberation psychology // Psychoanal Cult Soc. 2021. Vol. 26. P. 263-283.

288. Manderson D. Danse Macabre: temporalities of law in the visual arts. NY: Cambridge University Press, 2019. 287 p.

289. Marmor A. Conventions, Reasons and the Law // Ramírez-Ludeña L., Vilajosana M.J. (eds.) Legal Conventionalism. Cham: Springer, 2019. P. 47-64.
290. Marmor A. Interpretation and Legal Theory. 2nd ed. Portland: Hart Publishing, 2005. 179 p.
291. Prévost-Paradol L.-A. La France nouvelle. Paris: Michel Lévy frères, 1868. 423 p.
292. Ramadan T. Le musulmans de l'Europe prises en tenaille // Le Monde diplomatique. Juin, 2000. P. 12-13.
293. Rémusat Ch. de Politique libérale, ou Fragments pour servir à la défense de la Révolution française. Paris: Michel Lévy frères, 1860. 490 p.
294. Rybakov O.J., Gavrilova J.A., Kalashnikova N.A., Falaleeva I.N. Algorithms of human activity in the digital age: the problem of preserving traditional values // Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Vol. 155. P. 558-566.
295. Rybakov O.J., Rybakova O.S. Principles of information security of a child on the Internet // Studies in Computational Intelligence. 2019. Vol. 826. P. 427-433.
296. Sánchez Brigido R.E. Groups, Rules and legal Practice. Dordrecht: Springer, 2010. 190 p.
297. Simon J. La liberté politique. 4-e éd. Paris: Librairie Hachette et C, 1871. 383 p.
298. Vacherot É. La démocratie. Paris: F. Chamerot, 1860. 400 p.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

1. **БЕРНАЦКИЙ ГЕОРГИЙ ГЕНРИХОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор.

2. **БОЧКАРЕВ СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент.

3. **ДИКАЕВ САЛМАН УМАРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор.

4. **ДИКАЕВА ДИНАРА МИДХАТОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Юридического института.

5. **ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор.

6. **ДОРСКИЙ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

7. **КИСЕЛЁВА ТАТЬЯНА МАРАТОВНА** (Республика Беларусь, Минск), доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

8. **КРУПНОВА ТАТЬЯНА БОРИСОВНА** (Россия, Москва), преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института, аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

9. **ЛОМАКИНА ИРИНА БОРИСОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры теории и истории государства и права

Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, юрист 1 класса.

10. **ЛУКЪЯНОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук.

11. **МАТЧАНОВА ЗОЯ ШАРИФОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

12. **МИГУЩЕНКО ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ** (Россия, Курск), профессор кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

13. **НИКУЛЕНКО АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, доцент.

14. **НОВИКОВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), заведующий кафедрой конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент.

15. **ОСПЕННИКОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ** (Россия, Самара), профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, доктор юридических наук.

16. **РАГОЗИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доцент Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

17. **РАДЖАБОВ САИТУМБАР АДИНАЕВИЧ** (Республика Таджикистан, Душанбе), заведующий отделом международного права Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной Академии Наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор.

18. **РЫБАКОВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА** (Россия, Москва), доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского гос-

ударственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), старший научный сотрудник ФБУ НЦПИ при Минюсте России, кандидат юридических наук.

19. СКОРОБОГАТОВ АНДРЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ (Россия, Казань), профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), доктор исторических наук, доцент.

20. СМОРГУНОВА ВАЛЕНТИНА ЮРЬЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), декан юридического факультета, заведующая кафедрой теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования.

21. ТАЛИМОНЧИК ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

22. ФИРСОВ ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции.

23. ЧЕСТНОВ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, заслуженный юрист Российской Федерации.

24. ШАХМАТОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор.

Научное издание

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ЭКСТРЕМИЗМУ, ТЕРРОРИЗМУ, НЕТЕРПИМОСТИ:
РОЛЬ ПРАВА В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОЯВЛЕНИЙ АГРЕС-
СИИ В ОБЩЕСТВЕ**

Коллективная монография

Под редакцией В.Ю. Сморгуновой, А.А. Дорской

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Подписано к использованию 20.12.2023, заказ № 165
191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 61, пом. 23Н.

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📌: https://vk.com/asterion_izdatelstvo

